

Сибирское отделение АН СССР
Институт истории, филологии и философии

ПАДЕЖИ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ
В СТРОЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СИБИРИ
(Сборник научных трудов)

Новосибирск
1981

ПРЕДИКАТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ I

I. Падежная система

Изменение формы слова по падежам, система показателей которых составляет исторически сложившуюся в данном языке парадигму, называется склонением. Падежная система якутского языка, в зависимости от взглядов исследователей, неоднократно пересматривалась (число падежных форм, их семантика, происхождение, названия). Академик О. Н. Бётлингк² выделил 10 падежных форм, которые назвал:

Редколлегия:

д.ф.н. Е. И. Убрятова, д.ф.н. М. И. Черемисина
(ответственный редактор), к.ф.н. Е. К. Скрибник,
Л. А. Шамина.

Названия падежей	Окончания падежей	Аффиксированные притяжательные местоимения	Значения
I. Основа и Casus indefinitus			Название предмета, определение, сказуемое, прямое и косвенной дополнения.
2. Accusativus definitus	-ны, н ³	-нн	Прямое дополнение.
3. Accusativus indefinitus	-та	-на (со служебными словами)	Прямое дополнение при сказуемом в повелительном наклонении.
4. Locativ	-	-на (редко)	Во временном знач.
5. Dativ	-га, -ха	-(н)-гар	Все отношения дательного и местного падежей.
6. Ablativ	-(т)тан	-(н)-ттан	Пространственные, временные, причинные значения.
7. Instrumentalis	-(н)нан	-(н)-нан	Инструментальные, пространственные и временные значения.
8. Adverbialis	-лн ⁴	-(н)-нн	Сравнительное ('как')
9. Casus comitativus	-лнн	-(н)-ннн	Совместность.
10. Casus comparativus	-тагар ⁵	-(н)-нагар	Сравнительный ('чем')

Надежную систему, установленную О. Н. Бётлингом, повторили С. В. Ястремский⁶ и В. В. Радлов⁷. С. В. Ястремский отметил долготу в аффиксах -лын и -таагар, заменил название *Casus indefinitus* именительным, исключил адвербиальный и местный падежи, хотя и признавал пространственное значение за аффиксом -та.

О. Н. Бётлинг на основе словоизменения установил классификацию частей речи:⁸ I. Имена: существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глагольные имена. II. Глаголы. III. неизменяемые. Эта классификационная схема прошла по многим исследованиям, в том числе и в работах по якутскому языку Н. Н. Поппе⁹ и Л. Н. Харитоновой¹⁰. Но в работе самого Бётлинга эта классификация не выдержана. Так, в разделе "Словообразование" глагольные имена попали в именные формы, в "Словоизменении" они были исключены из раздела "Глагол" как склоняемые формы, которые не могут быть истинно глагольными формами¹¹, а в "Синтаксисе" Бётлинга они оказались в разделе "Глагол". При этом он уделит большое внимание падежным формам глагольных имен, которые он называл предикативами, основными в предикативном склонении.

Почти одновременно с трудом Бётлинга появилась "Краткая грамматика якутского языка" Д. Хитрова. Опиравшийся на практические грамматики русского языка, автор назвал падежи якутского языка по-русски: именительный, дательный, винительный I (афф. -ны, -ы), винительный II (афф. -та), творительный I (афф. -нан), творительный II (афф. -лын), предложный (афф. -ттан), сравнительный (афф. -тагар). Падежи разделены на простые или неопределенные и на притяжательные или личные¹².

В современных якутских грамматиках имеется 8 падежей: основной (якутск. төрүт падеж), частный (араары падеж), винительный (туохтуу падеж), дательный (сыһары падеж), исходный (таһаары падеж), орудный (туттуу падеж), совместный (холбуу падеж), сравнительный (тэһии падеж). Склонения простое и притяжательное¹³.

В основе якутского склонения лежит общетюркская парадигма, состоящая из 6 основных падежей: основного, родительного (-тын, -ни), винительного (-ны, -ы, -ни), дательного (-га, -гар), исходного (-тан), местного (-та).

В некоторых языках сохраняются отдельные древние падежные фор-

мы сравнительного (-deg, -ça), а также падежи, возникшие из древних послелогов (творительный -мынан, -нан). В якутском языке без изменения сохранились винительный, исходный. Дательный падеж выражает все отношения дательного и местного падежей. В парадигме утрачен родительный падеж, аффикс которого используется лишь для оформления средних членов (3-е лицо) сложного изафетного определительного словосочетания. Местный-исходный падеж древнетюркских языков переосмыслен в частный (назван и объяснен Н. Н. Поппе¹⁴). Он оформляет прямое дополнение при сказуемом-глаголе в повелительном наклонении. Употребляется в безличном склонении. Частный падеж отмечен в тофском¹⁵. Местный сохранился в притяжательном склонении при оформлении некоторых послелогов временного значения и некоторых застывших причастий (сагына 'во время', иниһэ 'до того как', -тагына 'когда, если', -а илиһинэ 'когда еще не...')¹⁶. В некоторых формах, сохраняющих временное значение, аффикс принадлежности и падежа слился (в послелоге кэһиэ из кэһи-и-из, -һиһа -из -һи-һа)¹⁷. Во всех этих случаях значение формы (соотношение во времени) пережиточно сохранилось, но сама форма уже не воспринимается как падежная.

Форма творительного падежа, будучи новой, возводится к древнему тюркскому послелогу birle 'вместе' и соответствует хакасскому орудному -наа¹⁸.

Сравнительный падеж (-таагар) возводится многими к древнетюркскому падежу-послелогу deg (С. Е. Малов - в личной беседе), F. Forre, K.H. Menges) с наращением различных падежных аффиксов (дательный - гар из-гары), монгольского инструментального на -уаг¹⁹. Наличие в диалектах башкирского языка сочетание древнего аффикса сравнительного падежа -даһ со сравнительным аффиксом -рак²⁰, а также афф. сравнительной степени прилагательных -дырак в мещарских говорах татарского языка²¹ позволяет предположить, что аффикс сравнительного падежа на -таагар восходит к сочетанию -тај +-гаг, что по якутским правилам может вызвать метатезу согласных г и қ в афф. -гаг.

Падеж, названный Бётлингом адвербиальным, возводится им к деепричастию от глагольной основы на -лаа, что справедливо, так как одно из значений этого аффикса 'поступать так, как основа'.

В синтаксисе форма на -лын выражает подчинительные отношения сравнения как в простом, так и в сложном предложении ²².

Таким образом, все рассмотренные выше падежные аффиксы либо прямо восходят к тюркским падежным формам, либо развились на якутской почве по правилам тюркской грамматики из тюркских элементов. Причем в основе изменения лежали процессы, происходившие в древнем тюркском языке.

Все изменения в падежной системе якутского языка происходили в разное время в результате внутреннего развития и интенсивного взаимодействия с местными языками иных систем. Особенно глубоким было взаимодействие с эвенкийским языком. Оно происходило в древности, когда древние турки, предки якутов, и древние эвенки были длительное время взаимно двуязычны. Тогда и произошла внутренняя перестройка фонетики и грамматического строя древнего тюркского языка, на основе которого развился якутский язык и возникли отличия от современных тюркских языков.

Выше уже говорилось о переосмыслении древнего локатива-аблатива, превратившегося в частный падеж, напоминающий эвенкийский винительный назначительный, особенно у долган, у которых он проник и в притяжательное склонение. Переосмысление, вероятно, было вызвано историческим развитием самого древнего тюркского языка, но взаимодействие с эвенкийским языком ускорило процесс и закрепило его. В результате в якутском языке прямое дополнение в безличном склонении стало оформляться в 4 падежных формах, выражающих разную степень охвата действием (основной, частный, винительный, винительный собирательный), а не в двух, как в других тюркских (основном и винительном). Заимствованной из эвенкийского языка можно считать единственную падежную форму якутского языка - аффикс совместного падежа -лын. Эта падежная форма обычно всеми исследователями считается тюркской. Все, начиная с Бётлинга и кончая Б.А.Серебренниковым, возводят ее к различным тюркским аффиксам. Никто, однако, не обращает внимания на то, что это прежде всего оформитель однородных членов предложения, в том числе и однородных подлежащих. В том случае, когда сказуемое согласуется с одним из подлежащих, а не с их сочетанием, форму с афф. -лын можно рассматривать как падежную. В якутском языке оформление однородных членов играло важную роль. В нем сохранились древне-тюрк-

ские приемы (согласование в падеже и оформление с помощью аффикса обладания). Был также калькирован монгольский способ оформления с помощью числительного **икки** 'два'. Были также усвоены оформители однородных членов предложения аффиксы -нун и -наан из эвенкийского языка.

Взаимодействие с эвенкийским языком вызвало перестройку самого якутского склонения. Ее можно усмотреть и в том, что личное оформление сказуемых зависимых предложений, выраженных деепричастиями и причастиями, проводится в якутском языке последовательно. Поэтому и в тех случаях, когда средством выражения синтаксических отношений являются падежные аффиксы лично-притяжательного склонения, их приходится рассматривать как особый вид склонения.

II. Склонение

Склонение в тюркских языках состоит в присоединении падежного аффикса. Аффикс подчиняется гармонии гласных и правилам сочетания согласных (ассимиляции, диссимиляции и т.п.). Например: ат 'лошадь', аттар 'лошади', акка 'лошадь' (дательный падеж); дьизэ 'дом', дьизэлэр 'дома', дьизэгэ 'дому', Падежный аффикс ставится как бы частью слова. Но он относится не только к этому слову, но и ко всем зависимым от него словам, например определениям: улахан дьизэгэ олорбун 'я живу в большом доме'; үс дьизэни керэбун 'вижу три дома'; барар киһини көрдө 'видел-он уходящего человека'. В этом случае синтаксические отношения внутри группы улахан дьизэ 'большой дом', үс дьизэ 'три дома', барар киһи 'уходящий человек' выражаются их позицией. Главное слово (определяемое) стоит в конце сочетания, зависимое (определение) - перед главным. Эти определительные сочетания слов построены на примыкании. В них определение выражает свойство, присущее в данный момент определяемому. Падежный аффикс, присоединяясь к нему, выражает отношение всего определительного сочетания к сказуемому. Если определяемое характеризуется по признаку принадлежности лицу или предмету, то к нему присоединяется соответствующий аффикс принадлежности. Это изафетная связь. Например: киһи ата 'его лошадь', бу киһи дьизэ-тэ 'дом этого человека'. При склонении падежный аффикс ставится после аффикса принадлежности. Склонение

становится притяжательным. В нем некоторые падежные аффиксы другие, чем в безличном склонении, например аффикс дательного падежа -гар или винительного -ын. Например: кини ат-н-гар 'его лошади', бу кини дьиз-т-ин 'дом этого человека'.

Аффиксы принадлежности первого и второго лица сливаются с дательным падежом: -нар из -бынар, -гар из гн-гар; мин атым 'моя лошадь', мин апиар 'моей лошади', эн атың 'твоя лошадь', эн аккар 'твоей лошади'; кини ат-а 'его лошадь', кини ат-н-гар 'его лошади'.

Падежный аффикс притяжательного склонения, входя в состав формы склоняемого слова, относится, с одной стороны, ко всему сочетанию слов, что выражает притяжательный аффикс, с другой, выражает отношение этого сочетания к сказуемому.

Притяжательное склонение в якутском языке используется для выражения синтаксических отношений зависимого предложения к главному. В этих случаях сказуемые зависимого предложения бывают выражены причастиями на -ар, -бат, -быт, -батах, -нах в основном, винительном, дательном, исходном, сравнительных падежах, а также некоторыми древними причастными формами в местном падеже, также сохраняющемся пережиточно.

Падежная форма причастия в притяжательном склонении выражает время (причастие), лицо (притяж. аффикс) и отношение к главному сказуемому (падеж). Это хорошо видно при сравнении имени существительного и причастия в одной падежной форме.

Если воспользоваться примером, приведенным Бётлингом для сравнения образования формы множественного числа (аффикс -лар) имени и глагола от одного причастия кетер 'летащий' (кетер 'птица' и кетер 'летит') - кетердөр кетеллөр 'птицы летят' и взять эти слова в форме дательного падежа, притяжательного склонения, то будет хорошо видна разница в значении. Имя существительное: кетөрбөр 'моей птице'; глагол: кетөрбөр 'когда я лечу'. Основа одна и та же, но в первом случае это субстантивированное причастие, перешедшее в другую часть речи; во втором - глагольная форма. В первом слове личный показатель падежного аффикса выражает принадлежность лицу, а сам падеж - отношения косвенного дополнения к сказуемому простого предложения. Во втором слове лич-

ный показатель в падежном аффиксе выражает лицо, производящее действие, а падеж - соотносительность действия во времени со сказуемым главного предложения. Иными словами, падежный аффикс второго слова выражает предикативные отношения (согласованием в лице подлежащего и сказуемого) и подчинение зависимого предложения главному. Аффикс первого слова (кетөрбөр 'моей птице') относится к притяжательному склонению. Аффикс второго слова (кетөрбөр 'когда я лечу') выражает совсем другие синтаксические отношения. По характеру этих синтаксических отношений форму падежного аффикса можно отнести к предикативному склонению.

Предикативное склонение отличается числом падежных форм, их особой семантикой, наличием древних форм (местный падеж) и отсутствием некоторых новых (частный и совместный падежи). Но эти признаки (число падежей, их состав и значения) свойственны склонению и некоторых других частей речи. Так, например, даже безличное и притяжательное склонение имен существительных имеет разное число падежей (8 в первом и 7 во втором). Разные виды местоимений склоняются по разным склонениям. Так личные местоимения склоняются в безличном склонении, притяжательные местоимения в притяжательном склонении для 3-го лица ед. числа. Это происходит потому, что аффикс принадлежности 3-го лица входит в состав формообразовательного аффикса: миэн-э 'мой', миэн-ин 'моего', миэнигэр 'моему'.

Предикативное склонение еще очень слабо изучено. Иногда оно производит впечатление живых падежных форм, особенно винительный, дательный, исходный падежи, широко распространенные и употребляемые при всех причастиях. Но эти же формы могут принять слова неизменяемые, например вопросительные наречия: Кини каннаны? 'Где же он?', Кини ханнатын мин билбэппин. 'Я не знаю, где он'.

Будем надеяться, что дальнейшее изучение синтаксиса сложного предложения якутского языка позволит ответить на эти вопросы.

Литература и примечания

1. Переработанный доклад, прочитанный на рабочем совещании по теме "Типология синтаксиса сложного предложения языков разных систем" (Руководитель М. И. Черемисина) 4 марта 1981 г.

2. Падежные форманты безличного склонения Бётлингк называет *Die Endung*, лично-притяжательное – склонение аффигированных притяжательных местоимений. См. O. Böhlingk. *Über die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik*. SPb., 1851, §. 389-401.

3. Каждый падежный аффикс в якутском языке имеет от 8 до 20 фонетических вариантов. Здесь приведены лишь варианты после гласных а, ы.

4. Аффиксы -лыи и -таагар даны Бётлингком без долготы.

5. В грамматике Д. Хитрова долгота гласных не дается.

6. С.В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, с. 51-62;

7. W. Radloff. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen*. SPb., 1908.

8. O. Böhlingk. *Über die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik*. SPb., 1851. Оглавление.

9. Н.Н. Поппе. Учебная грамматика якутского языка. М., 1926, с. 30.

10. Л.Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 93.

11. O. Böhlingk. Указ. соч., § 511.

12. Д. Хитров. Краткая грамматика якутского языка, составленная протопереем Д. Хитровым. М., 1858, § 30, с. 12.

13. Л.Н. Харитонов. Указ. соч., с. 106-126.

14. Н.Н. Поппе. Учебная грамматика якутского языка, с. 6.

15. Н.П. Диренкова. Тофаларский язык. – В кн.: Туркологические исследования. М.-Л., 1963, с. II.

16. O. Böhlingk. Указ. соч., § 573-581.

17. Е.И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга I-я. Новосибирск, 1976, с. 126-131.

18. В.Г. Карпов. Хакасский язык. Языки народов СССР, т. II. Туркские языки. М., 1966, с. 432.

19. N. Poppe. *Jakutisch. Philologiae Turcicae fundamenta*. T.1, Wiesbaden, 1959, S. 681; K. H. Menges. *The Turkic Languages and peoples. An introduction to turkish studies* by. Wiesbaden, 1966, s. 113.

20. Н.Х. Ишбулатов. Морфологические особенности казмашевского говора. – В кн.: Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959, с. 105.

21. Л.Т. Махмутова. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области. – В кн.: Материалы по татарской диалектологии 2. Казань, 1962, с. 132.

22. Е. И. Убрятова. Указ. соч., с. 197.

ПРЕДИКАТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ КАК БАЗА ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Падежные аффиксы широко используются для выражения зависимостей между частями полипредикативных конструкций не только в языках алтайской типологической общности, но в языках агглютинативного строя вообще. Это отмечают исследователи тюркских, монгольских, тунгусских, палеоазиатских, кавказских, а также древних языков Передней Азии¹, независимо от того, считают ли они такие конструкции сложными или осложненными причастными оборотами. В 1952 г. Н.Н.Фельдман на материале японского языка интерпретировала этот факт как "склонение предложений"².

Е.И.Убрятова в своем фундаментальном исследовании синтаксиса якутского языка ввела понятие предикативного склонения и показала его специфику по сравнению с обычным, не предикативным склонением существительных и других частей речи. Она тщательно описала употребляемые в якутском языке падежные формы причастий, а также слов других категорий в роли сказуемых зависимой части сложного предложения, и исследовала синтаксические значения, типы отношений, выражаемые каждой формой³.

Анализ полипредикативных конструкций в других тюркских, монгольских и тунгусских языках полностью подтверждает принципиальные выводы Е.И. Убрятовой и выдвигает задачу подробного анализа предикативного склонения в разных языках алтайской общности. Наряду с очень существенными общими чертами, каждый конкретный язык, конечно, по-своему использует и развивает принципиальные возможности, предоставляемые предикативным склонением.

Проведенный нашим коллективом предварительный анализ материалов тувинского, алтайского, хакаского, бурятского, эвекского и, в меньшей мере, некоторых других языков дает основание сделать вывод о том, что предикативное склонение — не просто один из при-

емов выражения связи между частями полипредикативных конструкций синтетического типа. С системой предикативного склонения самым непосредственным образом связаны аналитико-синтетические конструкции, в составе которых причастное зависимое сказуемое в определенной падежной форме (или в падежно неоформленном виде) сочетается с послелогом или служебными именами. К падежным формам предикативных причастий (и "имен действия") восходят также многие так называемые "вторичные деепричастия". Многие формы современных алтайских языков частью исследователей оцениваются как деепричастия, а другая часть специалистов признает их падежными формами причастий. Различие точек зрения на такие формы (как, например, формы на -ган+да, -ар+да, -ган+ча, -ны+мен, -ган+мен, -ган+дык+ган, -ар+га и др.) было бы легкомысленно сводить просто к разным мнениям отдельных лингвистов: ведь часто речь идет о формах, принадлежащих разным языкам; чтобы судить о статусе той или иной формы в том или ином языке, нужно представлять себе, как она живет, как функционирует именно в данном языке.

По мере изучения предикативного склонения в алтайских языках становится все более очевидным то обстоятельство, что само это склонение внутренне однородно. Это сложный синтаксический механизм, имеющий свою внутреннюю структуру; основные черты ее были намечены Е.И. Убрятовой. Анализируя функции падежей в системе якутского предикативного склонения, она обращает внимание на специфику предикативных падежных форм, обусловленных управлением главного сказуемого — например, форм винительного падежа при переходных глаголах типа бил- 'знать', көр- 'видеть' и др.: "причастие в винительном падеже... всегда производит впечатление живой управляемой формы"⁴. Так же непосредственно управляемыми могут быть и предикативные формы датива — например, при главном сказуемом "радоваться чему"⁵ и некоторых других падежей. Формы этого типа явно противостоят таким падежным формам зависимых сказуемых, которые не вызываются требованием управления конечного сказуемого, но "сами по себе" выражают определенное отношение зависимой части к главной. Такова, например, форма местного (дательного-местного, дательного) падежа, передающая временную несамостоятельность; форма исходного падежа часто используется для выра-

жения причинных, а также заместительных и сравнительных отношений между частями полипредикативных конструкций.

Предикативное склонение в алтайских языках – это грамматический механизм, который определяет возможности использования падежей при конструировании сложных (полипредикативных) предложений разных структурных и функциональных типов. "Механизмом" я называю систему правил, своего рода "алгоритм грамматического поведения", позволяющих носителям языка строить и понимать предложения; задача лингвистического анализа выявить и описать эти правила. Но прежде чем решать эту задачу, следует осмыслить природу закономерностей, о которых идет речь. А для этого необходимо рассмотреть проблему предикативного склонения на фоне некоторых более общих вопросов, в контексте исследования механизмов полипредикации приобретающих специфическую значимость.

В этой статье я хотела бы рассмотреть с этой точки зрения вопрос о синтаксических функциях падежей и тесно связанный с ним вопрос о соотношении понятий о синтаксических функциях (языковых форм) и о членах предложения; вопрос о специфических условиях, в силу которых одни языки относительно свободно используют формальный аппарат склонения в сфере сложного предложения, в то время как другие языки связаны довольно жесткими ограничениями. Обсудив эти вопросы, я попытаюсь несколько развить мысль о том, что предикативное склонение, "склонение предикативных единиц", является ведущим механизмом алтайского гипотаксиса, и коротко охарактеризовать основные "блоки" этого грамматического механизма в их противопоставлении –ности друг другу.

1. Первичная функция падежей заключается в маркировании синтаксических ролей имен в простом предложении. Классификации падежей и их функций посвящено немало серьезных работ⁶, и я не собираюсь ни развивать, ни корректировать существующие представления. Но в системе предикативного склонения мне представляется особенно значимым различение и противопоставление двух типов функций, выполняемых падежами. Это, с одной стороны, выражение отношения участников действия к действию, а через действие – и друг к другу; а с другой стороны – выражение разных обстоятельственных характеристик главного события в целом.

Функции первого типа – субъектно-объектные. Они тесно связаны с залоговыми характеристиками предикатов (обычно глаголов), которые задают ранжировку актантных ролей. Для выражения залоговых отношений каждый язык располагает своей системой средств, и в частности – собственно-залоговых форм глагола, которые позволяют по-разному поворачивать роли участников действия. Грамматические традиции и европейской лингвистики, и алтаистики, стремятся противопоставить друг другу субъектные и объектные роли, связывая первые с понятием подлежащего, вторые – с понятием дополнения. Но в той мере, в какой падежные формы имен связаны с залоговыми формами глаголов и определяются ими, мы всегда имеем дело с системой субъектно-объектных ролей (функций), а не с субъектными и объектными ролями (функциями) в их "чистой" противопоставленности друг другу.

Залоги в самом узком, "собственном" смысле, как ядро, реально существующих морфологосинтаксических систем, ориентированы на активный характер участников действия, то есть на принципиальную обратимость ролей. Например, я вижу тебя – но и ты можешь видеть меня; я виден тебе, – но и ты можешь быть виден мне. Ср.: Он убил бандита – бандит убил его (бандит убит им – он убит бандитом). Ср. также каузативный залог в алтайских языках – на тувинском примере:

Бөрүге өлүр=т=кен хоу=вус ийи – Волком зарезано две наших овцы⁷ – грамматически: волку (д.п.) убить-(себя)-дали овцы=наши (неопр. падеж, ед.ч.) две. Форма каузативного залога (өлүр=т=кен) требует постановки актанта, называющего реально действующий предмет (в данном случае – волк) в дательном падеже, а актанта, представляющего предмет, на который реально направлено действие (в данном случае – две овцы) – в форме неопределенного падежа, то есть в той "прямой" грамматической форме, которая соответствует роли подлежащего. Именно овцы представляются каузативной конструкцией как инициатор действия.

Правила, по которым строятся предложения, по-разному представляющие роли участников события, в каждом языке довольно стандартны и базируются на использовании залоговой аффиксации глаголов и аппарата склонения существительных. Но относительная автономность морфологических средств позволяет использовать те же схемы и для описания событий с инактивными участниками, то есть для построения

необратимых высказываний, формально тождественных обратимым, собственно залоговым. Например, *И принес стол* – *стол принесен мной* (при невозможности *Стол принес меня* – *я принесен столом*). Принимая форму именительного падежа, слово "стол" вступает в отношения координации со сказуемым, становится грамматическим подлежащим. Но представляет оно, конечно, только объект направленного на него "чужого" действия. Скорректировать это несоответствие призваны термины "агенс" и "пациенс", но, к сожалению, эта вспомогательная система терминов не получила пока должного развития.

В реальных падежных системах большинство падежей способны выполнять как субъектно-объектные, так и обстоятельственные функции. Даже самый "чистый" объектный падеж, винительный, как известно, не свободен от обстоятельственных значений, – ср. русск. "Всю неделю работал; проехали половину пути, миновали деревню". С другой стороны, падежи по преимуществу обстоятельственные оказываются способными выражать субъектно-объектные отношения, – ср., например, выражение субъекта действия формами исходного падежа в монгольских языках и, реже, в тувинском⁹.

Особое место в падежных системах занимает генитив как падеж именного определения. Признаки, отличающие генитив от других, прилагательных, падежей иногда кажутся столь значительными, что возникает вопрос о правомерности включения генитива в состав падежей. Алтайский же, в первую очередь тюркский генитив особенно специфичен. Многие тюркологи отмечают функцию родительного падежа, связанную с выражением определенности. Такое значение сопоставимо скорее с функцией артиклей, чем с функциями субъектно-объектных и обстоятельственных падежей. Но все-таки генитив – это падеж, и падеж субъектно-объектного типа. Функция генитива, связанная с выражением определенности, проявляется на фоне субъектно-объектной функции, в оппозиции генитива неопределенному падежу. Форму генитива в тюркских языках принимает первый член изафетного сочетания, причем, по наблюдениям тюркологов, это имя принимает аффикс родительного падежа, обозначая определенный предмет или лицо. Если же имеется в виду предмет неопределенный, то предпочитается неопределенный падеж¹⁰.

Изафетную конструкцию я понимаю как специфическую определительную конструкцию. Формальная специфика изафета по сравнению с таки-

ми типами подчинительной связи, как управление и согласование, состоит в том, что в изафете двусторонняя формальная связь: первый член принимает определенную падежную форму, а второй оформляется показателем грамматического лица, в соответствии с грамматическим лицом первого члена. И лично-притяжательное оформление определяемого в структуре изафета более значимо: показатель генитива может не быть, а лично-притяжательный показатель сохраняется¹¹. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что изафетная структурная схема являет собой схему предикативного сочетания. Форма первого члена изафета – это форма грамматического субъекта, носителя признака. Эта форма вариативна в аспекте падежа: выбор между родительным и неопределенным зависит от определенности предмета – а может быть, и еще от каких-то причин. Второй член изафетного сочетания выражает признак, предиктируемый субъекту-носителю. В отличие от глагольных предикативных групп, выражающих отношения между субъектом и по-разному (в зависимости от залога) направленным действием, изафетная схема статична, лишена процессной семантики. Ее синтаксический смысл – это отношения широко понимаемой принадлежности¹².

В современных языках основной функцией изафета признается определительная. Но эта семантика реализуется при условии, когда определяемое имя является членом некоторого "другого" предложения, где заданы другие актуальные предикативные отношения. Предикативная потенция изафетной схемы ярче раскрывается в тех редких случаях, когда схема реализуется абсолютнo. Ср. такой пример: *Sabra tarkan balbalı (Oc)* – "балбал (в честь) Сабра Тархана. Этим примером В.Д. Аракин иллюстрирует отношения, при которых "стержневой компонент является как бы символом зависимого компонента"¹³. Формально же здесь выражено утверждение о принадлежности: Сабра Тархан балбал+его, балбал "принадлежит" ему, – (в данном случае, как его символ). Ср. также пример В.В. Решетова:

"Укувчи-нинг китоб-и – книга ученика, книга принадлежит ученику"¹⁴

В примере В.Д. Аракина мы видим абсолютную реализацию 2-го изафета, в примере В.В. Решетова – абсолютную реализацию 3-го изафета.

Как ни редки такие случаи для современных языков, они важны как "недостающее звено", позволяющее связать генитив как падеж именного определения в простом предложении и генитив как падеж грамматическо-

го субъекта (подлежащего) зависимой части сложного предложения, понять место генитива в системе предикативного склонения.

В системе предикативного склонения мы рассматриваем выполнение синтаксических ролей, свойственных именам, предикативным единицам. Склонение имен – это оформление имен показателями падежей. Его сравнительно просто представить парадигмой, располагая падежные формы в произвольно-традиционном порядке. Склонение предикативных единиц – явление более сложное. Оно не сводится к принятию падежного аффикса причастным (или иным) сказуемым, хотя обязательно предполагает такое оформление. И деление падежей, а точнее – падежных функций, на субъектно-объектные и обстоятельственные в системе предикативного склонения приобретает особую значимость еще и потому, что от типа падежной функции существенно зависит внутреннее устройство склоняемой предикативной единицы.

2. Представления о синтаксических ролях (функциях) языковых форм отражены в учении о членах предложения, которое сложилось в рамках учения о простом предложении. В простейшем случае член предложения – это отдельная словоформа, исполняющая определенную синтаксическую роль. Но понятие "член предложения" традиционно распространилось на более крупные отрезки словоформ: на аналитические формы (типа "буду работать"), на идиомы, не поддающиеся синтаксическому членению, а затем и на так называемые "обороты", причастные и деепричастные. Причастный оборот оценивается как определение, деепричастный, чаще всего, как обстоятельство. Но причастие и деепричастие – это формы глагола, сохраняющие залоговые характеристики и связанные с ними конструктивные особенности глагола. Поэтому трактовка возглавляемого ими оборота как одного члена предложения неизбежно ведет к противоречию. "Оборот" имеет свои "члены", которые существенно подобны "членам предложения", но не могут быть названы так, потому что "членом предложения" уже назван оборот в целом.

Конечно, дело не в том, чтобы "ловить за хвост" набегавшие друг на друга противоречия: они самоочевидны. Дело в том, чтобы осознать и устранить причину, порождающую такое следствие. Для этого нужно четко разделить представления о функциях и представления о формах, эти функции выполняющих; нужно признать, что синтаксическая функция может оставаться тождественной сама себе, не-

зависимо от того, как устроена выполняющая ее форма. Одну и ту же функцию может выполнять и отдельная словоформа, и синтаксические конструкции разных степеней сложности:

Но как раз самое общее представление о системе синтаксических функций задается учением о членах предложения. А если мы называем функции терминами членов предложения, – простого предложения! – то, конечно же, распространение этих представлений на предикативные единицы связано с известной неловкостью.

Зависимые предикативные единицы (ПЕ) нередко трактуются как "функциональные аналоги" членов предложения. Но что такое "функциональный аналог"? Что может и что не может иметь "функциональную аналогию"? Если, например, обстоятельство есть синтаксическая функция, то может ли эта функция иметь "функциональный аналог"? Если же член предложения мы понимаем прежде всего как форму (выполняющую некоторую функцию), то, вероятно, вполне правомерно говорить о том, что такая форма может иметь функциональные аналоги: это будут другие формы, выполняющие ту же самую функцию. Но только в этом случае надо и рассуждать в терминах форм, а не функций – например, говорить о том, что кроме наречий функцию обстоятельства могут выполнять и падежные формы существительных, и определенные формы словосочетаний, и обороты, причастные и деепричастные, и определенные классы предикативных единиц. Все эти формы будут функциональными аналогами наречий, но никак не "функциональными аналогами обстоятельств", ибо "обстоятельство" есть общая для них всех функция.

Применительно к простому предложению термины членов предложения задают достаточно прочную, хотя и грубую основу, на которой можно строить уточненные представления о функциях компонентов. Применительно к сложному предложению у нас нет такой системы представлений и терминов. В бессоюзных и сложносочиненных предложениях о функциях предикативных частей по отношению к целому и по отношению друг к другу говорить практически невозможно. Но даже в сфере лучше изученного сложноподчиненного предложения тоже еще нет разработанной терминологии для описания этих функций. А то, что есть (ибо как-то мы все-таки говорим о функциях, о функциональных типах сложных предложений), то снова возвращает нас к учению о членах предложения: придаточные времена, причины, условия, уступки и т.д. есть, конечно, те же самые обстоятельствен-

ные функции "в исполнении" предикативных единиц. Поэтому единственным разумным решением мне представляется твердое признание функциональной основы понятий о членах предложения, и решительное онятие альтернативы: "член предложения ИЛИ предикативная единица". Такая альтернатива неправомерна в принципе, если только "член предложения" мы понимаем как функцию, а не как словоформу. Все функции, которые могут выполняться отдельными словоформами, могут, в принципе, выполняться и предикативными единицами. Но, конечно, в последнем случае то целое, в состав которого входит предикативный компонент не остается монопредикативным, то есть собственно простым предложением; — предложение становится полипредикативным.

Сказанное не означает, что система функций, их состав в сфере сложного предложения остается точно таким же, как в простом. И, конечно, я упрощаю ситуацию, когда говорю о неизменности самих функций: разумеется, синтаксические функции вовсе не "абсолюты", никак не зависящие от выполняющих их форм. Но я убеждена в том, что исследование этой специфики станет возможным только после того, как оно получит опору в относительно независимом понятии синтаксической функции как таковой.

Сейчас нас интересуют в первую очередь субъектно-объектные и обстоятельственные функции, которые в простом предложении маркируются показателями падежей, то есть субъектно-объектным функциям в терминах членов предложения соответствуют подлежащие и дополнения (в другой системе терминов — актанты). Кажется естественным, в принципе, ожидать, что для маркировки этих функций при выполнении их предикативными единицами могут, а может быть, и должны использоваться те же самые формальные показатели, то есть показатели падежей.

Анализ фактических материалов алтайских и других языков показал, что эти показатели действительно используются — в той мере, в какой это допускает строй каждого данного, конкретного языка. Агглютинативный строй достаточно легко допускает склонение предложений. Флективный строй такого, например, языка, как современный русский, если и допускает что-то подобное, то в гораздо большим трудом. И я полагаю, что пояснения требует как раз не склоняемость предложений (предикативных единиц) в алтайских языках, ибо

это естественно и закономерно, а их несклоняемость (неочевидность их склонения) в русском и тех других европейских языках, которые сохраняют систему склонения.

3. Сильнейшим препятствием использованию показателей падежей (флексий) для маркирования субъектно-объектных и обстоятельственных функций предикативных единиц является идиоматичность словоформ русского языка.

Утверждение о том, что в русском языке падежные значения выражаются флексиями, по меньшей мере неточно. Флексии принимают, конечно, участие в выражении этих значений, которые без них не выражаются. Но сама природа флексий, в отличие от аффиксов агглютинативных языков, определяется тем, что они выражают одно — временно целый пучок грамматических значений. Отсюда — широкая синонимия флексий "в разрезе" каждого из значений, передаваемых комплексно, а также омонимия, которая предопределяется ограниченностью числа фонологических комбинаций малой длины. Эта специфика флексий исключает возможность распознавания синтаксических (в частности — падежных) значений с опорой только на флексию. Можно напомнить пресловутую "дочь генерала", где автомат законно интерпретирует словоформу "генерала" как глагол в прошедшем времени. Мы знаем, что это форма родительного падежа — но сравним ее с другими формами родительного же падежа: генералов, стульев, соседей, сапог, полотенец, кумушки, вороны, коня и др. Вряд ли нужно доказывать, что о функционально-семантическом единстве всех словоформ этого ряда, обозначаемом термином "родительный падеж", мы догадываемся отнюдь не по единству падежной флексии.

Прямое следствие этого — трудность применения аппарата флективной морфологии склонения в сфере полипредикативного синтаксиса. В этом аппарате нет чистых, универсальных показателей падежей, которые было бы естественно принять предикативным единицам, выступающим в роли актантов или обстоятельств. Русские флексии всегда сильно связаны с определенными группами слов. Поэтому подлинным выразителем грамматического значения является не флексия, а словоформа как целое. Флексия "существует" лишь как составная часть словоформ; она не дана носителю языка

как объект оперирования. И если определенные разряды языковых форм "не склоняются", то это значит, что их "просклонять" нельзя. Носитель русского языка просто не может помыслить себе глагольную форму "(Я) иду" в форме винительного падежа или дательного. Замечу попутно, что для алтайских языков "не склоняться" означает "не иметь потребности" в падежном оформлении; когда такая потребность возникает, любая форма способна принять падежные аффиксы, будь то глагол, наречие, прилагательное или какое-либо служебное слово.

Невозможность использовать аппарат склонения для выражения зависимостей в сфере полипредикативного синтаксиса потребовала от европейских языков выработки компенсаторного механизма, который сформировался прежде всего за счет союзов. Но кроме союзов русский язык использует и другие технические приемы, из которых в связи с обсуждаемым сейчас кругом проблем особенно интересно использование в роли показателей связи (точнее, компонентов более сложных по строению показателей) семантически опустошенных местоимений, сохраняющих способность склоняться и сочетаться с предложениями.

В современном русском языке таким семантически пустым склоняемым местоимением является "ТО-2" ¹⁵. "То-2" - это не что иное, как номинализатор предикативной единицы, функционально сопоставимый с субстантивизаторами японского языка (кото, моно и др.) ¹⁶. Номинализатор - это компонент структуры, позволяющий предикативной единице, в которую он входит, выполнять именные функции. Номинализатор "ТО-2" принимает на себя флексии тех падежей, которых требует соответствующая позиция и которых не может принять сама предикативная единица. Этот синтаксический механизм можно продемонстрировать следующим образом:

(1) Я рассказал ему о твоих планах. - Это простое предложение, прямо выражающее информацию о некотором событии.

(2) ТО, ЧТО я рассказал ему о твоих планах... - это "не предложение"; это только "часть", "блок" предложения, хотя "внутри" этого блока "вмонтировано" предложение (1). Такой "блок", построенный по схеме "ТО, ЧТО + (ПЕ)" можно назвать номинализированной формой предложения (ПЕ).

(3) То, что я рассказал ему о твоих планах, заставило его задума-

ться. Это правильное русское полипредикативное предложение. Традиционная грамматика признает его сложным и делит на части: "То... заставило задуматься" - главная, "что я рассказал ему о твоих планах" - зависимая - придаточное изъяснительное. Но возможен и другой взгляд, согласно которому блок (2) как единое целое выполняет функцию подлежащего относительно сказуемого "заставило его задуматься".

(4) Не жалею о том, что я рассказал ему о твоих планах.

По требованию главного сказуемого дополнение должно принимать форму предложного падежа с предлогом О. Предикативная единица не может принять эту форму непосредственно: О* (я рассказал ему о твоих планах)-? Но ее легко принимает номинализатор ТО. Сравним также:

(5) Он был доволен тем, что я рассказал ему о твоих планах.

(6) Ты должен благодарить меня за то, что я рассказал ему...

(7) Я не стыжусь того, что рассказал ему... и т.д.

Согласно традиционной для русистики точке зрения, местоимение ТО входит в главную часть, а зависимая начинается асемантическим союзом что: (Я доволен тем), (что вы уже сообрались). Есть и другая точка зрения ¹⁷, более адекватная с позиций сопоставительного анализа: ТО, ЧТО понимается как особый склоняемый показатель связи, формально принадлежащий зависимой ПЕ, валентности главного предиката отвечает все это построение как целое.

В алтайских языках синтаксические отношения того типа, которые выражаются фразами (2) - (7), можно выразить непосредственно падежным оформлением зависимой предикативной единицы. Аффиксы соответствующих падежей примет на себя сказуемое зависимой части:

(8) Хараган аразынга чүге кел=ген=им=ни бил=бе=ди=м (С.С., 56; тув.)

Зачем в заросли хараганы пришел=я (вин.п.) не знаю=я.

(9) Мээн, бичимде бажым дугу хелчок узун. Карам хыйырар=ар=ын=дан корт=каш, ийи талазынче чаштай еруп чораан (С.С., 23; тув.) -

-В детстве волосы у меня были очень длинные. Боясь (того), что глаза=мои станут косыми, в две стороны заплетали косы. Здесь зависимая ПЕ "караам хыйыра=ар=ын=дан" - "что глаза=мои будут косить" оформлена показателем исходного падежа -дан, которого требует глагол корк- 'бояться'.

Агглютинативная морфология не знает тех трудностей, о которые

спотыкаются флективные языки. Здесь форманты падежей однозначны и универсальны, а это обеспечивает им гораздо большую связность сочетаемости. Они легко присоединяются не только к именам, но и к глагольным формам. Те глагольные формы, которые принимают падежные аффиксы, выступая в роли сказуемых зависимой части полипредикативных конструкций, обычно оцениваются как причастия. Но падежные аффиксы способны принимать и некоторые другие типы глагольных форм – например, некоторые деепричастия¹⁸, форма предельного наклонения на -гыже – в ту – винском¹⁹, а также и собственно-глагольные формы, хотя для алтайских языков это последнее менее характерно²⁰. Вообще же вопрос о критериях отнесения глагольных форм к тем или иным традиционным разрядам – это особый, сложный вопрос, которого сейчас мы не обсуждаем.

Склонение ПЕ в алтайских языках обеспечивается четкой соответственностью падежных аффиксов с определенными падежами, то есть отсутствием многозначности, синонимии и омонимии аффиксов (конечно, эти отношения не исключены полностью, но сведены к минимуму).²¹

Немаловажен и довольно жесткий порядок слов с финальной позицией сказуемого; благодаря такой линейной структуре падежный аффикс, морфологически принадлежащий словоформе сказуемого, функционально является элементом синтаксической формы предикативной единицы как целого. Это можно представить так:

(Ю) (Ооң, ыңай канчаар чораанывыс)ты уткан-дыр мен (С.С., 19, тув.)

Оттуда дальше как шли мы, забыл-ведь я.

((Ооң, ыңай канчаар чораан-ывыс)-Ты) (уткан-дыр мен)

((Оттуда дальше как шли=мы)_{вин.п.}) (забыл=ведь я)

Сказуемое зависимой части здесь – словоформа чораан-ывыс-ты; чор-аан – причастие прошедшего времени на -ган, -ывыс – лично-притяжательный аффикс I л.мн.ч., - ты – аффикс винит. падежа, который морфологически принадлежит словоформе сказуемого, но в синтаксическом анализе мы оцениваем его иначе – что и отражено скобочной записью.

4. Предикативное склонение ведущий механизм алтайского гипотаксиса, важнейший способ выражения синтаксических зависимостей в сфере полипредикативного предложения. Современные алтайские

языки используют разные технические приемы, позволяющие выразить множество различных отношений между событиями. Здесь есть и союзы, типологически сходные с европейскими (напр. чўнки; алт. менинг ўчўн десе), и аналитические показатели, очень условно именуемые союзами, они так разнообразны, и свойства их пока еще так слабо изучены, что трудно выделить какие-либо типы и группы; ср., с одной стороны, "союзы" типа деп, тип (тур.), гəжə (бурят.) – этимологически деепричастия глаголов говорения; с другой стороны, "спрягаемые" бурятские союзы типа һаа, хада; с третьей, "вспомогательные" союзы типа оур. хəрбəə, тув. бир əвəс, каз. егер и др. Заслуживают внимания и другие проявления тенденции к аналитизму при выражении зависимостей на уровне полипредикативного предложения в современных алтайских языках²². Но все же лицо алтайского гипотаксиса определяется не этими приемами. Если мы "вынесем их за скобки", возможности выражения связей между событиями, конечно, существенно сократятся – но ядро гипотаксиса останется почти не затронутым. Если же мы попытаемся "отказаться" от конструкций синтетического типа, то окажется, что мы не имеем способа выразить самые основные, самые элементарные и жизненно необходимые типы зависимостей. Это и позволяют утверждать, что предикативное склонение – главный системообразующий фактор алтайского гипотаксиса. Это живой, активно действующий синтаксический механизм, порождающий определенные модели выражения синтаксических зависимостей;

В русском и других европейских языках состав инфинитных форм глагола практически не меняется на протяжении веков. Если какие-то формы и выходят из употребления (напр., русское деепричастие ПРИИДЕТЬ), то новые практически не возникают. У нас нет механизма, способного порождать эти формы – и нет потребности в них, поскольку существует богатый, открытый для пополнения класс союзов. В алтайских языках сохраняется и эта потребность, и механизмы, позволяющие ее удовлетворить.

Но будем сейчас останавливаться на механизмах порождения в этих языках самих "базовых" форм, например, новых причастий. Одним из таких механизмов является стяжение – ср. хакасское причастие на -чат-хан и мн. др. Существенно, что эти новые формы втягиваются в систему предикативного склонения и существуют в ней наряду со всеми остальными формами, определенным образом противопоставляясь им и занимая свое системное место.

Предикативное склонение — это система, и очень важно представить его себе именно как систему. Приступая к исследованию, мы еще не можем аргументированно описать предикативное склонение как систему. Поэтому мы сначала просто постулируем свойства системности и пытаемся представить себе, какие теоретические схемы позволят уловить и отразить системные свойства объекта. Прежде всего представляем предикативное склонение как систему парадигм — конечно, свою для каждого языка. Ядро этих систем парадигм должны составлять парадигмы предикативного склонения причастий данного языка. Каждому причастию соответствует своя парадигма, включающая падежные формы данного причастия, встреченного в источниках. Каждая парадигма должна строиться индивидуально, потому что, как показала Е.И. Убратова, существование определенной падежной формы у одного из причастий еще не означает, что эта форма есть и у других причастий. К тому же выводу приводит и наш анализ материалов тюркских языков Южной Сибири. Точно так же, наличие определенных форм некоторого причастия в одном языке не является гарантией того, что такая форма существует и в другом близкородственном языке (например, формы винительного и дательного падежей причастия на -галак есть в хакасском, но в тувинском таких форм нет).

Общая система парадигм должна включить в себя парадигмы (образцы склонения) и других зависимых предикатов: имен наличия, отсутствия, обладания, а также предикативных прилагательных и существительных. Специального внимания заслуживает вопрос о падежных формах деепричастий в отдельных языках: важно выяснить, какие функции выполняют в этом случае падежные аффиксы, связаны ли с их присоединением какие-либо изменения смысла, вносят ли они какой-либо значимый экспрессивный или стилистический оттенок — и следует ли присоединение падежных аффиксов к деепричастиям или косвенным наклонениям считать склонением. Например, в тувинском языке — аффикс родительного падежа может присоединяться к деепричастию на -гаш, а форма предельного наклонения принимает внешний аффикс или направительного, или дательного падежа без послелога или с послелогом чедир, или даже исходного падежа. Но склонение ли это — нам пока неясно.

Представление парадигмы не заканчивается составлением спис-

ков падежных форм. Каждой форме должно быть сопоставлено краткое описание ее функций, то есть тех синтаксических смыслов, тех отношений между событиями, которые ею выражаются. Поскольку же некоторые формы способны выполнять более чем одну функцию (и в этом случае их конкретный синтаксический смысл определяется с учетом особенностей конструкции), и разные формы способны передавать близкие, подобные смыслы, специфические оттенки которых вскрываются только в сопоставлении, — понятно, что описание предикативного склонения по необходимости должно носить системный характер.

Сейчас мы еще не располагаем необходимыми данными для построения таких конкретных представлений. Но накопленный и проанализированный материал позволяет уже ставить некоторые принципиальные вопросы, касающиеся внутренней организации предикативного склонения.

С нашей точки зрения, в рамках предикативного склонения отчетливо выделяются две взаимосвязанные и противопоставленные подсистемы. Одну из них можно назвать склонением в собственном, узком и специальном смысле этого термина. Речь идет о выполнении предикативными единицами субъектно-объектных функций. Падежная форма зависимой ПЕ в конструкциях этого типа четко определена характером конечного сказуемого, его типовым лексическим значением, и залоговой формой. Зависимая ПЕ выступает в этих случаях в роли одного из актантов глагола. Такой предикативный актант оформляется показателем падежа точно так же, как оформляются актанты обычные, не предикативные. Это живые управляемые падежные формы.

Вторая подсистема связана с обстоятельственными функциями падежей. Ее специфика по сравнению с первой подсистемой состоит в том, что выбор падежа зависимой ПЕ не зависит от сказуемого главной части. Он определяется характером того отношения между событиями, которое этим способом должно быть передано.

Различие и противопоставленность этих двух подсистем в современных алтайских языках, как мне кажется, уже не является чисто функциональным, а имеет структурно-функциональный характер. С ними связаны некоторые очень важные особенности склоняемых форм,

заслуживающие пристального внимания и тщательного изучения на конкретном материале разных языков. Ибо проявляются эти различия в разных языках очень по-разному.

Склоняемыми формами в системе предикативного склонения следует, как мне кажется, считать не сами лишь формы причастных (и некоторых других) сказуемых, но формы предикативных единиц, возглавляемых этими сказуемыми. Поэтому, говоря о формальных особенностях "актантного" и "обстоятельственного" предикативного склонения, я имею в виду различные для этих случаев принципы организации склоняемой зависимой части.

В первой подсистеме, насколько позволяют судить собранные нами материалы, участвует довольно широкий круг причастий и падежей. Так, в нем задействованы практически все падежи бурятского языка, все падежи тувинского, большинство падежей других тюркских языков; многие, но далеко не все падежи эвенкийского и других тунгусских. Говоря обобщенно, в этом склонении участвуют все падежи, которые в данном языке оформляют субъектно-объектные формы имен (актантов). Наиболее активными в этой сфере являются винительный, дательный, исходный и, повидимому, в эвенкийском творительный. Остальные падежи – местный, направительный, творительный, совместный – встречены в ограниченном круге конструкций (например, "твоя вина в том..., ты виноват в том..." – с местным падежом; поздравляю тебя с тем, что... – с творительным или совместным падежом; хотя эта конструкция встречается неоднократно и в разных языках, здесь нельзя полностью исключить прямое или косвенное влияние русского языка). Собственно-локальные падежи, типа продолжного, в этой функции не употребляются.

В отличие от русского языка, где глагольное управление вообще очень индивидуально, и эта индивидуальность управления сохраняется в сфере конструкций рассматриваемого сейчас типа, в алтайских языках типовая семантика глагола существенно предопределяет его управление. Так, по-русски мы говорим: радоваться чему? – но быть довольным чем? быть расположенным – к чему? смеяться над чем, сердиться на что, горевать о чем и т.д. Чтобы правильно использовать в речи каждый русский глагол, надо знать его индивидуальную модель управления. В алтайских же языках достаточно четко прослеживаются общие закономерности, принципиально единые для многих языков:

1) Винительным падежом зависимой ПЕ управляют глаголы, обозначающую семантику которых мы назовем "оперированием информацией". Это поиск и получение информации, ее хранение, передача и разного рода внутреннее оперирование ею, – ср., например, в тувинском: оид- знать, сана- считать, признавать, сагын- вспоминать, запо- минать, припомирать; чугаала- говорить, рассказывать, кер- видеть, дынна- слышать и т.п.

2) Дательным падежом управляют глаголы, выражающие разного рода эмоциональную реакцию на событие, представленное зависимой частью. Например, в тувинском: хорада- сердиться, злиться; ажын-, дарын- синонимы с близким значением; унадарда- (синонимы кудара-, муңгара-, сарынна- и др.) – расстраиваться, тосковать, грустить; хомуда- жалеть, досадовать; өөрү- радоваться и др.

3) Исходным падежом управляют глаголы, заключающие в себе идею отстранения, отчуждения от того, что представлено управляемой формой. Это глаголы с семантикой "бояться", – ср. пример выше; орезговать, стыдиться, смущаться; отказываться, уклоняться и некоторые другие. Группа эта немногочисленна.

4) Форму прямого (неопределенного) падежа принимает предикативный актант в 2-х крупных типах конструкций. Это, во-первых, конструкции оценочного типа с неглагольными предикатами. Среди них выделяются собственно оценочные, построенные по схеме (То, что (ты пришел) хорошо). Предикативная единица, представляющая оцениваемое событие, формально является подлежащим, с которым соотносится конечное сказуемое – оценочный предикат. Круг таких предикатов довольно широк: в этой роли могут выступать и существительные типа преступление, счастье, большая удача, полезное мероприятие и т.д. К этому же типу принадлежат конструкции, близкие к оценочным, но выражающие не собственно оценку, а эмоциональный "ответ" человека на данное событие. Например: досадно, что я не застал его дома. В построениях этого типа усматривается актуализованная или потенциальная позиция дательного падежа существительного или местоимения, представляющего лицо, переживающее данное состояние. Например, в тувинском:

(II) Ныдыг мелегей айтырыг салыпканым меңээ нянычг – Мне стыдно, что я задал такой вопрос.

Конкретный состав моделей такого класса, с учетом различных

дифференцирующих признаков, требует специального изучения на большом фактическом материале.

Второй тип конструкций с предикативными актантами в роли формального подлежащего составляют глагольные. Конечными сказуемыми являются в них формы залога глаголов тех семантических групп, о которых мы говорили выше: "эмотивных", "информативных", реже "глаголов отталкивания". В конструкциях с предикатами этих групп в форме основного залога позиция формального подлежащего отводилась названию лица, которое оперирует информацией (знает, слышит, помнит и т.д.) или испытывает эмоцию (радуется, жалеет, досадует) или "отталкивается" от чего-то (брызгает, боится, отказывается). Сейчас идет речь о таком повороте ролей, когда позиция подлежащего отдается предикативному актанту, представляющему событие. Событие предстает как "действующая сила", как стимул, порождающий реакцию. Сравним: Я рад тому, что ты пришел (твоему приходу). То, что ты пришел (твой приход) радует, обрадовал меня. Ср. примеры таких конструкций в алтайском и тувинском языке:

(I2) Сээн, дүне дыңзыг чедүрерин, мени дыка дүвүретти - То, что ты так сильно кашляешь ночью, меня тревожит.

Здесь конечный предикат дүвүретти - тревожит - глагол в форме понудительного залога (аффикс -т), который требует постановки предикативного актанта, представляющего событие, повлекшее эмоциональную реакцию, в прямом падеже (подлежащее), а актанта, представляющего лицо, которое переживает эмоцию, в винительном падеже - мени 'меня'; в алтайском языке:

(I3) Ол керекти милиция коруп баштаган=и уулчагы коркы=т=ти - То, что это дело начала рассматривать милиция, мальчика испугало. Предикат здесь - форма понудительного залога от глагола корк- 'бояться', коркыт- 'пугать'. В форме основного залога этот глагол управляет исходным падежом, а форма понудительного предикативный актант ставится в прямом падеже, а название лица, испытывающего страх (пугаемого, испуганного лица) - в форме винительного: уулчак=ти.

Предикативный актант, выступающий в роли подлежащего, строится по схеме "абсолютного изафета". Его сказуемое обязательно получает притяжательное оформление, не получая, однако, падежного аффикса. Притяжательный аффикс может непосредственно выра-

жать грамматическое лицо с точностью до референции (если это аффикс I или 2-го лица), может передавать неопределенно или обобщенно-личное значение сказуемого; в этих случаях в специальной именной форме, выражающей подлежащее, нет необходимости. Если же действует 3-е лицо (человек или предмет), то представляющая его именная форма может стоять или в неопределенном, или в родительном падеже. В приведенном выше тувинском примере (I2) действующее лицо было выражено формой родительного падежа (Сээн,), в алтайском примере (I3) - милиция - неопределенный падеж; ср. другой алтайский пример с подлежащим в родительном падеже: (I4) Онын эмдиге јетире иште јогы, санг башкары - Странно, что его до сих пор нет на работе. Здесь сказуемое предикативного актанта - имя отсутствия јок с показателем притяжания 3 лица - јог=н, подлежащее - онын - родительный падеж местоимения ол 'он'.

По нашим наблюдениям, которые, разумеется, еще требуют проверки и уточнения, изафетная структура предикативного узла характерна для предикативных актантов и в позиции подлежащего, и в позиции дополнения. Главный признак изафетной структуры предикативного узла - регулярное лично-притяжательное оформление зависимого сказуемого, в том числе и в тех случаях, когда передается грамматическое значение 3-го лица. Вторым признаком этой структуры является возможность оформления подлежащего аффиксом родительного падежа. Материалы показывают, что формы генитива регулярно появляются в примерах, но в тюркских языках Южной Сибири обязательной эта форма не является; ее частота в разных языках может заметно варьировать.

Что касается второй подсистемы, которую я называю обстоятельственной, Речь идет о падежном оформлении предикативных конструкций в функциях обстоятельств; выбор определенной падежной формы определенного же причастия (или иного, не причастного предиката) диктуется характером связи, которую говорящий усматривает между событиями и стремится выразить.

Ярким примером использования падежных форм в обстоятельной функции является местный падеж, выражающий в тюркских языках временную соотнесенность событий. Эту форму могут принимать разные причастия (-ган+да, -ар+да, -галак+та и др.), а

также не причастные предикаты (бар+да, чок+та). В тувинском языке в той же роли употребляются формы дательного падежа, в бурятском – дательного-местного; дательный и местный падежи играют ту же роль и в эвенкийском, и во многих других языках Сибири, Кавказа, Передней Азии.

Показателем временных отношений может быть и исходный падеж, а также творительный (инструментальный) и/или совместный (эти значения, орудное и совместное, могут передаваться разными формами (во многих языках передаются одной и той же формой). Форма орудно-совместного падежа обычно передает отношения близкого следования во времени, "почти одновременности", тогда как форма исходного падежа передает обычно общее следование (в русском общее следование представляем союзом "после того как" – ср. общее следование "как только", "не успел, как", а также "с+т.п." ("с первыми лучами зари..."))

Исходный падеж в алтайских языках полифункционален. Эта полифункциональность сохраняется у него и в системе предикативного склонения: он передает, кроме временных, и причинные, и сравнительные, и заместительные отношения, и отношения исключения и ограничения, – ср. русские "вместо того чтобы", "чем (делать что-то), лучше...", "кроме того что" и др. Естественно поэтому, что форма исходного падежа "обрастает" послелогами, уточняющими и модифицирующими ее семантику. С помощью послелогов уточняются и модифицируются и другие предикативно-падежные формы тюркских и монгольских языков. Сочетания падежных форм с послелогами (и служебными именами) тоже должны привлекаться к анализу в процессе исследования "второй подсистемы" предикативного склонения.

Эта "вторая подсистема" противопоставит "первой подсистеме" по целому ряду и содержательных, и формальных признаков.

Содержательную ее специфику я вижу прежде всего в том, что формы, о которых сейчас идет речь, даже при полной их этимологической прозрачности, функционируют "на деепричастный лад". Например, форма кел-ген-де – 'когда (он) пришел' – причастие на -ган от глагола кел-, в форме местно-временного падежа. Ее этимологическая структура совершенно прозрачна. Но в какой мере она сохраняет свойства падежной формы причастия в современных тюркских

языках, и в какой мере сдвигается в сторону деепричастий?

Ответить на этот вопрос в общей форме нельзя, потому что в каждом языке эта форма ведет себя по-своему. Показателями ее движения в сторону деепричастий может быть, например, утрата ее абсолютного временного значения, неспособность или слабая способность принимать лично-притяжательное оформление; несочетаемость с формой родительного падежа подлежащего – и, вероятно, некоторые другие признаки. Но даже ограничившись этими признаками, мы не сможем одинаково оценить эту форму в языках Южной Сибири. Например, в тувинском языке личное оформление ее в I и II лицах является обязательным, а в хакасском – не только не обязательным, но очень редким. Сохранение или утрата ее соотносительности с планом прошлого тоже требует специального наблюдения на материале каждого языка, – видимо, в хакасском языке эта связь сохраняется сильнее, чем в алтайском, поскольку для выражения временной соотносительности событий в плане будущего и расширенного настоящего предпочитается в хакасском форма условно-временная, на -са,

Вопрос о деепричастизации форм, являющихся по происхождению падежными формами причастий, особенно остро стоит тогда, когда в современной системе данного языка оказывается утраченным либо данное причастие, либо, чаще, данный падеж. Так, в составе формы на -ган+ча аффикс -ча может трактоваться и как аффикс направительного падежа, большинством тюркских языков утраченного, и как слово- или формообразовательный аффикс компаративного типа. Форма на -ган+ча представлена во многих тюркских языках, и она "ведет себя" очень не одинаково, не только в разных языках, но и в одном и том же языке.

Подобные вопросы возникают и в связи с бурятской формой на -аа+гүй+да (с семантикой 'пока не'...), и с тувинской формой на -гыже-/м/+че (тувинский аналог формы на -ган+ча, но на базе не причастия на -ган, а уйгурского причастия на -гу-+же/че – аффикс сохранившегося в тувинском направительного падежа), и с казахскими формами на -ысы+мен и на -ган+мен (с семантикой 'как только' и 'несмотря на то что'), где -мен – аффикс творительного падежа, -ыс/-с – аффикс 'имени действия'. Эти вопросы возникают всегда, когда причастно-падежная форма оказывается изолирован-

ной. А строго говоря, когда речь идет об обстоятельном функционировании падежей, момент изоляции форм присутствует всегда.

Формальную специфику обстоятельных падежных (и падежно-последовательных) форм предикативных конструкций в тюркских языках я вижу в том, что их внутренняя организация не объясняется (или плохо объясняется) из модели изафета. Во многих тюркских языках зависимое сказуемое вообще не получает личного оформления. Грамматической нормой является представление действующего лица или предмета формой подлежащего в прямом, неопределенном падеже: Мен кел=ген=де, сен кел=ген=де... В тех языках, где личное оформление зависимого сказуемого является обязательным (или весьма регулярным), это оформление следует видимо, признать лично-предикативным.

Признаком, различающим притяжательное и предикативное оформление, является в моих глазах способ представления грамматического 3-го лица. Выше мы видели, что в структуре предикативных актантов грамматическое 3-е лицо получает последовательное "положительное" выражение - с помощью аффиксов -ы, -и (когда предикативный актант дополнение; как известно, винительный падеж притяжательного склонения не имеет собственного аффикса; аффиксы остальных косвенных падежей "накладываются" на аффикс -ин. Фонетических процессов мы касаться не будем). В системе же спряжения глаголов в формах на -ды и на -са, которое осуществляется с помощью лично-предикативных (а не притяжательных) аффиксов, "аффиксов 2-го типа", 3-е грамматическое лицо выражается отсутствием аффиксального показателя; сравним:

Мен кел=ди=м	мен кел=зе=м	мен кел=ген=им=де	мен кел=ер=им=ге
сен кел=ди=н	сен кел=зе=н	сен кел=ген=ин=де	сен кел=ер=ин=ге
ол кел=ди ∅	ол кел=зе ∅	ол кел=ген=∅=де	ол кел=ер=∅=ге

Форма, называющая исполнителя действия зависимой части, (подлежащее) в обстоятельных конструкциях регулярно выступает в форме прямого (неопределенного) падежа. Это вполне согласуется с лично-предикативным типом оформления зависимого сказуемого и является подтверждением того, что в основе предикативного узла лежит здесь уже не изафетный тип связи - хотя для выражения грамматического лица чрезвычайно последовательно используются "аффиксы 2-го

типа", материально тождественные притяжательным (1-го и 2-го лица) и, естественно думать, исторически восходят к ним.

Высказанные здесь соображения безусловно нуждаются в тщательной проверке. Одним из видов такой проверки мог бы быть эксперимент, состоящий в замене форм прямого падежа подлежащих в зависимых предикативных частях формами родительного падежа: окажется ли такая замена в равной мере возможной, допустимой (по мнению, по ощущению носителей языка) в конструкциях с предикативными актантами - и в конструкциях, где падежная форма предикативной единицы выполняет обстоятельную функцию. "Готовый", не экспериментальный материал говорит о том, что в обстоятельных зависимых предикативных частях формы родительного падежа подлежащего встречается исключительно редко. Но он ничего не говорит о том, в каких случаях эти формы возможны, а в каких невозможны. Провести такой эксперимент мы надеемся в 1981 г.

В заключение я хотела бы добавить к сказанному еще два замечания. Во-первых, в этой статье я видела свою цель преимущественно в том, чтобы показать наличие в общей системе предикативного склонения двух подсистем, актантной и обстоятельной. Поэтому я обращала внимание на то, что их различает, полагая очевидным общее основание оппозиции. На самом деле отношения между системами, и сами границы их гораздо менее четки. Обращение к материалу, к конкретным языковым формам сразу показывает, как тесно переплетены отдельные признаки, как трудно провести границу между формами актантного и обстоятельного типа за рамками самых простых случаев. Даже в русском, хорошо изученном и описанном, как классифицировать зависимую часть в предложении: "Я не люблю, КОГДА меня перебивают"? Вопрос, который можно поставить от главной части - падежный: чего не люблю. Форма же "ответа" толкает на обстоятельную интерпретацию. С подобными и еще более сложными вопросами мы сталкиваемся и в анализе тюркских фактов, когда одна и та же падежная форма может интерпретироваться и как управляемая, мотивированная типом главного предиката, и как обстоятельная, причинная или временная.

Во-вторых, в этой статье я пыталась поставить некоторые вопросы относительно предикативного склонения, закономерностей организации и функций склоняемых предикативных форм и т.д. применительно к тюркским и даже алтайским языкам "вообще". Но я ни в какой

мере не ожидаю, что ответы на эти вопросы, которые могут быть получены в результате исследования разного конкретного языкового материала, окажутся одинаковыми или однотипными. Принадлежность к некоторой языковой семье и к некоторой типологической общности оставляет каждому языку огромное "пространство свободы". Поэтому никакая индукция, никакая система ожиданий, под-казанная фактами одного языка, не может заменить действительного знания о другом языке, где все может оказаться или "не совсем так", или "совсем не так".

Общим для всех алтайских языков является существование в них предикативного склонения. По-видимому, общим должно быть и различие тех двух типов подсистем предикативного склонения, о которых шла речь выше. Но даже те самые формальные противопоставления, о которых я говорила, в какой-то мере прослеживаются лишь на материале тюркских языков. В какой мере те признаки, которые, как мне кажется, значимы в тюркских языках Южной Сибири, окажутся значимыми также применительно к монгольским (например, бурятскому), к тунгусским или к маньчжурскому?

Вероятно, в очень малой мере. В бурятском языке, как известно, родительный падеж субъектного имени (подлежащего зависимой части) стал нормой для большинства типов зависимых предикативных единиц, в том числе и обстоятельственных — значит, этот признак не должен дифференцировать подсистемы предикативного склонения. В тунгусских языках, наоборот, родительный падеж фактически утрачен — значит, тоже этот признак различительным быть не может. Да и применительно к самим тюркским языкам значимость каждого конкретного признака может быть очень различной. При этом однако, я думаю, что если оппозиция актантного и обстоятельственного склонения является значимой, — а именно к такому выводу приводит нас анализ имеющихся у нас материалов, — то она обязательно должна найти себе то или иное конкретное, формальное выражение в каждом языке.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См., например, А.П. Рифтин. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. — В кн.: Советское языкознание, Л., 1937 г.; "Спрягаемая форма глагола с показателем —а рассмат-

ривается как именная, и к ней могут присоединяться падежные показатели, играющие роль подчинительных союзов" — И.М. Дьяконов, Шумерский язык. В кн.: Языки Азии и Африки, М., 1979, с.35. Подобное явление он отмечает и в хуритском языке — Там же, с.75. Г.А. Климов пишет о том же в картвельских языках: "Для чанского языка очень характерно введение придаточного предложения падежной формой (чаще всего формой родительного или дательного падежа) финитного глагола" — В кн.: Языки Азии и Африки, М., 1979, с.126. О падежных аффиксах в той же роли в кетском языке см. Н.М. Гришина, Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка. АКД, Л., 1979, с.9-17.

2. Н.И. Фельдман. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке. Учёные записки Ин-та востоковедения АН СССР, М., 1952, с.259 и след.

3. Е.И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка, II, сложное предложение, кн. I, с.103-142.

4. Там же, с.104.

5. Там же, §183, с.108.

6. См., напр., Е.Курилович. Проблема классификации падежей. — Е.Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, и др.

7. Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, с.276.

8. См. статью Г.Ц. Пюрбеева в настоящем сборнике.

9. См. статью Ш.Ч. Сата в настоящем сборнике.

10. Ср. Изысканный дар тюркскому языку. Грамматический трактат XIV в. на арабском языке. Перев. Э.И. Фазылов, М.Т. Зияева, Ташкент, 1978, с.36; П.Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч.2, Синтаксис, СПб, 1897, с.8. Ср. также Е.И. Убрятова, "Определение в форме родительного падежа называет определённого обладателя, а в неоформленном падеже выражает неопределённого обладателя" — со ссылкой на Г.Бегалиева, Қазақ тілі, Алма-Ата, 1942; В.В. Решетов, Основы фонетики и грамматики узбекского языка, Ташкент, 1965, с.79: "Притяжательный оформленный употребляется, когда обозначается предмет известный, определённый, или когда имя, стоящее в притяжательном падеже, имеет перед собой определительное слово...; когда же название предмета в качестве определения применяется в общем, неопределённом значении, то употребляется притяжательный неоформленный". Ср.: "По категориаль-

ной отнесённости изафет III типа имеет значение индивидуализации зависимого компонента в его отношении к стержневому" - В.Д.Аракин, К истории изафета в тюркских языках. В кн.: Тюркологические исследования. М., Наука, 1976, с.21.

II. Отсюда ясно, что распространение термина "изафет" на конструкцию, известную под именем "I-го изафета", в составе которой ни один из компонентов никакого оформления не получает, трудно обосновать теоретически: такие группы лишены специфических признаков понятия "изафет".

12. В.А.Аврорин. Грамматика нанайского языка. М.-Л., 1959, с.141.

13. В.Д.Аракин, цит. работа, с.20.

14. В.В.Решетов, цит. работа, с.79.

15. Грамматика современного русского литературного языка. М., Наука, с.684.

16. О субстантиваторах в японском языке см. Н.А.Сиромятников. Развитие новояпонского языка. М., Наука, 1978, с.94-95.

17. Г.П.Уханов. Придаточное в сочетании с неоднородным ему членом предложения. В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с.219.

18. О падежном оформлении якутского деепричастия на -аат см. Е.И.Убрятова, цит. работа, II, с.43; в тувинском о сочетании деепричастия на -гаш с аффиксами родительного и некоторых других падежей - Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах, цит. работа, с.335.

19. Форма на -гыж в качестве внешнего аффикса принимает аффикс не только направительного падежа, - см. Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах, цит. работа, с.405 - но также дательного, нередко с послелогом чедир.

20. Это отмечается для картвельских языков Г.А.Климовым, для кетского Н.М.Гришиной, см. сноску №1.

21. Грамматика хакасского языка, М., Наука, 1975, с.72,76.

22. См., например, исследования на материале эвенкийского языка: Л.М.Бродская, Вспомогательные глаголы в структуре сложноподчинённого предложения в эвенкийском языке. В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с.36-54; Л.М.Горелова, О специфике аналитических форм эвенкийского глагола в функции зависимого сказуемого. - Там же, с.55-75.

Л.М.Бродская

ЗНАЧЕНИЕ СКЛОНЯЕМЫХ ПРЕДИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В исследованиях по синтаксису алтайских языков не нашёл должного отражения тот факт, что склоняемые предикативные единицы, выполняющие одни и те же синтаксические функции (чаще всего подлежащего и дополнения), представляют собой структуры, весьма отдалённые друг от друга в семантическом и формальном отношении, имеют различные генеалогические связи, проявляющиеся в различии их внутренней формы, и обладают лишь поверхностной идентичностью, благодаря тождеству позиции, занимаемой ими в сложноподчинённом предложении (СПП). Например:

(1) Си гиркидуви омакта пуртава бунэс ая 'То, что ты дал товарищу новый нож, хорошо'.

(2) Си гиркидуви бунэс ая 'То, что ты дал товарищу, хорошее'.

Обе зависимые предикативные единицы (ПЕ) выполняют тождественную синтаксическую функцию внутри СПП, что обуславливает тождество их падежного оформления (прямой падеж), и имеют одинаковый комплекс актуализационных признаков, обуславливающий тождество модально-временного и личного оформления (суфф. прошедшего времени индикатива -нэ, 2 л.ед. -с). Тем не менее это сходство должно быть признано поверхностным по сравнению с семантико-структурными различиями, которые обнаруживаются на более глубоком уровне лингвистического анализа. Предикат 1 придаточного обозначает сам факт действия, его процесс, направленный на конкретный объект (пуртава 'нож') и подвергающийся качественной оценке (ая 'хорошо'). Это значение назовём процессным. Предикат 2 придаточного, хотя, будучи глаголом, и обозначает действие в соответствии со своим категориальным и конкретным лексическим зна-

чением, фактически указывает здесь не на само действие, а на его вещественный объект, получающий качественную оценку (ая). Это значение назовём объектным.

ПЕ с процессным значением не обнаруживает родства (производности) с какими-либо другими типами синтаксических конструкций. ПЕ с объектным значением представляют собой структуры, образованные из определительных придаточных в результате элиминирования определяемого существительного, входящего в состав главного предложения. Например:

(1) Аси улэнэвэн остолду нэчэл 'То, что сварила женщина, положила на стол'.

(2) Аси улэнэвэн улэвэ остолду нэчэл 'Мясо, которое сварила женщина, положили на стол'.

Вообще эллипсис определяемого слова и заместительное употребление вместо него всего атрибутивного комплекса, вызывающее окказиональную субстантивацию последнего, широко распространены в эвенкийском языке, как, кстати, и в русском, и в других европейских языках:

Эвкил тагра эмадеривэ 'Не узнали входящего';

Аминни вачавэ гэлэктэнэхичэ 'Отправился на поиски (человека), убившего его отца'.

Специфика данного случая состоит в том, что вместо определяемого существительного в его синтаксической функции употребляется предикативное определение, т.е. придаточное. На вопрос, сопровождается ли такое употребление субстантивацией определения, мы постараемся ответить ниже.

Родство с определительными придаточными позволяет объяснить семантику и грамматические свойства объектных ПЕ; отсюда необходимость при исследовании последних некоторого предварительного экскурса в область первых.

Предикат определительной ПЕ связывает придаточное с определяемым существительным, согласуясь с ним в падеже и примыкая к нему:

(1) Тар тытэнэ-ли-вар аси-ли буленэсун-ну, этарас-ку асия? 'За эту женщину, которую отняли, отдадите женщину или нет?' (ИФЭ)

(2) Сипкичилла, долдыра турэр-вэ атыркэн гундери-вэ-н (ИФЭ) - 'Присмотрелись, слышали слова, которые произносил старик'.

(3) Си бидекал, би накуяни бэюн-мэ вана-ва-н гэлэктэнэктэ (ИФЭ)

'Ты побудь, а я пойду поищу лося, которого добыл твой брат'.

(4) Эр би нэнэнэв удявав ичэткал 'Посмотри на тропинку, по которой я пришёл'.

(5) Би си аяннадярис суракка долдыкса соруй. эмэчэв (ИФЭ) - 'Услышав слух о том, что ты улетела в путь, я на этот слух прилетел'.

В 1-3 предложениях зависимый предикат согласуется с определяемым существительным в падеже, в 4-5 примыкает к нему. Очевидно, что в обоих случаях падежная форма зависимого предиката не имеет самостоятельного значения и лишь дублирует (при согласовании) падежную форму определяемого существительного, подчёркивая тем самым атрибутивные отношения между ними.

В то же время между определяемым существительным и зависимым предикатом есть смысловые отношения, отражающие реальные отношения между предметом и действием, которые в простом предложении передаются какой-либо падежной формой, а в данном случае остаются невыраженными. Например:

Тар оснавар (осна-ли-вар) хоктол-дули-вар уре оёлон туктывкил (Нак.) - 'По дорогам, которые они сами проложили, они поднимаются в гору'.

Здесь смысловые отношения между лексемами ос- 'расчистить, проложить' и хокто 'дорога' соответствуют значению винительного падежа (действие - прямой объект): бэел хокто-во оста 'люди проложили дорогу'. В приведённом же примере эти отношения не имеют формального выражения.

Возникает вопрос: чем же обеспечивается адекватное понимание таких предложений, поскольку в принципе между одними и теми же действиями и предметом могут быть разные отношения, соответствующие значению разных падежей. Например, между лексемами дуку- 'пишеть' и карандаш, наряду с инструментальными отношениями, оформляющимися творительным падежом, которые являются, конечно, самыми естественными и частотными, возможны в принципе и другие объяснимые отношения, выражаемые формами других падежей: дукудум карандаш-па 'пишу о карандаше', дукудум карандаш-ту 'пишу на карандаше' и т.п. Как же должно быть понято предложение Би дукунав карандаш сокоривран 'Карандаш, которым (или о котором, на котором, по которому...) я пишу, потерялся'?

Получается своего рода задача с одним неизвестным при двух из-

вестных: даны действие и объект, неизвестны отношения между ними. Единообразное понимание таких предложений обеспечивается благодаря принятому ограничению: из всех возможных смысловых отношений между зависимым предикатом и определяемым существительным допускается только то, которое соответствует наиболее естественному и частотному отношению между обозначаемым действием и предметом в реальной действительности:

дукунас карандаш 'карандаш, которым ты пишешь';

уланан улле 'мясо, которое она сварила';

угдусинан урка 'дверь, сквозь которую он прошёл' и т.п.

Поскольку эти отношения эксплицитно передаются в простом предложении падежной формой управляемого существительного, они, по-видимому, осознаются носителями языка в рамках существующей падежной системы. Поэтому есть основания говорить о внутренней падежной форме сказуемого определительной ПЕ, имея в виду соответствующее данным отношениям имплицитное падежное оформление: дукунав карандаш – внутренняя форма творит.падежа; уланан улле – винительного; угдусинан урка – продолжного.

Эллипсис определяемого существительного, обозначающего объект, вызывает переосмысление определительного придаточного: оно берёт на себя выражение объекта и выполнение синтаксической функции существительного. Определительное придаточное трансформируется в придаточное дополнительное, подлежащее, сказуемое, в соответствии с выполняемой синтаксической функцией, но всегда с предметно-объектным (а не с процессным) значением.

Утрата лексически выраженного объекта ещё больше ограничивает выразительные возможности рассматриваемых ПЕ. Если продолжить аналогию с арифметической задачей, то очевидно, что количество неизвестных в ней возрастает по сравнению с определительными придаточными за счёт сокращения количества известных данных: известно только действие, неизвестны объект и характер направленности на него действия. Впрочем, восстановить конкретный объект – задача невыполнимая, и она не ставится: конкретный объект может быть выражен только лексически, словом. Нельзя, например, посредством причастия уланан 'то, что она сварила' выразить конкретно, о чём идёт речь: мясо, рыбу, суп? Здесь надо оперировать абстрактным представлением объекта, приблизительно соответствующим русскому "то, тот" в конструкциях "то, что она сварила",

"тот, кого он позвал". Определить объект в этом случае значит выявить характер его отношения к действию. Что означает, например, причастие дукунав в предложении дукунав ая: 'то, что написал, хорошо', или 'то, о чём (тот, кому) написал, хорошо'?

Единообразное понимание обеспечивается здесь ещё более жёстким ограничением, чем то, о котором говорилось выше в связи с определительным придаточным: предикат склоняемой ПЕ, независимо от того, в какой синтаксической функции она употребляется, может обозначать только один объект, соответствующий его главной валентности. Для переходного глагола (а в объектном значении употребляются, как будет показано ниже, почти исключительно переходные глаголы) это всегда прямой объект, соответствующий валентности вин.падежа. Таким образом, дукунав уцивча может значить только 'то, что я написал, отправлено'; саканав дяду эманмуче – 'то, что я нашёл, осталось в чуме'; ванаван маначавун – 'то, что он добыл, мы израсходовали'. Внутренней падежной формой зависимого предиката, отражающей его отношения к невыраженному, внутреннему объекту, является в объектных ПЕ почти всегда форма вин.падежа. Сочетания типа русских "то, о чём", "тот, о ком", "тот, кому" не имеют аналогов в эвенкийском языке.

Исно поэтому, что не все определительные придаточные могут трансформироваться в управляемые ПЕ с объектным значением. Эллипсис определяемого слова и трансформация придаточного возможны лишь в случае прямообъектных отношений между зависимым предикатом и определяемым существительным. При косвенно-объектных и различных обстоятельственных отношениях этого не происходит. Например, в предложении:

эр инатын дутын сома аят бисин (ИФЭ) – 'чум, в который они вошли, был очень хорош' –

эллипсис определяемого существительного дутын и переосмысление придаточного в подлежащее ('то, во что они вошли') невозможны. Причина этого, по-видимому, – в невозможности дифференцировать такие придаточные и широко распространённые в языке омонимичные им конструкции с процессным значением: инатын сома ал бичен значит всегда 'то, что они вошли, очень хорошо'.

Отмеченное выше ограничение в употреблении определительных придаточных может в значительной мере ослабляться за счёт самостоятельного, т.е. не зависящего от определяемого слова, падеж-

ного оформления сказуемого. В хантайском говоре, на Таймыре, встретились предложения типа:

Этыркэн тыматнэ эмэнэ-дук-пи школами-ла мучуран 'Старик вернулся в старую школу, из которой пришёл утром'..

Здесь сказуемое определительного придаточного эмэнэ-дук-пи 'из которой пришёл' оформлено суффиксом отложительного падежа, указывающим на исходный пункт движения, а определяемое существительное школами-ла – суффиксом местного падежа, указывающим на цель движения. Такое падежное оформление оказалось возможным благодаря тому, что место падежного суффикса при зависимом сказуемом в определительном придаточном является, по сути дела, "вакантным": его или нет (при примыкании), или он может быть без ущерба для смысла устранён и заменён другим, несущим более важную информацию, чем простое дублирование (при согласовании). Данный способ падежного оформления не получил распространения в языке; предложения такого типа встретились только в хантайском говоре и совершенно не представлены в изданных текстах. Тем не менее они весьма интересны в теоретическом и практическом (при условии развития литературного языка) аспекте как перспективный путь развития СИП с определительными придаточными, расширяющий их конструктивные возможности и позволяющий гибко и дифференцированно выражать различные оттенки атрибутивно-объектных и атрибутивно-обстоятельственных отношений².

Очевидно, что аналогичным путём в языке не может быть решена задача расширения конструктивно-выразительных возможностей придаточных с объектным значением, поскольку падежный суффикс, оформляющий зависимое сказуемое, несёт здесь важную смысловую и структурную нагрузку и не может быть устранён и замещён другим с целью эксплицирования внутренней падежной формы. Отношение управляемой ПЕ к главной, выражаемое падежным суффиксом зависимого сказуемого, имеет гораздо большее значение для структурно-семантической целостности всего предложения, чем отношение зависимого действия к его невыраженному внутреннему объекту. Пример:

Бунэс аче ая биси 'То, что ты дал, нехорошее'.

Здесь форма прямого падежа указывает на позицию придаточного в структуре СИП (подлежащее) и не может быть заменена формой винительного падежа, отражающей отношение зависимого действия к

имплицитному объекту.

Оппозиция управляемых ПЕ с объектным и процессным значением в большинстве случаев весьма отчётливо проявляется, благодаря комплексу различий, пронизывающих СИП как на морфолого-синтаксическом, так и на лексическом уровне. Часть этих различий проявляется внутри придаточного, другая часть – вне его.

1. Сказуемое объектных ПЕ выражается почти всегда причастием прошедшего времени на -на, образованным от основы неглагольного вида (без суффикса -дя). Это значит, что объектно-результативная семантика существует в сознании носителей языка в сочетании с определённой темпорально-аспектуальной окраской: законченности, завершённости действия в прошлом, что само по себе вполне логично. Приведём примеры:

(1) Ичэнэви, долдынави, санэви улгучэкэл (ИФЭ) – 'О том, что видел, слышал, узнал, расскажи'.

(2) Ашин алагунаван омчочо (ИФЭ) – 'Жена забыла о том, чему он учил'.

(3) Би бултанаалви аливум (Нак.) – 'Я сдавала то, что добывала'.

(4) Умна тулилэ уйнэвэвун чи-вэл лукча (НАК.) – 'Однажды то, что мы снаружи привязали, кто-то снял'.

(5) Би долдынав, ичэнэв экун-да ачин (ИФЭ) – 'Я ничего не видела и не слышала' (Букв.: 'того, что я видела и слышала, ничего нет').

Сказуемые, выраженные другими формами причастий, в объектном значении встречаются очень редко, однако они возможны:

(1) Би курдустывэв бука-дэн илиндякал (ФЭЯ) – 'Пожалуйста, выполни то, о чём я тебя прошу'.

(2) Би тулдуликэн туратчаривэв долави долдыкал (ФЭЯ) – 'Мои страстные слова прочувствуй нутром' (букв.: то, что я говорю).

Ограниченность возможной темпоральной окраски объектных ПЕ заслуживает тем большего внимания, что соответствующие им определительные придаточные её не знают. Сказуемое определительного придаточного может быть выражено любой временной формой причастия; наблюдающиеся здесь ограничения имеют общезыковую природу, т.е. объясняются большей или меньшей частотностью различных причастий в языке.

Сказуемое процессных ПЕ тоже очень часто выражается формой причастия на -на. Однако не меньшую частотность обнаруживают в

этом значении и причастия на -ри, причём в большинстве случаев - образованные от основы неопределённого вида. Среди примеров, которые мы рассмотрели, из 80 случаев предикативных подлежащих с процессным значением оказалось по 34, выраженных причастиями на -ри и на -на. Конечно, такое точное совпадение - случайность, но есть основание говорить об одинаковой употребительности этих форм в процессном значении. Примеры:

(1) Амукандын ахандяи ичехиннэс экумаду сурдактаран (ИФЭ) - 'То, как ты взглянул глазами величиной с озерко, до чего же страшно'.

(2) Эр бөөнөн даран коколдодын-нон бөө гиркухилдан эдук-та инемухи-эвит (ФЭЯ) - 'И было очень смешно, что рядом с таким человеком зашагал человек с рукавичку'.

(3) Бокорин эр-ты одан (ИФЭ) - 'Вот скоро он нагонит' (букв.: то, что он нагонит, вот-вот настало').

(4) Эду экума-да некариб ачин (ФЭЯ) - 'Здесь мне нечего делать'.

(5) Би хот-та надалдекиб бичен (Нак.) - 'Я очень испугалась' (букв.: то, что я очень испугалась, было).

(6) Колумтанмат уркунатн бичен, хулаптарват хувнатн бичен (ФЭЯ) - 'Он мог разорить наш очаг, раздуть по ветру его пепел'.

В предложениях 1,2 зависимые сказуемые выражены формами на -на, в 3,4 - на -ри, в 5,6 на -цэт и -дяк.

Заметим, что употребление причастий на -на в объектно-результативном значении отразилось и в его наименовании, принятом большинством тунгусоведов: "результативное причастие" ³. Это наименование основано на абсолютизации данного свойства и, следовательно, является не вполне точным, поскольку, во-первых, причастие на -на, как было показано, не менее широко распространено и в процессном значении, и, во-вторых, в редких случаях в объектно-результативном значении могут употребляться и другие причастия (см. вышеприведённые примеры).

2. Сказуемые объектных ПЕ выражаются в подавляющем большинстве случаев причастием, образованным от переходных глаголов, т.е. внутренний объект второстепенного действия почти всегда бывает прямым:

(1) Нам дулайалан гараганаб окия эмаксэ минэвэ айды биден? (ФЭЯ) - 'Когда, придя, меня спасёт тот, кого я выбросил на середину моря?'

(2) Куренай, долдыкса дукнаван ахиви вача (ИФЭ) - 'Куренай, услышав то, что она написала, жену свою убил'.

(3) Адылчачкывун джэ оёлин аминмун туленэлээн - 'Вылавливали на льду то, что ставил наш отец (сети)'.

(4) Акинми гуннаван дёнан (ИФЭ) - 'Вспомнила то, что говорил старший брат'.

(5) Би тагдым тар бөө ганаван (Хант.) - 'Я отнял то, что этот человек взял'.

Употребление в объектном значении переходных глаголов основано на сформулированном выше требовании: внутренняя падежная форма зависимого предиката соответствует его господствующей валентности. Что же касается непереходных глаголов, то они, как правило, не имеют такой сильной, господствующей над другими валентности, которая обеспечила бы однозначное понимание структуры придаточного без эксплицитных средств выражения. Например, причастие буринен, образованное от переходного глагола бури- 'уронить', может обозначать только 'то, что он уронил', в соответствии с валентностью вин. падежа, проявляющейся в простом предложении:

Бурирен тыгэвэ - 'Уронил чашку'.

Эта форма не может быть понята как 'то, на что (с чего, через что и т.п.) уронил', хотя глагол бури- управляет, наряду с винительным, соответствующими косвенно-объектными и обстоятельными падежами: бурирен дуннэлэ (модук, саңардули...) - 'уронил на землю (с дерева, через отверстие...)'.

Напротив, причастие бурунен, образованное от непереходного глагола буру- 'упасть' не может вообще быть понято в объектном значении, поскольку ни одно из косвенно-объектных или обстоятельных значений, соответствующих свойственным этому глаголу валентностям, не является безусловно господствующим над другими: бурурен мула (сонали, оёндук) - 'упал в воду (через дымовое отверстие, с вершины). Причастие бурунен может быть понято лишь в процессном значении: 'то, что он упал' (т.е. сам факт его падения, например:

Модук бурунэн инниничу - 'То, что он упал с дерева, смешно'.

Нельзя, тем не менее, абсолютизировать сказанное и совершенно исключить возможность употребления непереходного причастия в объектном (косвенно-объектном) значении. Такое употребление, по-видимому, возможно у причастий, образованных от непереходных глаголов с какой-либо сильной косвенно-падежной валентностью. В материалах, которыми я располагаю, встретился только один такой случай: зависимое сказуемое, образованное от глагола ңәлә - 'бояться', который в эвенкийском языке управляет отложительным, а не винительным падежом. Приведу этот пример:

Пачаки гатакта шоңиң, тәдәме нарәт ңәләнәтнә (ИФЭ) - 'Пачаки смелый боец, настоящий страх людей' (букв.: тот, кого люди боялись'.

Сравним простое предложение: әкел мин-дук ңәләттә 'не бойся меня', где глагол ңәлә управляет отложительным падежом дополнения мин-дук.

Есть основание полагать, что специальное исследование выявит некоторый список (по-видимому, очень небольшой) таких непереходных глаголов, обладающих одной сильной косвенно-падежной валентностью.

Сказуемые в ПЕ с процессным значением свободно выражаются причастиями, образованными как от переходных, так и от непереходных глаголов, поскольку признак направленности - ненаправленности действия на объект для этого значения нерелевантен.

Приведём примеры с процессным значением зависимых сказуемых, выраженных непереходными глаголами:

(1) Идук әмәнәвәр әхи сара: угу бугадук тыкнәвәр әхи сара, дулин дуннаду некәәнәвәр - нын сарә (ИФЭ) - 'Откуда пришли они, сами не знают: с верхней ли земли упали, не знают; только знают, что бродили по средней земле'.

(2) Де, тар авахи, ичәксә, гиранави сидгиндәригән сача. (ИФЭ) - 'Тот чёрт, взглянув, заметил, что у него дрожат кости'.

(3) Тадук одакин бугалави истыс илан аннани болдокилкан бихин (ФЭЯ) - 'На твою родину ты должен вернуться через три года'.

(4) Эр мо курбуригән аламанал курбулкалду, гирулкалду (ФЭЯ) - 'Подражая тому, как вертится дерево, вертитесь, ходите'.

3. Сказуемые объектных ПЕ не могут управлять прямым дополнением. Сказуемые процессных ПЕ, если они образованы от переходных глаголов, управляют прямым дополнением. Следовательно, если сказуемое управляемой ПЕ образовано от переходного глагола, то наличие или отсутствие при нём прямого дополнения является релевантным признаком, позволяющим определить его значение, процессное или объектное. Приведём примеры процессных СПП с прямым дополнением в придаточном:

(1) Бәе бәзәви-дә вәдәригән ичәчим би (ИФЭ) - 'Я видел, как человек убивает человека'.

(2) Синәвә-дә соторо кейриг (ИФЭ) - 'Я тебя быстро одолею' (букв.: что я тебя одолею, это быстро).

(3) Хутәви-гу, сокувә-гу иргитнәви санды-гу әчес-ку? (ФЭЯ) - 'Знаешь ли ты, как вскормить ребёнка или разводить скотину?'

(4) Кувулгаттук кувулгатмәриә, Девилгәттук девилгәтмәриә әхия бакарийәс ичәдиңәт (ФЭЯ) - 'Посмотрим, найдёшь ли ты девицу, лучше и красивее Кувулгат-Девилгәт'.

В большинстве случаев устранение прямого дополнения или придало бы к трансформации процессной ПЕ в объектную, или разрушило бы весь строй предложения (если объектное значение придаточного противоречило бы смыслу целого). Например, иргитнәви санды-гу, әчес-ку значило бы 'знаешь ли ты того, кого вскормил'; бакарийәс ичәдиңәт - 'посмотрим, кого ты найдёшь'. Данная трансформация легко объяснима: прямое дополнение перетягивает на себя значение объекта, оставляя зависимому сказуемому его исконное процессное значение. При отсутствии же прямого дополнения сказуемое принимает на себя его значение, поскольку переходный глагол так или иначе, эксплицитно или имплицитно, должен управлять винительным падежом.

Наряду с отмеченной господствующей тенденцией, касающейся за-полнения прямообъектной валентности зависимого глагола, возможны случаи, когда глагол, обычно употребляющийся как переходный, в определённых контекстуальных или ситуативных условиях не управляет прямым дополнением в придаточном и, несмотря на это, имеет процессное значение. При этом дифференциация двух типов конструкций - объектной и процессной - значительно затруднена. Например, предложение дукүнас ая может, по-видимому, в разной ситуа-

ции обозначать: 'то, что ты написал, хорошее' и 'то, что ты написал, хорошо' (т.е. то, что ты совершил это действие).

Возможность двойного понимания не опровергает высказанного выше положения о дифференцирующей роли прямого дополнения, поскольку в случае, когда зависимое сказуемое имеет процессное значение несмотря на отсутствие прямого дополнения в придаточном, оно проявляет себя как переходный глагол. Ср. в простом предложении: аят дукудьяран 'хорошо пишет' в этом смысле ничем не отличается от аят хуктыдеран 'хорошо бежит'. Кроме того, по нашим наблюдениям, в подавляющем большинстве случаев такие конструкции следует понимать однозначно, как объектные.

4. Сказуемое в объектных ПЕ не может иметь форму страдательного залога. Это ограничение основано на морфологических свойствах страдательного залога и синтаксических свойствах образуемых им конструкций. Во-первых, трансформация глагола из действительного залога в страдательный уничтожает его переходность. Во-вторых, страдательный залог "переворачивает" выражение субъектно-объектных отношений. Объект выражается при этом подлежащим и личным суффиксом, оформляющим сказуемое, т.е. представлен эксплицитно, что противоречит основному условию, при котором возможно выражение объекта через название направленного на него действия: отсутствию его лексического выражения.

В то же время перемещение субъекта и объекта, имеющее место при трансформации действительного залога в страдательный, никак не затрагивает существа процессного значения. Сравним, например, СШ с коррелятивными действительным и страдательным оборотами в роли придаточных:

Си пуртава баканас савувча - 'То, что ты нашёл нож, известно'

Эр пурта синду бакамнан савувча - 'То, что этот нож найден тобой, известно'.

Очевидно, что перестройка предложения не вызывает изменения процессной семантики зависимого сказуемого.

Примеры СШ с зависимым сказуемым в форме страдательного залога:

(I) Силэван бими силуксэ, симтундяви манавнаван хээлави куң-кухиниксэ саттан (ФЭЯ) - 'Выпив навар, он узнаёт, что котёл ис-

черпан, стукнувшись о него лбом'.

(2) Этыркэн унатпи давдавнаван эхин элэксирэ (ФЭЯ) - 'Старику не понравилось, что его дочь побеждена'.

(3) Хэргу буга сонинин Гарагалтун Силин, дептывлив мудардула хэвран (ФЭЯ) - 'Нижней земли богатырь Гарагандул Силин, ты скоро меня одолеешь' (букв.: то, что я емся (тобой), подходит к концу).

5. Зависимое сказуемое с процессным значением может сочетаться с относительными местоимениями:

(I) Эр бөөл или-кэт эмеритын-суруритын эхин савра (ФЭЯ) - 'Было неизвестно, как пришли и ушли эти люди'.

(2) Нуңан экундук-та татнаван нү-де эчэ сара (ФЭЯ) - 'У кого он научился, никто не знает'.

(3) Ахундули эмерив эхин савра (ФЭЯ) - 'Неизвестно, когда (через сколько времени) я вернусь'.

(4) Ила-де хурунавэтын эчэ бакара (Хант.) - 'Куда они ушли, не нашёл'.

(5) Он-мал бөөл утале иннавэтын улгучакэл (Хант.) - 'Расскажи, как люди жили в старину'.

Зависимое сказуемое с объектным значением не сочетается с относительным местоимением внутри своей ПЕ.

Рассмотрим несколько подробнее основания для этого запрета. Объектные ПЕ часто управляются, наряду с глаголами конкретной семантики, находящимися в главной части глаголами со значением мыслей, речи, восприятия, т.е. имеют изъяснительное значение: дукунаваэ ичэм 'я видел то, что ты написал'. Процессные ПЕ в функции подлежащего и дополнения чаще всего сочетаются с глаголами именно этой семантической группы, т.е. тоже имеют изъяснительное значение: Би хурунавэс ичэм 'Я видал, как ты ушёл'. Относительные местоимения употребляются только в процессных ПЕ, причём только в изъяснительном значении: Би ичэм ила-вал хурунавэс 'Я видал, куда ты пошёл'. Естественно поэтому ограничить объём привлекаемого к исследованию материала рамками изъяснительных ПЕ, как объектных, так и процессных. Итак, в изъяснительном значении могут употребляться как процессные ПЕ с относительными местоимениями и без них, так и объектные ПЕ. В процессных ПЕ без относительных слов объектом мысли, речи, восприятия, выраженных в главном

предложением (обозначим его O_1), является сам процесс действия (в нашем предложении хурунавас 'то, что ты ушёл'). В процессных ПЕ с относительными словами подлинным смысловым O_1 является не само действие, а выраженные этим местоимением обстоятельства, свойства, субъект и пр. (в нашем предложении не хурунавас, а илэ 'куда'). Сравним также: Би идук (он, окин, екун...) хурунавас ичэм 'Я видел, откуда (как, когда, кто...) ушёл'.

В объектных ПЕ объектом мысли, речи, восприятия (O_1) является, как отмечалось, тоже не само второстепенное действие, а его имплицитный объект (обозначим его O_2). Таким образом, O_2 является O_1 . Эти значения оказываются неразрывно слитыми. O_2 не может не быть O_1 . В приведённом выше предложении Би дукунавас ичэм объект видения (O_1) и объект писания (O_2) представляют собой один и тот же предмет. Употребление относительных местоимений невозможно, поскольку, принимая на себя значение O_1 , они тем самым лишают зависимое сказуемое и значения O_2 : чилэ дукунавас ичэм - 'Я видел, кому (а не что) ты написал'.

Не случайно, что именно в сочетании с относительными словами зависимое сказуемое, выраженное переходным глаголом без прямого дополнения, вопреки установленной выше закономерности, приобретает чётко выраженную процессную семантику. Примеры:

(1) Авахи омотгин экундук-та баканавас чи-дэ эчэ сара (ФЭЯ) - 'Откуда сын чёрта (её) взял, никто не знает'.

(2) Чи-дэ бунэвас эчэ сара (ИФЭ) - 'Кто дал, не знает'.

Сравним:

(1) Баканавас чи-дэ эчэ сара 'То, что он нашёл, никто не знает'

(2) Бунэвас эчэ сара - 'То, что он дал, никто не знает'.

Объектные ПЕ представляют собой единый структурно-семантический комплекс, спаянный общим предметным значением, не вытекающим непосредственно из значения составляющих его компонентов, в том числе сказуемого. Присоединяясь к какому-либо из членов ПЕ, относительное слово расщепляет комплекс, возвращая зависимому сказуемому процессное значение.

Объектное значение зависимой ПЕ сохраняется, если относительное (вопросительное) местоимение присоединяется к ней как к единому компоненту, не нарушая её целостности. В этом случае местоимение не является членом объектной ПЕ, а присоединяется к ней извне, будучи членом главного предложения или придаточного более высокой ступени, например:

(1) Илэ онавас нэчэс? - 'Куда ты положил то, что я сделал?'

(2) Иду-вал онав бисивэн мэдэвкэкэл 'Сообщи, где находится то, что я сделал'.

Приведём структурную схему второго предложения, демонстрирующую место относительного местоимения по отношению к объектной ПЕ - онав 'то, что я сделал':

{[(о н а - в) иду-вал биси-н] -вэ мэдэвкэкэл}

Особого внимания заслуживают местоимения эва (экунма) и чи-дэ, являющиеся формами винительного падежа местоимений экун, чи 'кто, что'. Специфика их употребления состоит в том, что, в отличие от других местоимений, обозначающих субъект, косвенный объект, признак, различные обстоятельственные характеристики, они эксплицитно выражают обобщённый прямой объект второстепенного действия, который без них имплицитно выражается самим зависимым сказуемым:

(1) Би дукунавас таңчав 'То, что ты написал, я прочёл'

(2) Эва дукунавас таңчав 'То, что ты написал, я прочёл'.

Оба типа конструкций являются синонимичными. Второй тип представляет собой кальку соответствующих русских предложений и распространения в языке не получил.

6. Сказуемое процессных ПЕ не обладает именной категорией числа. Сказуемое объектных ПЕ имеет категорию числа, представляющую собой оппозицию двух членов: единственного и множественного. Категория числа указывает на количество подвергающихся действию объектов (предметов). Единственное число, выраженное нулевым показателем, является слабым, немаркированным членом данной оппозиции. Поскольку речь идёт об обобщённом объекте, форма единственного числа не выражает обязательно его реальной единичности. Она употребляется в большинстве объектных ПЕ, когда говорящий не фиксирует внимания на количестве предметов. Так, в предложении Ичанэв, долдынав баран 'То, что я видела и слышала, много' (ИФЭ) единственное число явно не имеет определённого количественного значения. Зато форма множественного числа, выраженная именем суффиксом множ. числа -л, указывает на множественность предметов и тем самым способствует максимальной конкретизации объектного значения. Примеры:

(1) Эминин-ну, аминин-ну эмэвурге ванэлви хутэлэви (Торг.) - 'Отец или мать, вероятно, приносили ребёнку то (те), что добывали'.

(2) Няи оналван ичэвкэчиллэн (Торг.) - 'Снова показал то (те), что тот оделал'.

(3) Арай окин-кат энедин ичэвэ аямат тэгэтчэрэ (ИФЭ) - 'Те, каких он никогда не видал, красиво сидят'.

(4) Би бултаналви алиум (Нак.) - 'То (тех), что добывала, я сдавала'.

(5) Нуңартын дуганива тугэ телинедвер депинкитын (ИФЭ) - 'Они летом ели то (те), что заготавливали зимой'.

Рассмотренные признаки, позволяющие в большинстве случаев достаточно отчётливо дифференцировать два структурно-семантических типа управляемых ПЕ, проявляются внутри придаточного: в его структуре и морфологической характеристике его членов. Не менее релевантными могут быть и признаки, проявляющиеся вне зависимой ПЕ, но обуславливающие в известной степени её значение и структуру. К ним относятся следующие:

1. Лексическое значение членов главного предложения, вступающих в непосредственный контакт с зависимой ПЕ.

1) Если зависимая ПЕ занимает позицию подлежащего в сложноподчинённом предложении (или, что то же самое, в его главной части), то в позиции сказуемого могут употребляться:

а) прилагательные и некоторые другие слова со значением качественной и количественной оценки. Сочетаясь с процессными ПЕ, именные сказуемые этого типа выражают оценку процесса, в сочетании же с объектными ПЕ они характеризуют предмет. Очевидно, что круг прилагательных, способных по своему лексическому значению определять предмет, значительно шире той лексико-семантической группы, которая может сочетаться с процессными ПЕ. Например, прилагательное алапчу 'вкусный' может сочетаться только с объектными, а не процессными ПЕ: Аминни эмэмнэн алапчу 'То, что привёз мой отец, вкусное'. Приведём примеры:

С процессным значением:

(1) Амаски иннэтын Некэңдэгон хита-де бичэ (Хант.) - 'То, как раньше жили жители Неконгды, было нехорошо'.

(2) Будытын-да со-да урга бивки-эвит (ФЭЯ) - 'То, как они умирали, было очень тяжело'.

(3) Бу сагданнавун со (ФЭЯ) - 'Мы очень постарели' (букв.: то, как мы состарились, сильно').

(4) Тавар би акинн гунды акинни дүрө балдыннан ди бидеңэн (ФЭЯ)

- 'То, что этот мой братом называемый брат дважды родился, хорошо'.

(5) Хунат сарарин би дядлүв сома элекин (ФЭЯ) - 'То, что девушка сомневается, по-моему, очень хорошо'.

С объектным значением:

(1) Тәде-вэл бинэн хагдыл гуннэтын (Нак.) - 'Наверное, правда то, что говорили старики'.

(2) Си сагды бэе, ичэнэс, долдынас синңи баран (ИФЭ) - 'Ты старый человек, того, что ты видел и слышал, много'.

(3) Ажив тыңарина улдыналин ажи холоктод очал (Хант.) - 'То, что моя жена в прошлом году спила, сейчас старое'.

(4) Москваду ичэнэс со аяпчумама бичэн (Хант.) - 'То, что я видел в Москве, очень красивое'.

б) Глагол в форме страдательного залога, обозначающий мысль, речь, восприятие; чаще всего сав- 'быть известным, известным', а также ичав- 'быть видимым', долды- 'быть слышанным' и т.п. В сочетании с этими глаголами придаточное имеет изъяснительное значение. В большинстве таких предложений внутри придаточного есть относительное местоимение. Как выше отмечалось, относительное местоимение употребляется только в зависимых ПЕ с процессным значением. Отсюда значительно меньшая частотность предложений такого типа с объектными ПЕ. Тем не менее они встречаются. Примеры:

(1) Эр амардукин нюрин илэ-де иснан эчин савра (ФЭЯ) - 'После этого его стрела куда полетела, неизвестно'.

(2) Эр самахик татылин иду-де бихин эхин ичэвэ (ФЭЯ) - 'Где её шаманская одежда, не видно'.

(3) Нуңартын кухинавэтын апыллава эхин савра (ИФЭ) - 'Сколько дней длился бой, неизвестно'.

(4) Будляр оёлин илэ-де қәнарин эчәмә-де савдыра (ИФЭ) - 'Где пролететь над океаном, неизвестно'.

(5) Тар горово-до кухинэтын, дагава-гу кухинэтын эча савра (ФЭЯ) - 'Долго ли, коротко ли они оились, неизвестно'.

(6) Умнат дянналин ичэвуллен (Хант.) - 'Вдруг показалось то, что он спрятал'.

Среди приведённых предложений первые 4 включают в себя процессные ПЕ с относительными местоимениями, 5 - процессную ПЕ без относительного местоимения, 6 - объектную ПЕ.

в) Сказуемое – вспомогательный глагол о- или би- в любом модально-временном оформлении, выражающее наличие или становление процесса. С этим сказуемым сочетаются ПЕ в процессном значении:

(1) Энэти минэвэ өмөнө одан (ФЭЯ) – 'Ты не должен меня покидать' (букв.: что ты не должен меня покидать, стало).

(2) Бокорин эр-ты одан 'Вот-вот он догонит' (букв.: он вот-вот нагонит настало).

(3) Би хот нэлэлдекив бицен (Нак.) – 'Я очень испугалась' (букв.: то, что я очень испугалась, было)..

(4) Илтен этыркэн тулгидэдун бутуну бэе бунэн оча (ИФЭ) – 'Около чума старика Илтони все люди умерли' (букв.: около чума.. что все люди умерли, стало).

(5) Колумтанна уркуңатын бицен, хулэптерват хувңатын бицен (ФЭЯ) – 'Он мог разорить наш очаг, раздуть его пепел' (букв.: то, что он мог разорить наш очаг, было; раздуть наш пепел, было).

Предикативные подлежащие с объектным значением в сочетании с вспомогательным глаголом почти не встретились в текстах, которыми мы располагали. Теоретического объяснения этот факт не находит, поскольку, как отмечалось, объектные ПЕ замещают существительные, а существительные легко сочетаются с этими глаголами. Объяснить его можно так же, как и вообще меньшую частотность объектных ПЕ в сравнении с процессными: предмет обозначается преимущественно своим прямым наименованием – существительным, а не заместительным – придаточным. Интересный случай употребления объектной ПЕ в сочетании с вспомогательным глаголом представлен в следующем диалоге:

Ады хутэвэни бихин? – Дыккэн, давчэс эчэ бихи (ФЭЯ) – 'Сколько у тебя детей? – Только четыре, того, что ты съела, нет' (букв.: тот, что ты съела, не есть).

Пример этот интересен тем, что здесь в функции зависимого сказуемого употреблено причастие прошедшего времени на -ча, которое почти повсеместно исчезло из языка, уступив место синонимичному причастию на -на, коррелятивному окончательной глагольной форме на -ча. В восточных диалектах процесс этот, видимо, затянулся, однако и здесь употребление формы на -ча в функции сказуемого в придаточном подлежащем, да к тому же в объектном значении – явление весьма редкое, если не исключительное ⁴.

г) Различные сочетания слов, обозначающие меру времени, про-

шедшего с момента совершения второстепенного действия:

(1) Тар бэе бунэн пон егин анңани оран (ФЭЯ) – 'С тех пор, как умер этот человек, прошло 18 лет'.

(2) Дулин буга сонигин Умусликэн-мата эменэн тугурук умун илени одан (ИФЭ) – 'С тех пор, как пришёл богатырь средней земли Умусликэн-мата, прошли целые сутки'.

В большинстве случаев зависимое сказуемое оформляется видовым показателем начала действия -л; таким образом, отсчёт времени ведётся от начала зависимого действия:

(1) Дарумкилнатын илан бега одан (ФЭЯ) – 'Прошло три месяца с тех пор, как они начали отдыхать'.

(2) Мит, гунэм, дюр сониг бакалдыксал кухилнэт тугурук анңани одан (ИФЭ) – 'Целый год прошёл с тех пор, как мы, два богатыря, встретившись, начали бороться'.

(3) Авахи минэвэ ахалнан илан анңани одан (ИФЭ) – 'Прошло три года с тех пор, как чёрт начал меня преследовать'.

(4) Некай, некай, тэдемэ, гиркукталнав, некаеднэв горокон одан (ФЭЯ) – 'Браток, браток, много времени прошло с тех пор, как я начал ходить, бродить'.

(5) Мэндэ-дэ сагды бэе бина, дыгин муннукилкан колумтандуви дэхуннак байңаңилби имуксалдуктын элнэс борира ада-да горолдон (ФЭЯ) – 'Сам-то ты, хоть и старый человек, что-то давно не угощал четырёхугольный очаг салом почитаемых зверей' (букв.: то, что ты начал не угощать, затянулось).

Во всех этих предложениях употреблены придаточные подлежащие с процессным значением. Очевидно, что семантика таких конструкций – действие как начальный момент отсчёта времени – исключает употребление объектных ПЕ. Предложения этого типа широко распространены в диалектах якутского региона. Нет сомнения, что появление их связано с влиянием якутского языка, где они тоже широко распространены ⁵. В эвенкийском языке эти семантические отношения выражаются СШ с придаточными времени, сказуемое которых имеет форму местного или отложительного падежей:

Аммим бунэдукин илан анңани илтэнчэ – 'С тех пор, как умер мой отец, прошло три года'.

д) Глаголы, обычно отымненного происхождения, выражающие качественную и количественную оценку действия, сочетаются с процессными ПЕ:

(1) Минь оварин аду отаран! (ФЭЯ) - 'До чего же она пренебрегает мною!' (букв.: то, как она пренебрегает мною, до чего увеличилось; от оо- 'очень, сильно, сильный').

(2) Мит докра бакалдыннат-та, городдон, умунду эрөйдәннэт-тэ баралдан (ФЭЯ) - 'Прошло много времени с тех пор, как мы встретились, много горя мы видели' (букв.: то, что встретились, затянулось, то, как мучились, увеличилось; от горо 'долго', баран 'много').

(3) Суракис сузулиннан суңталдан - 'Слава твоя распространилась глубоко' (то, как твоя слава распространилась, углубилось; от суңта 'глубокий').

(4) Ката си мөндиви әмәнәс аду урувситәрән! 'То, что ты сам пришёл, до чего же радуется!' (от урувси 'радость, радостный').

е) Глаголы с конкретным лексическим значением, обозначающие действия, по отношению к которым предмет, выраженный придаточным, выступает как агенс, сочетаются с объектными ПЕ:

(1) Тар әвйтәдерәкин окин-кат әнәлин ичәре арай угиелин дәгилдән (ИФЭ) - 'Пока он играл, кто-то, кого он никогда (раньше) не видел, пролетел над ним'.

(2) Эр юксәкән, нямива сирдяракин арай утән калтакан додун окин-кат әнән долдыра черчаларан (ИФЭ) - 'Когда она, выйдя, дошла важеньку, в её поллучие кто-то, кого она никогда не слышала, пропещал'.

(3) Ахактанан долави мучуран (Хант.) - 'Тот, кого он преследовал, вернулся домой'.

(4) Би гуннәв әмәрән (ИФЭ) - 'Настало то, о чём я говорил' (букв.: пришло).

Последнее предложение в другом контексте могло бы означать: 'тот, о ком я говорил, пришёл'. В данном же случае глагол әмә- 'прийти' употребляется не в прямом своём значении, а метафорически. В этом значении он может употребляться и с процессными ПЕ:

Гиркуңмар гиркуритын әмәрән (ФЭЯ) - 'Настало (время) им идти в путь'.

Впрочем, более употребительными в этом случае являются конструкции с глаголом одан 'настало, стало' (см. пункт "в").

Вообще расширение лексического значения глаголов в сторону их

абстрактивации способствует и расширению сферы их употребления, допуская сочетания как с абстрактными именами, так и с процессными ПЕ. Сравним приведённый выше в другой связи пример: деп-гивриг мудандула ихивран 'то, что я емся, доведено до конца' (я погибая). Здесь в сочетании с процессной ПЕ употреблён глагол ис- 'достигать', первоначальное, прямое значение которого отражает пространственное достижение цели.

ж) Существительное с конкретным значением сочетается с объектной ПЕ:

(1) Куренай ичәнән - дукувун (ФЭЯ) - 'То, что увидел Куренай - письмо'.

(2) Баканас-минни гиркив (Хант.) - 'Тот, кого ты встретил - мой друг'.

(3) Холо городо хурумнан - әнинды бинән (Хант.) - 'Та, кого он давно увёл, наверное, твоя мать'.

2. Если зависимая ПЕ занимает позицию прямого дополнения, то в качестве управляющего слова могут употребляться:

а) переходные глаголы со значением мысли, восприятия, чувства, речи и т.п. в форме действительного залога. Зависимые ПЕ могут иметь как процессное, так и объектное значение.

Примеры с процессными ПЕ:

(1) Минзәвә бакалдынави әкәл улгучәнә, хутәдуви гәрбиән бунә-ви улгучәкәл (ФЭЯ) - 'Не рассказывай о том, что встретил меня, расскажи о том, что дал сыну имя'.

(2) Тамнани, мата-бәе, мелча, ичәчә нам мун дундәвә гадяриван (ФЭЯ) - 'Тамнани, богатый-человек, проснулся, увидел, как морская вода поглощает землю'.

(3) Киноду мурлахал хуктивдериватын ичәвкәнә (Нак.) - 'В кино показывали, как едут всадники'.

(4) Си нотопты анданиду би кәхалгавав ачинңинзәвәс, аява она-вас әчәв омноро (ИФЭ) - 'Я не забыл, как ты в прошлом году уничтожил мои муки, сделал мне добро'.

Примеры с объектными ПЕ:

(1) Он садем си әнәвәс сарә? (ИФЭ) - 'Как я могу знать то, что ты не знаешь?'

(2) Тыргакчан-әки, доллйкәл-кат би улгучәнәригәв (ИФЭ) - 'Тыргакчан, тётушка, послушай-ка то, о чём я тебе расскажу'.

(3) Дюр акинды ая турэнди улгуминавэв эчэтин элэксийдэ (ИФЭ) – 'Два твоих брата не согласились с тем, что я у них спросил по-доброму'.

(4) Эр баеткэн-кудакан дулин бугаду окин-ка энави ичэре ичэ-рэн (ИФЭ) – 'Паренёк увидел то, чего он никогда не видел на средней земле'.

б) Переходные глаголы с лбым конкретным значением – управляют только объектными ПЕ, причём способствуют конкретизации их значения:

(1) Онавав эна бурира (Хант.) – 'Не потеряй то, что я сделал'.

(2) Хутэв гараданава гэннэктэ (Хант.) – 'Схожу-ка я за тем, что забросил мой сын'.

(3) Си оривас ори, си угирнавэс уирри ахакан бихим (ИФЭ) – 'Я девица, которая сделала то, что ты сделал, подняла то, что ты поднял'.

(4) Умнэ тулилэ уйнавэвун ни-вал лукча (Нак.) – 'То, что мы привязали снаружи, кто-то однажды снял'.

(5) Сукэнавэтын кукчудун хуллан нэмнин некэрэн (ИФЭ) – 'Разрубленные части (то, что они порубили) он хотел похоронить в мешке'.

2. Объектные ПЕ могут определяться притяжательными местоимениями минңи 'мой', синңи 'твой' и пр. Эти местоимения не входят в состав зависимой ПЕ в качестве её члена, а присоединяются к ней извне, как к единому структурно-синтаксическому комплексу, спаянному общим значением предмета. Специфика употребления притяжательных местоимений и состоит здесь в том, что, будучи связаны с определяемой ПЕ атрибутивными отношениями, они в действительности соотносятся по смыслу с обобщённым представлением невыраженного объекта, указывая на его обладателя:

(1) Оликур, оликур, минңи гуннавэв дялуккалу (ФЭЯ) – 'Вороны, вороны, то, что я сказала (моё то, что сказала) исполните'.

(2) Си сагды бэе, ичэнэс, долдынас синңи баран (ИФЭ) – 'Ты старый человек, много видел и слышал' (твое то, что ты видел и слышал, много).

(3) Синңил хокорнолвос бакам 'То, что ты потеряла, я нашёл' (твое то, что потеряла).

(4) –Эр экур некэчэтын? –Минңил идмакта бинэхи некэнэлби (ИФЭ) – 'Это кто сделал (сделали)? – Это я сделал (букв.: мой те,

которые я сделал), когда был молодым'.

В 3 и 4 предложениях притяжательные местоимения принимают суффикс множественного числа –л, обнаруживая согласование в числе с определяемой ПЕ. Как отмечалось, множественное число зависимого сказуемого выражает не количественную характеристику второстепенного действия, а множественность произведённых объектов.

Последнее предложение интересно ещё и тем, что отражает сложное соотношение посессивной и агентивной семантики в рассматриваемых атрибутивных конструкциях. Предложение неполное, с опущенным подлежащим эр 'это', представляет собой развёрнутое предикативное именовое сказуемое с объектным значением и с опущенным, в соответствии с правилами эвенкийского языка, вспомогательным глаголом охи. Поскольку это предложение является ответом на вопрос о субъекте (экур некэчэтын? 'кто сделал?'), невозможно совсем отрицать в семантике местоимения минңи наличия агентивного значения. Мы предполагаем слишком ограниченным материалом, чтобы попытаться полно и глубоко осветить здесь этот сложный вопрос. Примеры, в которых притяжательное местоимение и личный суффикс причастия расходились бы в лице, нам не встретились. Не исключено, что они невозможны, и, следовательно, значения субъекта и обладателя воспринимаются синтетически.

Всё же представляется несомненным, что, в отличие от множества синтаксических структур, в том числе и независимых, которые дали основание (возможно, вполне серьёзное) говорить о посессивном строе предложения в тунгусо-маньчжурских языках⁶, в данных атрибутивных конструкциях субъект воспринимается как обладатель произведённых в результате действия предметов, а не как обладатель действия. Атрибутивное значение здесь явно преобладает над агентивным, в противном случае эти местоимения могли бы определять и процессные ПЕ.

Заслуживает внимания и вопрос о месте, занимаемом притяжательным местоимением в структуре СПП. В состав определяемой ПЕ они не входят. Будучи зависимы от неё, они также не входят и в главное предложение, поскольку член главного предложения не может зависеть от придаточного. Покажем это на схеме:

{[синни-л (хокорно-л-с)] –во бакам}

Это искусственное недоразумение само собой отпадает, если иметь

в виду, что главного предложения как относительно законченной структуры в конструкциях этого типа нет. Оно выделяется в результате искусственного акта: вычленения из всего сложного предложения его предикативного члена, в данном случае — прямого дополнения.

Рассмотренные признаки позволяют в большинстве случаев достаточно чётко дифференцировать процессные и объектные ПЕ. Например, в предложении *эбэкэв бунэлэвэн маначавун 'те, что дала бабушка, мы израсходовали'* весьма отчётливо проявляется объектное значение дополнительного придаточного, благодаря следующему комплексу дифференциальных признаков: зависимое сказуемое в форме причастия прошедшего времени на -на, выражено переходным глаголом без прямого дополнения, имеет форму множественного числа, указывающую на множественность предметов; как главное, так и зависимое сказуемое имеют конкретное лексическое значение.

В предложении *экундук-та хутэв буссадеривэн би эчэв хара 'отчего болеет мой ребёнок, я не знаю'*, не менее отчётливо проявляется процессное значение, благодаря следующим признакам: зависимое сказуемое выражено причастием настоящего времени на -дари, образовано от непереходного глагола, управляет отложительным падежом относительного местоимения *экун*; лексическое же значение главного сказуемого *эчэв хара 'не знаю'*, смысловозначительной функцией, как отмечалось, не обладает.

Встречаются и предложения, значение которых, вне конкретного контекстуального или ситуативного окружения, не поддаётся чёткой дифференциации. Например, в предложении *би таңнави омочов абстрактное лексическое значение главного сказуемого (омочов 'забыла')* не способствует прояснению смысла придаточного; последнее может означать 'то, о чём я читала' и 'то, что я читала' (сам процесс чтения). Всё же объектное значение в большей степени соответствует структуре таких конструкций.

В связи с поставленным в этой статье вопросом о значении склоняемых ПЕ должен быть рассмотрен и вопрос об их субстантивации. На первый взгляд может показаться, что предметная семантика, свойственная объектным ПЕ, предполагает субстантивацию их зависимого сказуемого или, по крайней мере, ей способствует. И напротив: значение процесса действия, свойственное другой группе скло-

няемых ПЕ, должно поддерживать глагольность зависимого сказуемого и, следовательно, препятствовать его субстантивации. Можно сделать и другое предположение, более справедливое: субстантивироваться могут как объектные, так и процессные ПЕ, при этом первые обозначают конкретные предметы, а вторые — названия действий.

Однако в действительности всё обстоит иначе. Объектные ПЕ не обнаруживают тенденции субстантивироваться (или обнаруживают её в гораздо меньшей степени), во всяком случае, в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие. Рассмотрим факторы, препятствующие их субстантивации.

1. Объектная ПЕ, взятая вне предложения, обозначает только субъект и действие. В ней нет никакого указания на объект. Так, *би онав* означает только 'я сделал'. Однако, будучи включена в предложение, эта ПЕ, вопреки значению составляющих её компонентов, обозначает объект: 'то, что я сделал'. Очевидно, что между причастием в форме действительного залога и объектом, который оно должно обозначать, существует всегда значительная дистанция, которая требует определённого "движения мысли". Ясно, что эта дистанция не только не способствует субстантивации причастия, но напротив, ограждает его от субстантивации. Приведём для сравнения простое (неспрягаемое) причастие в форме страдательного залога: *овча 'сделанное'*. Оно характеризует предмет по испытываемому им действию, т.е. между его значением и значением объекта нет отмеченного выше несоответствия. Поэтому при устранении определяемого существительного, обозначающего объект, оно естественно само становится названием объекта, т.е. окказионально субстантивируется.

2. Смысловые отношения между второстепенным действием и его имплицитным объектом выражаются, как отмечалось, "внутренней падежной формой" зависимого сказуемого. Наличие имплицитных падежных отношений сохраняет глагольные свойства зависимого сказуемого. Здесь имеется в виду следующее:

а) зависимое сказуемое, даже если оно одно заполняет собой всю ПЕ, что чаще всего и бывает, осознаётся как управляющее слово: *улэнэв - 'то, что я сварила'*. Известно, что наличие глагольного управления поддерживает глагольность, препятствует трансформации глагольной формы в другую часть речи.

б) имплицитное управление винительным падежом поддерживает значение действительного залога у причастия. Категория же залог является одним из важных глагольных свойств.

3. Сказуемое в объектных ПЕ имеет сильную категорию времени. Не случайно оно выражается почти всегда формой прошедшего времени на -на. Форма на -ри (без суффикса -дя), склонная к нейтрализации и утрате темпорального значения, в объектных ПЕ почти не употребляется⁷.

Процессные ПЕ при определённых условиях субстантивируются. Вопреки ожиданиям, субстантивация оказывается здесь в принципе возможной и более лёгкой и естественной, чем она могла бы быть в объектных ПЕ, именно вследствие процессной семантики зависимого сказуемого. Так, предикативная единица "(что) я прихожу" и атрибутивный комплекс "мой приход" отличаются друг от друга не лексическим содержанием, а его категориальным воплощением. Очевидно, что на пути к субстантивации здесь нет того несоответствия, той ступеньки, которую надо "перескочить", о которой говорилось выше в связи с объектными ПЕ.

Субстантивация проявляется здесь в утрате предикативности, связанной с нейтрализацией и стиранием глагольных категорий зависимого сказуемого. Этому способствует прежде всего выражение причастием на -ри (без суффикса -дя), которое широко распространено именно в процессных ПЕ (примеры выше). Наряду с этим стимулирует субстантивацию зависимого сказуемого отсутствие при нём второстепенных членов, сочетание с глаголами конкретной семантики главного предложения, а также глаголом о- 'стать'. Например, в предложении Будув одан 'То, что я умираю (моя смерть?)', настало' причастие будув, видимо претерпевает субстантивацию: оно не имеет конкретного временного значения, не управляет зависимыми членами, которые поддержали бы его глагольность, сочетается с глаголом одан, который обычно сочетается с существительными: Долбони одан - 'Ночь настала'.

Всё же семантика объектных ПЕ, с которой они включаются в СПШ, а также характер их отношения с другими членами сложного предложения, вынуждает говорить о "субстантивации", хотя и особого типа. Это "субстантивация на синтаксическом уровне", "субстантивация" целой синтаксической конструкции, не исключая

об внутренней предикативности. Объектные ПЕ выступают как существительные в своих внешних связях, но сохраняют глагольность своего сказуемого и, следовательно, статус предикативной единицы.

В процессных ПЕ происходит (при определённых условиях) подлинная субстантивация, на морфологическом уровне. Субстантивации подвергается зависимое сказуемое вследствие утраты глагольных категорий. В этом случае причастие утрачивает глагольность, а вся конструкция - статус предикативной единицы. Причастие превращается в название действия, а предикативная единица - в атрибутивный комплекс.

Литература и примечания.

1. Использованные сокращения: ИФЭ - Василевич Г.М., Исторический фольклор эвенков, М.-Л., Наука, 1966; ФЭЛ - Романова А.В., Мурева А.Н., Фольклор эвенков Якутии, Л., Наука, 1971; Хант. - говор эвенков пос. Хантайское озеро Таймырского нац. округа, из материалов, собранных автором в 1965-66 гг.; Нак. - говор эвенков пос. Наканно Иркутской обл., из материалов, собранных автором в 1966, 1975 гг.

2. О предложениях этого типа см.: Бродская Л.М., О косвенно-объектном определительном причастном обороте в эвенкийском языке. В кн.: Вопросы языка и литературы, вып. 4, Новосибирск, 1970.

3. Константинова О.А., Эвенкийский язык. М.-Л., Наука, 1964, с.142; Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. Л., 1979, с.169.

4. Говоря об исчезновении причастия на -ча, мы имеем в виду его спрягаемую форму, выступающую в функции зависимого сказуемого. Неспрягаемая атрибутивная форма причастия на -ча (оча 'сделавший') распространена повсеместно.

5. О предложениях этого типа в якутском языке см. Убратова В.И., Исследования по синтаксису якутского языка, II, Сложное предложение, книга 2. Новосибирск, Наука, 1976, с.234.

6. Суник О.П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1947.

7. О темпоральном значении причастия на -ри см.: Константинова О.А., Эвенкийский язык, с.140; Бродская Л.М. О соотносительности временных форм в сложноподчинённых предложениях в эвенкийском языке. В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, Наука, 1980, с.49-60.

ЗАМЕЧАНИЯ О ЯПОНСКОЙ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ

Вопрос о существовании падежной системы в японском языке неоднократно служил предметом дискуссии в советской японистике. Обычно он решается в зависимости от решения другого вопроса: существуют ли в японском языке, ~~именные~~ словоизменительные суффиксы. Все лингвисты, исходящие из существования таких суффиксов (Б.Д. Поливанов, О.В.Плетнер, Н.И.Конрад, Н.И.Фельдман, в поздних работах и А.А.Холодович), говорят о существовании категории падежа; лингвисты, считающие данные показатели не суффиксами, а служебными словами (И.Ф.Вардуль, а также Б.Блок, С.Э.Мартин и другие западные японисты), обычно не говорят о падежах. Лишь немногие авторы пользуются термином "падеж" при рассмотрении "падежных" показателей как служебных слов: так, например, поступал А.А.Холодович в ранних работах ¹.

Как нам представляется, при функциональном подходе к именно-му склонению нет необходимости жестко связывать эти два вопроса ². Вполне правомерно понимание падежной системы как способа выражения некоторых достаточно универсальных семантико-синтаксических отношений; то, каким конкретным образом выражены отношения (аффиксами, служебными словами, чередованиями основы и т.д.) — это более частный вопрос. Хотя формально японские падежные показатели отличаются от русских (см. ниже), их функции при частных различиях принципиально одинаковы: они обозначают разные типы синтаксических отношений, связывающих предикаты и их актанты, маркируют разного рода роли актантов. Отметим и то, что в японской лингвистике, где обычно суффиксы словоизменения не отграничиваются от служебных слов, падежные показатели (какудзёси) объединяются в особый класс и их функции приравниваются к функциям падежей в европейских языках.

К числу японских падежных показателей (в советской японистике их часто называют "ганио") относятся га, о, ни, де, то, э, кара, ёри, нита, маде, но (отношение к ним двух последних дискуSSIONно).

По своим формальным сходствам ганио отличны как от типичных аффиксов, так и от типичных служебных слов европейских языков, но сходны с так называемыми аффиксами и послелогом алтайских языков. Они, как и все прочие ~~именные~~ грамматические показатели японского литературного языка ⁴, агглютинативны в том смысле, что при их присоединении не происходит фонологически непредсказуемых изменений; нет здесь и свойственных алтайским языкам изгибов по сингармонизму. Поэтому ганио обладают четкой выделяемостью в отличие от суффиксов флективных языков. Однако в отличие от типичных служебных слов они выделяемы, но не отделимы и всегда непосредственно примыкают к лексеме, к которой относятся (что обусловлено общими правилами порядка слов в японском языке, одинаковых с правилами алтайских языков); впрочем, в письменных текстах между основой и падежным показателем может стоять поясняющий член предложения в скобках. Такое промежуточное положение ганио дает возможность выделить их в особый класс элементов, отличный от аффиксов и от служебных слов ⁵; такой подход, конечно, заставляет пересмотреть традиционное понимание словоформ ⁶.

Среди именных грамматических показателей падежные составляют определенный класс не только в плане семантики, но и с точки зрения позиции. Они всегда постпозитивны и занимают определенное положение относительно других сочетающихся с ними грамматических показателей: показатели вежливости, множественности, основы и за некоторыми исключениями ограничительные показатели стоят перед ганио; показатели темы, контраста и т.д., как правило, идут после них ⁷. Порядок можно проиллюстрировать примером:

маго=тати=дакэ=ни=мо (К, с.168) "и только внукам" (маго "внук", тати — показатель множественности, дакэ — "только", ни — ганио косвенного объекта, мо — показатель контраста).

Все ганио маркируют различные типы актантной связи, показатель но также атрибутивную связь. Оформление актантов обычно одинаково при предикатах любого ранга; единственное исключение

- употребление но для обозначения субъекта только при предикатах в определенной позиции.

Синтаксическая роль членов предложения, оформленных различными ганио, иерархична. Наиболее высокое место в иерархии занимает показатель подлежащего га. Функции подлежащего в японском языке такие же, как в других языках номинативного строя: при одноактантных предикатах га маркирует единственный актанта, при неоднаактантных - обычно таким образом обозначается деятель в активных конструкциях и другое лицо в пассивных. Отметим некоторые особые случаи маркировки. В предложениях со значением обладания как подлежащее обычно маркируется обладаемое. При многих предикатах со значением чувств, желания, восприятия подлежащим обозначается то, что чувствуется, желается, воспринимается:

Фудзисан=га мизу "Видна гора Фудзи", Ину=га ковай "Боюсь собак", Кохи=га номитай "Хочу выпить кофе" (номитай - форма желательности от ному "пить")⁸.

Первое место подлежащего в иерархии актантов проявляется в следующем: 1) если отвлечься от случаев вытеснения га показателями темы, контраста и т.д. (см. ниже), то в предложении почти всегда есть член, оформленный га, существует лишь ограниченный класс бесподлежащих предложений типа Ёру=ни натта "Наступила ночь", 2) рефлексивная лексема дзибун "сам" кореферентна подлежащему. Поэтому правы исследователи, которые отстаивают необходимость термина "подлежащее" для японского языка⁹.

Однако роль подлежащего в японском языке не столь велика, как в европейских. Согласование с подлежащим здесь отсутствует. При наличии в предложении зависимых предикатов, подчиненных главному, кореферентность их подлежащих не обязательна; даже если при главном и зависимом предикате обязательна односубъектность (зависимый предикат на =нагара), возможна разноподлежащность:

Вараинагара, рё:=но мэ=кара намида=га нагарэта (МХ, с.83)

"Хотя (я) смеялся, из обоих глаз текли слезы" (на этот при-

мер обратил наше внимание Н.А.Сыромятников)

Если происходит так называемая релятивизация, то есть если предикат присоединяется в качестве определения к одному из своих актантов, то таким актантом могут быть подлежащее, прямое дополнение и некоторые типы косвенных дополнений (хотя некоторые ограничения есть)¹⁰. Наконец, при наличии показателей темы, контраста и т.д. последние вытесняют га и показатель прямого дополнения о, но, как правило, не показатели косвенных дополнений. Итак, если в европейских языках четко противопоставлены подлежащее, с одной стороны, и все типы дополнений, с другой (отсюда концепция "двувершинности предложения"), то в японском языке такой противопоставленности нет и мы имеем дело со ступенчатой иерархией.

Второе место в иерархии занимает показатель прямого дополнения о, о его сходстве с га см. выше. Члены предложения с о по своей функции сходны с прямыми дополнениями европейских языков (о локативном значении о см. ниже). В отличие от последних возможность управлять прямым дополнением сохраняется и у глагола в пассиве:

Боку=га сури=ни сайфу=о нусумарэта "Карманник украл у меня кошелек" (подлежащим является боку "я", а о оформляет сайфу "кошелек")

На третьем месте в иерархии находится показатель ни. Его нелокативные функции более разнообразны. Член предложения с ни обозначает: 1) адресат действия (например, при глаголах дачения), 2) деятеля при глаголах в пассиве (реже деятель оформляется ганио кара), 3) обладателя в посессивных конструкциях, 4) чувствующее, желающее, воспринимающее лицо при соответствующих глаголах (см. сноску 8)¹¹, 5) каузируемое лицо при каузативе¹².

Помимо названных, нелокативное значение имеют еще три падежных показателя дэ, то, ёри. Из них дэ имеет значение инструмента, а также причины¹³. Показатель то указывает на контрагента (лицо, совместно с которым производится некоторое действие). Показатель ёри употребляется в составе сравнительных

конструкций и оформляет член предложения, обозначающий то, чем производится действие:

Сакэн=дэ ва Ямада Тиёко=ёри мо Тацута Кагуко=но хо:=га то:ттэ иру кара дэ ару (М, с.5) "В народе (она) известна (больше как) Тацута Кагуко, чем (как) Ямада Тиёко"

Все указанные выше падежные показатели, кроме га и то, имеют также локативные значения; чисто локативны э, нитэ, мадэ. По семантике все они выражают двигательное значение, обозначая "направление движения или состояние покоя субъекта высказывания по отношению к ориентиру или ориентирам"¹⁴. Ориентирующее, по А.Е.Кибрику, значение (пространственного отношения субъекта высказывания к ориентиру) в японском языке выражается особыми существительными типа уэ "верх", айда "пространство между":

тэ=но нака=ни (М, с.114) "в руке" (тэ "рука", нака "пространство внутри")¹⁵

Местонахождение обозначается показателями ни, дэ, о, нитэ; удаление - кара, ёри, о; приближение - э, ни, мадэ.

Показатель о в локативном значении употребляется только при глаголах движения и указывает на контакт с ориентиром:

Хито=га мити=о аруку "Человек идет по дороге"¹⁶

Показатель ни указывает на место, в котором происходит состояние:

Канодзё ва доко=ни сундэ иру ка... (М, с.179) "Где она живет?"

Показатели дэ и нитэ (последний книжен) указывают на место, где происходит некоторое действие (признак контактности нерелевантен):

Дата, икура коко=дэ якунин=но сякусэ дзё:ги=о ноноситтэ мо нан=но яку=ни татанакатта (М, с.224) "Но сколько здесь ни ругай формализм чиновников, (это) ничему не поможет"

Употребление дэ и нитэ невозможно при глаголах бытия, однако при небытийных глаголах состояния типа нэмуру "спать" допустимы ни и дэ.

Из показателей удаления о употребляется ограниченно при нескольких глаголах (дэру "выходить", ханарэру "отдаляться"), также указывая на контактность (в исходной точке):

Минато=о дэта "Вышел из гавани"

Два других показателя (ёри отличается большей вежливостью, чем ни)¹⁷ имеют более широкую сочетаемость, признак контактности нерелевантен:

Сорэ=ни, котира=кара какэру то рё:кин=о итадакимасу (М, с.122) "К тому же позвоню откуда и получу деньги", Коко=ёри киньэн "Начиная с этого места нельзя курить"

Показатели ни¹⁸ и э обозначают направление действия без указания на его предельность и на достижение конечной точки:

Мэ=о айтэ=но као=ни цукэта (М, с.30) "Следил глазами за лицом собеседника", Корэ=кара дотти=э ику но? (М, с.88) "Отсюда куда поедешь?"

Обычно их считают синонимичными, но есть данные о том, что и они различаются по вежливости: ни вежливо, э нейтрально¹⁹.

Последний из показателей с двигательным значением мадэ указывает на конечную точку процесса:

Матикадо=мадэ ва иккурито аяму (М, с.138) "Медленно идет до угла улицы"

Особенность мадэ в том, что оно сочетается с другими падежными показателями (все ганию, описанные выше, не сочетаются друг с другом):

татами=мадэ=га "пространство до татами", каэри=мадэ=ни "до возвращения"

Особое место занимает показатель но. Он, как и все прочие

ганию, может маркировать актантную связь, обозначая подлежащее, подчиненное предикату в позиции определения:

Аната=но кибо:=суру бю:ти=сарон... (М, с.65) "Салон красоты, (который) вы желаете"

Показатель но в этом случае, как правило, заменим на га; если глаголу подчинены другие члены предложения, то обычно но невозможно.

В то же время но является показателем атрибутивной связи²⁰. Это единственный именной атрибутивный показатель в современном японском языке, он обозначает атрибутивную связь без дифференциации ее типов:

кими=но као (М, с.280) "твое лицо", аси=но юби (М, с.221) "пальцы ног", тикаку=но курума (М, с.221) "машина, (находившаяся) поблизости", гонин=но отоко (М, с.220) "пять мужчин", до:гё:ся=но О:я (М, с.264) "коллега Оя"

Этот показатель не может быть после занимающих первые места в иерархии ганию га, о, ни (в том числе и в локативном значении), но может употребляться после других падежных показателей, значение которых сохраняется, но подчиняющим членом становится имя:

рокудзи=кара=но но:сё:кангёй ю:сёкукай (М, с.78) "ужин в честь министра земледелия с шести часов", ниси=ёри=но кадзэ "западный ветер" (из прогноза погоды)²¹

Возможно и присоединение атрибутивных членов предложения без но простым соположением с предшествованием определения. Это часто в книжных текстах, а также в случаях, когда определение и определяемое составляют единый термин:

сю:ин кайсан "ропуск нижней палаты парламента", нихон кё:санто: "Коммунистическая партия Японии"²²

Неоформленные определения могут присоединять определения с но:

райнэн=но монторио:ру горин дайхё: ко:хо "кандидаты в участники Олимпийских игр будущего года в Монреале"

Члены предложения, обозначающие актанты, тоже не всегда имеют падежное оформление. Здесь надо различать два случая. Во-первых, падежные показатели могут эллиптироваться. Это свойственно разговорной речи, особенно женской; в книжных стилях эллипсис обычно недопустим. Показатели опускаются там, где они восстанавливаются из контекста: во фразе Конэко сасиэгэмасу "Раздаю котят" при слове конэко "котят" опущено о. В любом стиле возможно в ряде случаев опущение локативного ни: аса=ни и аса "утром".

Во-вторых, как уже упоминалось, сферу употребления падежных показателей ограничивают показатели темы, контраста и т.д. ва, мо, сика и др. (рассмотрение их семантики - особая тема)²³. В атрибутивной позиции они не встречаются. В актантной позиции они вытесняют га, о и в некоторых случаях ни и следуют за другими ганию²⁴. Помимо этого, могут быть члены предложения, оформленные только такими показателями, которые нельзя заменить на падежные. В качестве образца такого предложения часто приводится:

Дзо: ва хана=га нагай "У слона нос длинный"

Здесь как подлежащее оформлено хана "нос", а при дзо: "слон" падежные показатели невозможны (в отличие от посессивных конструкций ва здесь нельзя заменить на ни или ни ва). Такие предложения по-разному трактуются²⁵, причем была выдвинута и точка зрения, по которой здесь ва оформляет особый член предложения - "слово-тему"²⁶, что перекликается с некоторыми идеями, содержащимися в современных работах по синтаксической типологии²⁷.

Таким образом, в японском языке ролевые (синтаксические) характеристики и их коммуникативные статусы²⁸ образуют две частично независимые, но во многом накладывающиеся друг на друга системы.

Выше мы рассматривали падежную систему как систему показателей, присоединяемых к именам. В то же время эти показатели

могут оформлять и член предложения с глагольной лексемой. В прошлом ганио свободно соединялись с определительными (причастными) формами глаголов²⁹. Однако к XVI в. произошли два явления, по-видимому, связанных между собой. Во-первых, причастные формы вытеснили старые **финитные** и превратились в **финитно-определительные**. Во-вторых, ограничилась непосредственная сочетаемость этих форм с ганио, возникли специальные грамматические показатели — субстантивизаторы³⁰. В современном языке из ганио лишь мада и ёри в сравнительном значении свободно сочетаются с глаголами в финитно-определительной форме:

Со: суру=ёри хока сиката=га най дэсё (М, с.80) "Наверно, нет ничего другого, кроме как сделать так"

Другие случаи употребления глагола без субстантивизаторов в актантной позиции встречаются лишь в архаизированных текстах:

Дзюнкё:=нитэ томо=о мицу эру ва таясуку, гяккё:=нитэ ва кивамэтэ мудзукасий (надпись в календаре) "В счастье найти друга легко, в беде очень трудно"

В обычных же условиях между глаголом в финитно-определительной форме и ганио необходим специальный показатель-субстантивизатор но (омоним падежного), кото, токоро и др. При этом формально глагол выглядит как определение к субстантивизатору, оформленному падежным показателем:

Коно онна ва ясуясуто О:я=но тэ=ни отита=но=о кюасигаттэ иру=но камосирэнай (М, с.73) "Эта женщина была, видимо, раздосадована тем, что легко попала в руки Оя". Здесь глагол отита "попала" (дословно "упала") оформлен субстантивизатором но и ганио о

Последовательность из глагола с субстантивизатором может сочетаться с любым из ганио. Лишь возможность совмещения их с но ограничена, в частности, невозможны два разных но подряд.

Синтаксические связи между данными членами предложения и подчиняющим предикатом не отличаются от связей между так же оформленными именными членами предложения и предикатом. Этот факт был еще в 50-е гг. отмечен Н.И.Фельдман, которая предлагала говорить о "склонении предложений" в японском языке, отмечая сходство японского языка с алтайскими³¹. Однако особенностью японского языка является обязательное (при некоторых исключениях) употребление субстантивизаторов.

С субстантивизатором сочетаются лишь индикативные финитно-определительные формы обоих времен, время в этих формах является относительным, указывая на соотнесённость между временем данного действия и временем действия, обозначенного подчиняющим предикатом³². Неиндикативные формы глагола (императивные, вероятностные, пригласительные) перед субстантивизатором невозможны (также как и **деспричастные**), модальность в плане достоверности-предположительности совпадает с модальностью главного предиката³³. Аффиксы, занимающие неконечную позицию в глагольной словоформе (показатели пассива, каузатива, потенциальности, отрицания, желательности, вежливости к субъективу и др.), свободно употребляются и при наличии субстантивизаторов, однако показатель вежливости к собеседнику =имас=, включая некоторые особые стили, в этой позиции не употребляется (вежливость к собеседнику обычно обозначается в предложении один раз в финитном глаголе). После глагольной формы может идти частица, в частности, вопросительная частица ка (или ее вариант типа кадо:ка), в этом случае частица вытесняет субстантивизатор.

...Мэмо=сита банго:=га сорэ=ни цудзуйтэ иру кадо:ка=о тасикамэрэба ёй (М, с.128) "Следовало бы выяснить, не следовало ли записанный номер за этим"

Управление глагола при его использовании в актантной позиции полностью сохраняется. Таким образом, единый член предложения структуры "глагол+субстантивизатор+падежный показатель" имеет двойную функцию: с точки зрения отношения к подчиненным

членам он ведет себя как предикативный член предложения, с точки зрения отношения к подчиняющему – как именной. В каждой из функций он не имеет особой специфики по сравнению с другими соответственно предикативными и именными единицами, специфика заключается в совмещении этих функций. В японском языке существует и обратное явление (в отличие от первого возможно и в русском языке): сочетание имени со связкой ведет себя как именной член предложения по отношению к подчиненным и как предикативный по отношению к подчиняющим. В обоих случаях мы имеем дело со сложным членом предложения, совмещающим две функции.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Холодович А.А. Синтаксис японского военного языка. М., 1937, с.25.
2. Жесткость такой связи правомерна на определенном этапе развития той или иной отрасли языкознания, когда надо избежать свойственных ранним европейским грамматикам описаний, при которых, например, дательным падежом называется все, что переводится этим падежом на эталонный язык. Но на нынешнем уровне развития японистики эта опасность уже не актуальна.
3. При этом обращается внимание на различие их формальных свойств. См. Сибата Такэси. Каку, дзинсё: – "Нихон=бумпо=: ко:дза", т.1. Токио, 1957.
4. В диалектах встречаются случаи именной флексии. См. Поливанов Е.Д. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. Пг, 1917, с.70.
5. Пашковский А.А. К характеристике японских синтаксисов. – "Советское востоковедение". 1957, № 2.
6. Подробнее см. нашу статью: Еще раз к вопросу о ганио. – "Вопросы японской филологии", 5. М, 1981.
7. Подробнее см. нашу работу: Структура грамматических единиц в современном японском языке. М, 1979, с.106-109.
8. Сейчас при предикате в желательной форме желаемое (возможно, под европейским влиянием) может маркироваться и как

прямое дополнение (с о), желаящее лицо тогда маркируется как подлежащее.

9. Shibatani M, Mikami Akira and the Notion of 'Subject' in Japanese Grammar. – "Problems in Japanese Syntax and Semantics". Tokyo, 1978.
10. Josephs L.S. Restrictions on Japanese Relativization. – "Actes du XXIX Congrès international des orientalistes, Japon, v.1". Paris, 1976.
11. При наличии показателя темн, контраста и др. ни в значении обладателя, воспринимающего и пр. лица может вытесняться, в других значениях, в частности, в адресатном, это невозможно.
12. Каузируемое лицо может маркироваться и с помощью о с разницей в значении: ни указывает на позволение, о на заставление (но при наличии в предложении прямого дополнения каузируемое лицо всегда оформляется с помощью ни). См. об этом: Kuno S. Theoretical Perspectives of Japanese Linguistics. – "Problems in Japanese Syntax and Semantics", pp. 218-231.
13. Падежное дэ омонимично ряду связочных форм, которые часто включают в падежную систему. Однако эти формы, этимологически связанные с падежным дэ, по значению занимают особое положение.
14. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений. – "Язык и человек". М, 1970, с.138.
15. О них см.: Вардоль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М, 1964, стр.36-38. Разграничение двигательных и ориентирующих значений на японском материале было произведено еще 30 лет назад в работе: Колпачки Е.М. О категории послелога в современном японском языке. – "Ученые записки ЛГУ", № 128, 1952.
16. Такое о во многом отличается от о – показателя прямого дополнения. Например, здесь невозможна пассивизация: *Мити=га хито=ни арукарэру.
17. Показатель ёри заимствован из старописьменного языка и считался книжным, но сейчас это уже не так: Кусакабэ Ёумио. Дзёси=но ими=тайкэй. – "Гэнго". 1977, № 6, с.54.

18. Значение местонахождения и приближения совмещается в одном показателе во многих языках, см. Кибрик А.Е. Ук.соч., стр. 144-145.
19. Кэнкю:=-хо:коку=св: (Кокурицу=кокуго=кэнкю:дзё=-хо:коку, 62). Токио, 1978, с.173-174.
20. В прошлом показатель га тоже был атрибутивным, что сохранилось в некоторых устойчивых сочетаниях (корэ=га кэ=ни "по причине этого"). В некоторый период но и га совмещали актантную и атрибутивную функции, но сейчас это совмещение сохранилось лишь у но.
21. Возможен и обратный порядок: но+любой падежный показатель. Но эти случаи целесообразно трактовать как эллипсис определяемого.
22. Подробнее см.: Пашковский А.А. Слитные именные словосочетания в японском языке. - "Японский язык". М., 1963.
23. Об этом см.: Вардуль И.Ф. Супрасинтаксические потенции предложения и частица ва. - "Вопросы японского языка". М, 1971; Martin S.E., A Reference Grammar of Japanese, New Haven - London, 1975, pp. 52-87. Интересные замечания см.: Паршин П.Б. Топик и "тоже": границы и интерпретация одной лингвистической оппозиции. - "Грамматическое и актуальное членение предложения" (в печати).
24. Показатель ва настолько часто встречается в позиции, соответствующей позиции подлежащего в европейских языках, что он в нашей японистике до 50-х гг. считался показателем подлежащего.
25. Вардуль И.Ф. Очерки..., с.79-85; Кизэда М. Грамматика японского языка, т.2, М, 1959, с.157-179.
26. Фельдман Н.И. Об именительном самостоятельном в современном японском языке. - "Труды ВИАЯ", т.1. М, 1945.
27. Li C., Thompson S. Subject and Topic: A New Typology of Language, - "Subject and Topic". New York, 1976.
28. Об этих понятиях см.: Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. М, 1979, с.10-11.
29. Фельдман Н.И. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке. - "Ученые записки Института

- востоковедения", вып.4. М, 1952, с.233-235.
30. Этот термин принят в японистике, хотя термин "номинализатор", возможно, был бы точнее.
31. Фельдман Н.И. О реальном..., с.246-252.
32. Сыромятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М, 1971, с.243.
33. Фельдман Н.И. О реальном..., с.244-245.

СОКРАЩЕНИЯ

- К - Кавабата Ясунари. Яма=но ото. Токио, 1972.
 М - Мацумото Сэйтё:. Оборедани. Токио, 1978.
 МК - Мацумото Сэйтё:. Харикоми. Токио, 1973.

Г.Ц.Пурбеев

СПЕЦИФИКА ПАДЕЖНОГО ОТОБРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА
В ИНФИНИТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Большое разнообразие инфинитных, неличных форм глагола составляет одну из типичных черт монгольских языков, где организация сложных высказываний строится на преимущественном использовании причастий и деепричастий в роли зависимых оказываемых, именуемых по традиции срединными, второстепенными или неконечными. Выступая в качестве синтетических средств связи между частями сложных построений, они во многих отношениях замещают аналитический финитно-союзный способ выражения синтаксической зависимости компонентов "целого", который столь характерен для европейских языков.

Модели конструкций с инфинитными формами глаголов в содержательном и структурно-функциональном планах существенно отличаются друг от друга. Для монгольских языков показательны три класса полипредикативных конструкций, дифференцирующихся по признаку наличия/отсутствия, а точнее - возможности/невозможности реализации в зависимой части отдельного субъекта-лица¹. На этом основании различаются: 1) моносубъектные фразы, в которых действия (события, ситуации) главной части, а также зависимой - соотносятся с общим для них субъектом; 2) разносубъектные фразы, для которых свойственно наличие самостоятельных субъектов в каждом из составляющих частей целого; 3) вариативно-субъектные фразы, где субъект может присутствовать, а может и опускаться, благодаря чему существуют варианты сложной конструкции. В целях иллюстрации приведем на каждый случай по одному примеру из калмыцкого языка:

1. Балһснэс ир-х-д-эн(прич.буд.+ д.п.+ аф.суб.притяж.) ах нанд белг авч ирв Когда брат приехал из города, привез подарки

2. Цаһэн-иг герт ор-тл-нь(деепр.пред.- аф.лич.притяж.), чәншн цәнз буслад, деврэд, хэснэ амар эсхрв Пока Цаган вошла в дом, чай, который она варила, вскипел и полился через край котла.

3. / ТерҮ-г / Цергэс сулдхврар ир-хлэ(деепр.усл.), күүкнь өмнх һазртан кэдлэ бээж Когда / он / приехал из армии в отпуск, девушка его работала на прежнем месте.

При изучении проблемы причастных и деепричастных оборотов в грамматических исследованиях по монгольским языкам слишком много внимания уделяется выяснению их синтаксических функций и смысловых отношений между оборотом и подчиняющей его частью. Обороты рассматриваются то в составе простого осложненного предложения, то сложного. Отсутствие единого теоретического подхода к оценке и анализу инфинитных конструкций не позволяет во всей полноте вскрыть механизм действия данного явления. В этом отношении особый интерес вызывает диссертационная работа Е.К.Скрибник, в которой нашли достаточно глубокое освещение такие принципиально важные вопросы, как характер морфологических категорий инфинитных глаголов в системе зависимой предикации, особенности их субъектного и притяжательного оформления, лексические и грамматические средства кодирования исполнителя зависимого действия, соотношение и специфика моделей разной структуры: синтетических (причастно-падежных) и аналитико-синтетических (причастно-последложных)².

В связи с тем, что в диссертации и публикациях упомянутого автора описание сложных конструкций с инфинитными глаголами дается в основном на бурятском материале³, мы сочли возможным изложить здесь свои соображения по поводу падежного маркирования субъекта зависимой предикации, расширив поле наблюдения за счет привлечения фактов калмыцкого и халха-монгольского языков.

Как отмечалось выше, в монгольских языках существуют так называемые "абсолютные обороты", в которых наряду с морфологически опорным элементом - причастием или деепричастием в функции зависимого предиката - присутствует другой конструктивно важный член - имя, обозначающее носителя действия. Например, в полипредикативных конструкциях: монг. Чамэй-г яв-он-ыг(прич. прош. +в.п.) бид мэдсэн Мы узнали, что ты уехал; бур. Наран-ай гара-бал(деепр.усл.), ябахэбди Отправимся, когда войдет солнце - зависимая часть имеет свой собственный субъект действия,

который представлен соответственно личным местоимением чи 'ты' в форме винительного падежа и существительным наран 'солнце' в родительном падеже. Конструкции данного типа в семантическом и формальном плане характеризуются определенной близостью к придаточным предложениям европейского образца. Ввиду этого некоторые монголисты, следуя за А. Бобровниковым, автором знаменитой "Грамматики монгольско-калмыцкого языка", изданной еще в середине XIX в., называют такие конструкции "второстепенными или членными предложениями"⁴. Другие исследователи обороты с субъектным именем считают специфической формой выражения придаточных предложений в языках с агглютинативной морфологией, в частности монгольских (Ш. Лувсанвандан, З. К. Касьяненко)⁵.

Однако, с нашей точки зрения, наиболее приемлемой является концепция, согласно которой обороты по своей природе отличны от подлинных предложений, но при известных условиях могут трансформироваться в них (Т. А. Бертагеев)⁶. У монголистов нет единого мнения не только в вопросе квалификации оборотов, но даже и в отношении того, какими факторами диктуется и предопределяется выбор того или иного падежа при оформлении их субъекта. И, действительно, падежная форма, обозначающая субъект 'зависимой части полипредикативного комплекса настолько нестабильна и подвижна, что даже в одном и том же языке в пределах одного и того же оборота возможны различные варианты реализации падежа субъекта. Ср.: монг. Багачууд-ын тоглож байгаа-г нь (прич. наст. + в.п. + эф. личн. притяж.) 'хараб и Багачууд-ыг тоглож байгааг нь хараб' 'Видел, как играют дети'; калм. Эдн-иг орж ир-хлэ (деепр. усл.)... 'Когда они вошли'... и Эдн орж ирхлэ... В первом случае имеем взаимозамещение родительного винительным, во втором - аккузатива номинативом. Необходимо отметить, что субъект 'зависимой предикации, обозначая реального исполнителя действия, не всегда совпадает с понятием грамматического подлежащего, поскольку первый, т.е. субъект может быть представлен разными словоформами. Так, например, в монгольских языках субъект как категория в своей основе ло-

гико-грамматическая, выражается формами почти всех падежей.

В конструкциях с зависимым предикатом субъект имеет известные ограничения в смысле выбора падежа. Он чаще всего оформляется винительным, родительным и прямым (именительным) падежами. В калхэ-монгольском и крайне редко в калмыцком встречается исходный падеж субъекта: монг. Дарг-аас хэл-сэн (прич. прош.) 'Уг оонсов' 'Слушал речь, произнесенную начальником'. Букв.: 'начальник-от сказанное слово'...; калм. Лам-ас зэрлг болъ 'Лама повелел'. Букв.: 'Лама-от повеление было'.

Выбор же конкретной падежной формы зависит главным образом от самого присубъектного причастия или деепричастия, а также от того, каким именем - одушевленным или неодушевленным - представлен субъект 'зависимой предикативной единицы и какого рода явление он обозначает. Так, для калмыцкого и монгольского языков винительный падеж показателен в тех случаях, когда субъект относится к "разумным существам", а в роли предиката выступает причастие прошедшего и будущего времени: калм. Сандж-иг комсомолд ор-с-иг соңсладн 'Слышали о том, что Санджи вступил в комсомол'; монг. Аав-ыг хөдөө яв-сн-ыг хэлсэн 'Сказали, что отец уехал в худон'. Бидн-ийг маргааш ир-х-ийг багш мэднэ 'О том, что мы приедем завтра, учитель знает'. Заметим, что в этих примерах имеет место корреляция падежных форм субъектного члена и 'зависимого предиката-причастия по формуле $S^2_{в.п.} \leftrightarrow P^2_{в.п.}$. Такое явление наблюдается, когда позицию финитного сказуемого занимают переходные глаголы с семантикой говорения, мыслительной деятельности, восприятия. В бурятском языке в подобного рода примерах употребляется исключительно генетивная форма субъекта. Ср.: Ах-ын дээдэ нургуулида оро-һ-ые дуулаб 'Узнал о поступлении старшего брата в институт'.

Винительный субъект в калмыцком и монгольском языках используется преимущественно и тогда, когда носитель действия является предметом одушевленным, а ведущее слово оборота выражено деепричастием условия и предела, которые могут принимать аффиксы личного притяжения: калм. Жирл-иг үүд оньслад нар-тл-нь (деепр. пред. + эф. личн. притяж.) эцк көвүн хойр зөвөр хол нарад одихав

Пока Джиргал закрывала двери на замок, отец и сын изрядно отошли от дома. / Чам-г / Сурһуль сур-хла-чн (деепр.усл.+аф. личн.притяж.) дөң болз чадхв 'Если/ ты / будешь учиться, я смогу помочь'; монг. Тэдн-ийг гэртээ оч-тол нь (деепр.пред.+ аф. личн.притяж.) бороо намжив 'Пока они добрались домой, дождь перестал'. В бурятском языке в аналогичных конструкциях стро-го закреплён родительный падеж: Шин-ий ерә-бэл... (деепр.усл.) 'Когда ты придешь'...

Винительный субъекта употребляется также во всех случаях, когда причастие функционирует в сочетании с послелогам, которые могут принимать аффикс личного притяжания: монг. Бага-чууд-ыг эрдэм сурга-х-ын төлөө (прич.буд.+р.п.+ послелог) эн сургууль байгуулжээ 'Эту школу организовали для того, чтобы дети учились наукам'. Би чамай-г оч-х-оос өмнө (прич.буд.+исх. п.+ послелог) очно 'Я пойду до того, как ты пойдешь'; калм. Гиич-ийг морд-сн-а ард-нь (прич.прош.+р.п.+ послелог+ аф.личн.прит) цугирсн улс хэрв 'После отъезда гостя собравшиеся люди разошлись'.

Винительный падеж субъекта имеет место и тогда, когда зави-симый предикат выражен причастием прошедшего времени, оформ-ленным также винительным падежом в сочетании с притяжательным аффиксом 3-го л.: калм. Аюш-иг япад нээрэн ир-с-и-нь цугар мэднэ 'Все знают, зачем сюда прибыл Аюш'. Ср. монг.: Аюш-ийг ягаа-ад нэаша ир-сн-ийг бүгд мэднэ. В бурятском языке субъект этих конструкций должен передаваться родительным падежом.

Субъект причастных конструкций бывает оформлен родительным падежом, если он обозначает одушевленный предмет и стоит при причастии прошедшего времени в именительном падеже: монг. Тэн-ы авчир-сан ном... 'Книга, которую принесли вы'; калм. Чин-и бич-сн бичг 'Письмо, которое написал ты'; бур. Тогоошон-ой хэ-һэн хоол 'Пища, приготовленная поваром'.

Субъект обязательно выражается родительным падежом, когда зависимая предикативная единица замыкается причастием прошед-шего и будущего времени в исходном падеже: калм. Долан-а кел-сн-эс юмн сәәтр медгден уга 'Из того, что говорил Долан, что-ли-

бо толком понять не удалось'. Чин-и кәдл-х-эс ода чигн эрт 'Еще не пришло время работать тебе (=чтобы ты работал)'; монг. Бид та нар-ын түү-сн-ээс жимс түүлээ 'Мы собирали ягоды там же, где и вы'.

Родительный субъекта характерен и для конструкций с при-частиями многократности и прошедшего времени, которые нередко (особенно в калмыцком и бурятском) сопровождаются аффиксами личного притяжания: бур. Шин-ий хэл-дэг-шни гайхалтай 'То, что ты говоришь, удивительно'; калм. Тән-а эн сүүрт кел-сн-тн мел чик 'Что говорили вы на этом заседании совершенно верно'. Бичк-дүүд-ин альвл-дг-нь келхм биш 'Не стоит и говорить, как шалят дети'.

Наличие аффиксов притяжания при той или иной форме причас-тия усиливает отношение принадлежности данного действия его субъектному референту. При этом посессивные связи могут уста-навливаться как между субъектом и каким-либо членом в соста-ве зависимой предикативной единицы, так и за ее пределами, в сфере главного предложения. Например, в предложениях: монг. Морь-д-ын хөлдүү газар цэвчлэ-х чимээ сонсогдоно 'Слышится, как ло-шади бьют копытами об мерзлую землю'; калм. Коля-н орн дор хайчк-сн боднцг Бата 'Һәрһз авб 'Бата достал картофелину, кото-рую бросил под кровать Коля'. Здесь отношения посессивности наличествуют не только между субъектами и их действиями (морьд-ын...цэвчлэх и Коля-н...хайчк-сн), но и между субъек-тами и определяемыми именами в составе главных предложений:

морьд-ын...чимээ и Коля-н...боднцг. Правда, эти отношения не всегда носят прямой характер, часто они бывают опосредованны-ми. Когда причастие прошедшего времени стоит в родительном па-деже, то и субъект зависимой конструкции оформляется родитель-ным падежом: калм. Тедн-э ир-сн-э маһдураснь... 'Со следующего дня, как они приехали'... Такого рода примеры, как уже говорилось выше, свидетельствуют о наличии своеобразной падежной корре-ляции субъектного имени и предиката по формуле: $S\bar{p}.п. \leftrightarrow R^2p.п.$

В калмыцком и монгольском языках довольно часто наблюдает-ся употребление субъектного имени оборота в трех падежах: аккумуля-

вгетиве, генетиве и номинативе. Ср.: калм. Тедн-иг / тедн-э / ир-х-и-нь би меднэв 'О том, что они придут я знаю'. Здесь вполне допустимо оформление субъекта и в именительном падеже: Тедн ирхинь би меднэв. В связи с такой вариативностью встает вопрос о предпочтительности одной из указанных форм. Для этого существенно иметь в виду, на что акцентируется внимание говорящего и слушающего: на субъект, его действие или на то и другое в равной степени. Поэтому, на наш взгляд, правы те монголисты, которые считают, что, если необходимо подчеркнуть значимость действия, то субъект ставится в генетиве. Подтверждением может явиться тот факт, что конструкции с местоименным субъектом в генетиве без ущерба для смысла в целях логического выделения действия заменяются причастием с наращением лично-притяжатель-аффиксов. Ср., например: Тан-э кел-с-иг мартшгов и Кел-с-и-ти мартшгов 'Не забуду, что вы сказали (=сказанного вами)'.

Если же семантически актуализуется сам исполнитель действия, то субъект требует постановки его в аккумулятиве. Если же нет необходимости в сознательном подчеркивании одного из них, то при субъекте употребляется номинатив. Именительный падеж субъекта постоянно присутствует в конструкциях, где в роли базовых компонентов выступают слитные, соединительные и разделительные деепричастия. Примеры: калм. Киитн Үвл (S^2 и.п.) чил-н, хавр болв 'Кончилась холодная зима, наступила весна'; монг. Тэнгэр (S^2 и.п.) дуугара-н, бороо оров 'Загремел гром, пошел дождь'; бур. Аха-нь (S^2 и.п. + аф. личн. притяж.) гэрта ор-оод, дүүнь газва Үлэба 'Старший брат вошел в дом, а младший остался на дворе'. Употребление именительного падежа (или неопределенного, по терминологии некоторых исследователей)⁸ наблюдается, когда субъект передает какое-либо природное явление. Об этом свидетельствуют два вышеприведенных примера.

В современных монгольских языках, в частности в калмыцком и калха-монгольском активно проявляется тенденция к номинативизации субъекта зависимых предикативных единиц. В них происходит процесс контаминации винительного и родительного падежей с именительным. Так, в калмыцкой полипредикативной кон-

струкции: ТерҮн-э ир-сн-д чи яһад байрдаһмч? 'Отчего ты радуешься его приезду?' — форма родительного падежа субъектного имени вполне заменима номинативом: Тер ирснд чи яһад байрдаһмч? В некоторых маргинальных монгольских языках, таких как дунсянский, базаньский, именительный субъекта в конструкциях с инфинитивными глаголами окончательно вытеснил формы генетива и аккумулятива⁹. В результате номинативизации субъектного имени при зависимом предикате создаются предпосылки для качественного изменения структуры оборотов и перехода их в предложение.

Обобщая сказанное отметим, что падежное оформление субъектного члена в системе инфинитивных конструкций обусловлено следующими факторами: характером семантики, формой и функцией стержневого элемента (причастия, деепричастия), его валентными свойствами; одушевленностью/неодушевленностью предмета, или субъектного референта, степенью его логической актуализации. На выбор падежной формы субъекта оказывает воздействие и переходность/непереходность финитного глагола.

Литература и примечания

1. В статье используется понятийно-терминологический аппарат полипредикативного синтаксиса, механизм и типология которого на материале языков разных систем успешно разрабатывается М.И. Черемисиной и ее учениками.
2. Скрибник Е.К. Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (на материале бурятского языка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1980. Она же. Падежные аффиксы причастий как показатели связи в полипредикативном предложении. В кн.: Инфинитивные формы глагола. Новосибирск, 1980. Она же. О синтаксическом функционировании показателей притяжения в монгольских языках. в кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологи-

ческая база. Новосибирск, 1980. Она же (совместно с М.И. Черемисиной). Опыт формального описания причастно-последложных конструкций в бурятском языке. В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980 и др.

3. Скрибник Е.К. Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации...
4. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 283.
5. Лувсанвандан Ш. Хавсарсан нийлмэл өгүүлдэр. В кн.: Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966; Касьяненко З.К. Придаточное предложение и оборот в монгольском языке. В кн.: Проблемы филологии стран Азии и Африки. Л., 1966.
6. Бертагаев Т.А. Причастные и деепричастные обороты. В кн.: Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
7. Цэдэндэмба Ц. Грамматическая характеристика причастий и их структурно-семантические особенности в современном монгольском языке (в сопоставлении с причастиями русского языка). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1970, с. 24-25, 26.
8. Скрибник Е.К. Указ. соч.
9. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960, с. 105 и 108.

Х.М. Есенов

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ
И ПРИДАТОЧНО-ПОСЛЕДОЖНЫМИ ФОРМАМИ ПРИЧАСТИЙ
В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Туркские сложноподчинённые предложения образуются преимущественно синтетическим способом. При определении типа придаточных очень важна форма сказуемого зависимой части. Это может быть форма условного наклонения (её считают финитной формой) или инфинитивные, т.е. причастные, деепричастные формы и формы отглагольных имён.

В этой статье мы рассмотрим сложноподчинённые предложения, образованные при помощи причастных форм. Следует отметить сразу же, что из всех казахских причастий самым активным в этом смысле является причастие на -ған. Поэтому, говоря о причастных образованиях, мы будем прежде всего иметь в виду разные конструкции с причастием на -ған в роли сказуемого зависимой части.

Тот факт, что сложное предложение может образовываться за счёт причастных конструкций (в роли зависимой части) признаётся многими тюркологами. Так считали и дореволюционные тюркологи. Но существует и другое мнение. Есть тюркологи, не признающие сложности предложений, содержащих причастные и деепричастные конструкции. Они требуют от придаточного зависимой части формы "вербум финитум", то есть личной формы сказуемого, которое согласовывалось бы со своим подлежащим. Поэтому они признают сложноподчинёнными только предложения, которые образуются формой условного наклонения (-са/-се). Такой точки зрения придерживаются проф. Н.А. Баскаков, Б.А. Серебренников, М.М. Ширалиев¹, а также Г.Д. Санжеев и Т.А. Бертагаев в монголистике.

О конструкциях с причастными формами в роли главного слова можно сказать следующее. Есть учёные, которые признают сложными предложениями все конструкции с зависимой частью с причастием на -ған. Для них безразлично, в каких падежных формах стоит это причастие. Другие же к этому вопросу подходят дифференцированно. По их мнению не всякая падежная форма причастия может участвовать в образовании сложноподчинённого предложения.

Первый, недифференцированный подход был характерен прежде всего для дореволюционных тюркологов. Так, например, в грамматиках алтайского и киргизского языков предложения с причастием на -ған (в роли главного слова зависимой части) рассматриваются как определительные придаточные или как дополнительные придаточные:

(1) Креске тушпеген кижилер ненін учун пурулу болып кудайдын жарыска чыкпас - 'Почему же люди, которые не крестились, будут виновны и не войдут в рай'.²

(2) Ол не жазганын мен билмедим - 'Я не знал, что он писал'.³

П.М.Мелиоранский в своей грамматике также рассматривает причастные конструкции как определительные придаточные:

(3) Меннен уйкон апам чаткан тосокко келмесин - 'Я не пойду к постели, на которой лежит моя сестра'.⁴

Такая трактовка вопроса дореволюционными тюркологами исходит, с нашей точки зрения, не из природы самой конструкции, а из перевода её на русский язык. Ибо многие предложения с причастием на -ған в переводе на русский язык приобретают структурную организацию сложного предложения - но это не значит, что они имеют эту форму сами по себе. Отметим, что такой метод познания причастных конструкций имеет место и в современных тюркологических исследованиях.

Взгляды дореволюционных тюркологов по этому вопросу оказали воздействие на многих последующих исследователей. В советский период одним из первых поддержал и развил эти идеи Н.К.Дмитриев. Он рассматривал как придаточные предложения все причастные, а также деепричастные конструкции, имеющие собственное подлежащее. При этом он называл их придаточными переходного типа, а причастные конструкции, не имеющие собственного подлежащего, он оценивал как обороты в системе простого предложения.⁵

Н.К.Дмитриев приводит такие примеры придаточных предложений переходного типа:

(4) Балалары куп булган эселерге пособие биреле - 'Матерям, у которых много детей, выдаётся пособие'.

(5) Мин килгенде һин ейзе булманын - 'Когда я пришёл, ты дома не был'.⁶

Обратим внимание на структуру первого предложения. Автор делит его на две части: 1 - балалары куп булган, и 2 - эселерге пособие биреле. Признавая каждую из этих частей отдельным правильным предложением, Н.К.Дмитриев делает вывод о том, что первое из них является придаточным "переходного типа". С нашей точки зрения такие предложения составляют один из видов синтаксических оборотов осложнённых предложений (о которых мы скажем ниже).

На синтаксических взглядах Н.К.Дмитриева я остановился потому, что они были поддержаны многими исследователями тюркоских языков, которые также рассматривают предложения подобного рода как сложноподчинённые.

Описанный подход к вопросу о сложности предложений с зависимыми причастными конструкциями мы назвали недифференцированным: причастие во всех своих падежных формах в одинаковой степени признаётся сторонниками этой точки зрения сказуемым придаточного компонента сложноподчинённого предложения. Покажем это на следующей таблице:

Падежи	Причастные конструкции на -ған		
	Зависимая часть	Основная часть	Перевод (дословный)
Именительный	Сен көрген	бала келген еді	Тобой увиденный мальчик пришёл
Родительный	Сен көргеннің	мен бірін де көргенім жәк	Из всего тобою увиденного я ещё ничего не видел
Дательный	Сен келгенге	мен куанып қалдым	Я обрадовался твоему приходу
Винительный	Сен көргенді	мен де көрдім	Тобой увиденное и я увидел
Местный	Сен келгенде	мен куанып қалдым	Когда ты пришёл, я так обрадовался

Продолжение таблицы.

Падежи	Причастные конструкции на -ған		
	Зависимая часть	Основная часть	Перевод (дословный)
Исходный	Сен келгендіктен,	мен кетіп қалдым	Я потому ушёл, что ты приходил
Творительный	Сен келгенмен,	ол үйде жоқ еді	Хотя ты уже пришёл, его не оказалось дома

Зависимые части этих конструкций сторонниками "недифференцированного подхода, которые были названы выше, расцениваются как придаточные определительные (1,2), дополнительные (3,4) и обстоятельственные (5,6,7).

Мы считаем, что все конструкции с причастием на -ған в роли главного слова представляют определённый синтаксический интерес. Уместно вспомнить о том, что многие спорные вопросы синтаксиса сложного (сложноподчинённого) предложения в тюркологии связаны именно с разнообразием, разнотипностью конструкций с этим причастием. Присоединяясь к стержню предложения, к его основе, эти причастные конструкции могут выражать очень разные синтаксические отношения. Но при этом надо иметь в виду, что не всякая зависимая причастная конструкция может и должна рассматриваться как придаточное в составе сложноподчинённого предложения. Не всегда присоединение причастной конструкции к предложению-основе создаёт сложноподчинённое предложение. Такое понимание существующих отношений влечёт за собой дифференцированный подход к распознаванию синтаксической сущности причастных конструкций. Этой второй точки зрения придерживается и автор данных строк.

Дифференцированный подход основывается на представлении о том, что причастие в "нулевой" форме ("именительного" падежа) – например, барған 'пошёл' – не образует придаточного компонента, не является сказуемым придаточной части. Оно выполняет функцию определения по отношению к своему определяемому слову и образует смысловой оборот. Содержащее такой оборот предложение остаётся осложнённым.

Кроме того, не всякая падежная форма причастия равно совмести-

ма с ролью сказуемого зависимой части (придаточного). По мнению автора, эту роль выполняют только формы причастий с аффиксами пространственных падежей⁹ – т.е. формы (5,6,7). Причастия, оформленные этими аффиксами, приобретают обстоятельственные значения и именно благодаря этому они становятся сказуемыми обстоятельственных придаточных в составе сложноподчинённых предложений.

Причастие без падежных аффиксов сказуемым придаточной части может быть только тогда, когда этой формы требует управляющий им послелог. (сайын 'всякий раз', соң, кейін, бері – 'после того', дейін, шейін – 'до того') и послеложное слово (уақытта, шақта, кезде 'когда', қарамастан 'несмотря').

Следовательно, с нашей точки зрения, предложение со структурой:

(6) Сен көрген кезде, бала келген еді – 'Когда ты уже смотрел, пришёл мальчик' – составляет уже сложноподчинённое предложение. Здесь причастие с управляющим служебным словом выступает как сказуемое придаточного компонента.

Мы считаем, что при оценке синтаксической роли причастной конструкции нужно учитывать характер синтаксических отношений её к основной (главной) части. Причастные конструкции, выражающие определительные (1,2) и объектные (3,4) отношения, с нашей точки зрения, никогда не участвуют в образовании сложноподчинённых предложений, потому что причастия в этих случаях сохраняют свойства имён, а не глаголов. Глагольный характер причастные формы приобретают в сочетании с аффиксами пространственных падежей. И в этих случаях формы причастия на -ған выступают в качестве сказуемых придаточного предложения.

Итак, причастные формы в разных падежах используются в казахском языке для выражения трёх типов синтаксических отношений:

1. именительный и родительный падежи используются для передачи атрибутивных отношений в составе осложнённого предложения;
2. дательный и винительный падежи используются для выражения объектных отношений, также в составе осложнённого предложения;
3. местный, исходный и творительный падежи используются для выражения обстоятельственных (адвербиальных) отношений в составе сложного предложения.

Поэтому, когда мы говорим о сложных предложениях с причастием на -ған в роли зависимого сказуемого, мы имеем в виду предложения с обстоятельственными придаточными. Сложноподчинённые предложения казахского языка группируются в основном вокруг различных обстоятельственных отношений, передают разные смысловые разновидности обстоятельств.

Как уже сказано, кроме падежных форм в образовании сложноподчинённых предложений участвуют послелог и послеложные слова. Это особенно важно, когда они управляют причастиями в именительном падеже (барған кезде 'когда пошли') и в дательном падеже (барғанға шейін 'до тех пор пока пойду'); таким образом, эти формы оказываются сказуемыми придаточных предложений. Эти служебные слова играют здесь первостепенную роль.

Специфическая особенность исходного падежа состоит в том, что его аффикс часто присоединяется к причастию через аффикс -дық/-дік: бар-ған-дық-тан 'так как пошёл'. Таким образом формируется сложный аффикс с причинным значением.

Вопрос об использовании падежных аффиксов как показателей синтаксических отношений управления в системе сложноподчинённого предложения на материале якутского языка разработала в своей книге Е.И. Убрятова. Она пишет: "В качестве показателей синтаксических отношений зависимого предложения к главному используются падежные формы основного (нулевой показатель), винительного, дательного, исходного, творительного и оравнительного падежей" 10. Это явно свидетельствует о том, что падежные аффиксы (падежные формы причастий) являются важным средством связи частей сложноподчинённого предложения. При этом материал казахского языка требует дифференцированного подхода к падежным аффиксам (формам) причастий, ибо не все они в одинаковой степени участвуют в образовании сложноподчинённых предложений. Бесспорным, с нашей точки зрения, является участие в выражении этих отношений форм протранзитивных падежей и сочетаний форм неопределённого (именительного) падежа и дательного падежа с послелогам и послеложными словами.

Туркские языки очень богаты конструкциями, в которых участвует причастие на -ған в разных своих формах. Как мы старались показать выше, эти формы выполняют в предложениях разные функции. Сложноподчинённое предложение формируется за счёт конструкций с

адвербиальными значениями, которые полно передают динамический аспект событий (действий).

Необходимым условием сложноподчинённого предложения является, конечно, предикативность составляющих его частей. Предикативность проверяется наличием обоих главных членов, подлежащего и сказуемого. Но подлежащее может отсутствовать, если производитель действия ясен из контекста: Келгенде, куанын калдым - 'когда (ты? он?) пришёл, обрадовался-я'. В главной части субъект действия - I лицо - выражен аффиксом сказуемого: ..кал-ды-м, а в зависимой части лицо не выражено и грамматически, но легко восстанавливается из контекста. Ясно, что действующее лицо есть, и это либо 2, либо 3 лицо.

Таким образом, при определении придаточных существенно не только отдельное выражение подлежащего, но и выраженность лица формами зависимого сказуемого. Сказуемые придаточной части, выраженные причастными формами, способны выражать грамматическое лицо, и это важно учитывать при разграничении причастных оборотов и причастных придаточных предложений: при отсутствии подлежащего парадигматическая форма сказуемого оказывается решающим критерием.

Говоря о действующем лице, отметим, что не всякий субъект предопределяет сложность предложения: важно, чтобы субъект зависимой части не совпадал с субъектом главной части. Моносубъектные предложения являются осложнёнными, но не сложными. Это тоже важный критерий классификации причастных конструкций.

Подведём итог сказанному. Не всякая причастная конструкция является компонентом сложного предложения. Само причастие обладает двумя типами свойств: свойствами именными и свойствами глагольными. Когда причастия выступают в атрибутивной и объектной функциях, на первый план выдвигаются именные свойства. Но только в тех случаях, когда на первый план выдвигается глагольная сторона, причастие оказывается способным организовать полноценный предикативный центр придаточного, вступая в предикативные отношения со своим подлежащим. Не всякая связь причастия с другими словами ведёт к образованию сложноподчинённого предложения. Можно вспомнить слова М.И. Черемисиной о том, что "всякая связь может и должна рассматриваться как определённого рода зависимость, а всякая зависимость накладывает на связанные ею объекты некоторые

требования и ограничения" II (подчёркнуто нами - Х.Е.). Применительно к сложному предложению такие "требования и ограничения" связаны с составом падежей, способных выступать в роли связующих средств между частями сложноподчинённого предложения: это местный, исходный и творительный падежи, а также падежи в сочетании с послелогами. Другие, не пространственные падежи связаны с организацией причастного оборота в составе осложнённого предложения.

При распознавании природы сложных предложений тюркских языков надо исходить из самой структуры изучаемого языка, не подменяя оригинальное синтаксическое построение структурой перевода его на русский. Всё сказанное выше позволит, на наш взгляд, правильно понять природу конструкций с причастными оборотами и найти верные решения многих связанных с ними спорных вопросов.

Литература и примечания.

- I) Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчинённого предложения в тюркских языках, состоявшегося 24-27 сентября 1956 г. в Алма-Ате. - В сб.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.
- 2) Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, с.191.
- 3) Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Оренбург, 1897, с.159.
- 4) Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч.П. Синтаксис. СПб., 1897, с.47.
- 5) Дмитриев Н.К. Грамматика кумикского языка. М.-Л., 1940, с.192.
- 6) Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, с.247-248.
- 7) Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966, с.230; Жиенбаев С. Синтаксис маселелері. Алматы, 1941; Сауранбаев Н.Т. Қазақ тіліндегі құрмалас сөйлемдер жүйесі. Алматы, 1948; Абдурахманов Г.А. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка. Автореф.докт.дисс., Ташкент, 1960, с.83; Саибатталов Г.Г. Синтаксис сложного предложения башкирского языка. Автореф.докт.дисс., Баку, 1963, с.6; Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963; Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972; Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973 и др.

8) Склоняемое причастное слово.

9) Балакаев М. Сабактас сөйлемнің кейбір ерекшеліктері туралы. - "Қазақ тілі мен әдебиеті", 1959, №2, с.44.

10) Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск, 1976, с.103.

II) Черемисина М.И. О содержании понятия "предикативность" в синтаксисе сложного предложения. В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980, с.160.

ПРИЧАСТНО-ПОСЛЕЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ЗАВИСИМОЙ ЧАСТИ ТУВИНСКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВРЕМЕНИ

Термин "причастно-последложные конструкции можно понимать как такие "бипредикативные построения, в которых предикат зависимой части выражен причастием в определенной падежной форме с последлогом". Но можно понимать этот термин и в более узком смысле – как сочетание причастия с последлогом в функции зависимого сказуемого такой конструкции¹. Например: кел=ген=им соонда – 'после того, как я пришел'; бакташ=кан=ныс олчаан – 'с тех пор, как мы поссорились', где сочетание причастия прошедшего времени на -ГАН со служебным именем соонда 'после того, как' и с последлогом олчаан 'с тех пор, как' представляет собой причастно-последложную конструкцию сказуемого зависимой части бипредикативной причастно-последложной конструкции.

В тувинском языке мы будем говорить не только о последлогах, но и о служебных именах, с которыми сочетается причастие. Термин "причастно-последложная конструкция" будем понимать во втором значении, – как форму сказуемого.

В тюркологической литературе долгое время не было единого взгляда на категорию служебных слов; термины, определяющие эти понятия, употреблялись неоднозначно. Под последлогом понимались и аффиксы падежей, под это же понятие подводились и частицы². Этим же термином назывались и собственно последлоги и служебные имена³. Следующий этап в разработке этого понятия – отграничение последлогов и служебных имен от падежных аффиксов⁴. Более полная разработка вопроса о последлогах и служебных именах дается в работах А.Н.Кононова, где последлоги уже отграничиваются от служебных имен⁵, и в свою очередь делятся на собственно последлоги, последлоги именного и от-

глагольного происхождения. Это разграничение, введенное А.Н.Кононовым, представляется теоретически важным и является значительным шагом вперед, но вопрос о месте отдельных служебных слов в том или ином языке оказывается довольно сложным и на конкретном материале провести границу между последлогами и служебными именами не всегда легко.

В связи с этим, а также учитывая общее состояние знаний, мы будем употреблять термин "последлог" в двух значениях: 1) в противопоставлении служебным именам, 2) как "родовой" термин, охватывающий и последлоги и служебные имена.

В тувинском языке наряду с последлогами (например, билек 'как только', бээр 'с тех пор, как', биле 'с', чедир 'до' и др.) выделяются служебные имена, по функции близкие к последлогам, но сохраняющие черты имен, от которых они происходят⁶. (ср. аразында – 'между', где -ара 'промежуток, расстояние', -зын – показатель 3-го лица, -да – аффикс местного падежа).

Служебные имена используются преимущественно для выражения пространственных отношений. Временные отношения – производные и развиваются не у всех служебных имен. Развиваются они у служебных имен мурнунда 'перед тем', соонда 'после', бетинде 'впереди', сеелунде 'после того, как', аразында 'среди', например: суг чылп турар аразында, ... 'пока грелась вода, ...', где сочетание причастия настоящего-будущего времени на -Р с последлогом аразында выражает временные отношения. Ср. также сеелунде, где выражается только время и нет пространственных отношений.

Специальных работ, посвященных разграничению последлогов и служебных имен на материале тувинского языка еще нет. Поэтому далее мы попытаемся развести эти понятия и показать значимость этого различия с точки зрения синтаксиса. Мы видим ее в том, что последлоги и служебные имена участвуют в образовании конструкций разных типов.

В образовании темпоральных полипредикативных конструкций⁷ в функции зависимого предиката⁸ употребляются причастия прошедшего времени на -ГАН и настоящего-будущего на -Р в сочетании с разными последлогами и служебными именами. В наших материалах встречены следующие причастно-последложные сочетания:

Твар + билек – 'как только'	Туган + олчаан – 'с тех пор, как'
Твар + орта – 'как только'	Твар + мурнунда – 'прежде чем'

Твар бетинде, бертинде - 'прежде чем'

Туган + соонда - 'после того, как'

Туган + сөөлүндө - 'после того, как'

Туган/ар + үенде - 'в то время'

Туган/ар + ейүндө - 'в то время'

Тубаан + шаанда - 'пока не'

Твар + санында - 'всякий раз'

Твар + аразында - 'пока'

В данной статье мы не рассматриваем другие способы выражения временных отношений (оозуны, причастно-падежный, деепричастный - например, -кала - 'с тех пор' и др.), а также не говорим о таких конструкциях, в которых послелоги управляют причастными формами, требуя постановки предикативной единицы в дательном или исходном падежах.

В центре нашего внимания будут полипредикативные конструкции, где причастный зависимый предикат оформляется показателями неопределенного и родительного падежей.

Эти конструкции (аналитические формы зависимых сказуемых) имеют предикативный характер: они регулярно сочетаются с подлежащим в прямом падеже и оформляются показателями грамматического лица, т.е. спрягаются, и спряжение их является обязательным, а не факультативным (как во многих других тюркских языках). По нашим наблюдениям, в тувинском языке существует целый ряд парадигм спряжения таких конструкций, т.е. способов их личного оформления, и каждая конструкция в этом плане требует специального изучения. Ниже мы попытаемся описать основные типы таких парадигм и показать, как именно спрягаются все представленные выше конструкции.

Для грамматического оформления предикативного узла темпоральных причастно-последомных конструкций тувинского языка существует несколько возможностей: 1. Причастный зависимый предикат может быть оформлен показателями родительного падежа или не оформлен; 2. Причастие может принимать или не принимать лично-притяжательные аффиксы; 3. Служебное имя также может быть оформлено показателями личного притяжения или не оформлено ими; 4. Субъект зависимой части может быть выражен отдельным именем (местоимением) или не выражен. В случае, когда субъект выражен отдельной формой, она,

как правило, представлена неопределенным падежом, но возможен в этой позиции и родительный падеж. Закономерности его употребления в этой статье рассматриваться не будут.

Остановимся на основных типах (моделях) спряжения причастно-последомных конструкций.

1. Прежде всего мы различаем типы спряжения в зависимости от того, получает ли причастие специальный показатель 3-го грамматического лица. Если да, то будем говорить о притяжательном типе спряжения, если нет - о спряжении лично-финитного типа.

Термины "притяжательный" и "лично-финитный" тип личного оформления мы используем условно. Например, в алтайском языке форма "незаконченного настоящего" времени индикатива, - конечно, это лично-предикативная форма глагола, - спрягается следующим образом:

Мен бар-а-дыр-ым

Сен бар-а-дыр-ың

Ол бар-а-дыр-ы...⁹

Хотя по функции это лично-предикативное спряжение, в нем используется тот тип личного оформления, который характерен для имени в роли 2-го члена изафетного сочетания. Поэтому такую схему спряжения мы и называем - условно - притяжательной. Например: кел-ир-и-=ниң, мурнунда - 'перед тем, как он придет', где причастие настоящего-будущего времени на -Р оформлено аффиксами 3-го лица (-и) и родительного падежа (-ниң). Ср. другой пример: кел-ир-и билек 'как только он придет'. Здесь также имеется оформление причастия показателем 3-го лица. Лично-финитным типом спряжения мы называем формальный тип, совпадающий со схемой спряжения прошедшего времени на -ды: кел-ген-им соонда - 'после того, как я пришел'

кел-ген-иң соонда - 'после того, как ты пришел'

кел-ген соонда - 'после того, как он пришел'

Здесь причастие не имеет оформления в 3-м лице.

2. Во-вторых, модели (типы) спряжения различаются в зависимости от того, какой компонент аналитической формы принимает личное показателя: причастие или служебное имя. Если показатели лица принимают на себя причастие, то послелог имеет нулевое личное оформление, например: кел-ген-им олчаан - 'с тех пор, как я пришел', где -им (при причастии) - показатель 2-го лица; если показатель лица при-

нимает на себя служебное имя, то причастие показателей лица не имеет: арт=кен соо=нар=да - 'после того, как вы проедете'... здесь аффиксом 2го лица множественного числа оформлено служебное имя.

III. В-третьих, модели спряжения различаются в зависимости от того, какую падежную форму принимает причастный компонент: прямой (неопределенный) падеж или родительный: кел=ген=и=нин, соонда - с родительным падежом причастия (схема "3-го изафета") и кел=ген=им соонда - с неопределенным падежом - (схема "2-го изафета")¹⁰

Сказанное можно обобщенно представить как исчисление возможностей, воспользовавшись формой таблицы Вейтча II.

Дадим сначала пояснения принятых в таблице условных сокращений. TV - основа глагола; прич. - аффикс причастия (-Р, -ГАН); /1,2,3/ в косых скобках - показатели личного притяжения; -нин, - аффикс родительного падежа. Служебное имя мы символически представим записью "служебное//имя", где скобка /"разрез"/ внутри термина соответствует структуре обозначаемой формы: соо=вус=та, Скобка подражает позиции личных показателей - после основы, перед падежным аффиксом, который является органической частью служебного имени. Цифры внутри скобок обозначают лицо, соответственно - 1,2,3. Знак (+) - показывает, что данные конструкции встречаются в тувинском языке; знак (Ж) - показывает, что такие конструкции не встречены.

Притяжательный тип		Лично-финитный тип	
Притяжательное отличено Ай.п.	TV прич./1,2/нин+с/3/илиа 1 +	TV прич./1,2/нин+послелог 5 *	Спряжение показ. лич. падеж. формы
	TV прич.+нин+с/1,2/илиа 2 *	TV прич.+нин+с/1,2/илиа 6 *	
Притяжательное не отличено Ай.п.	TV прич.+с/1,2,3/илиа 3 +	TV прич.+с/1,2/илиа 7 +	Спряжение гла- гола без служебного имени
	TV прич./1,2,3/ + послелог 4 +	а) TV прич./1,2/ + послелог б) TV прич./1,2/ + с/3/илиа 8 +	

Мы постарались проследить, какие служебные слова связаны с каким типом спряжения. Оказалось, что однозначного соответствия между служебным словом и типом спряжения нет. Так, например, служебное имя соонда образует 3 типа конструкций, различающихся по характеру (модели) спряжения. Например:

Модель № 1. кел=ген=им=нин, соонда - 'после того, как я пришел'
кел=ген=ин=нин, соонда - 'после того, как ты пришел'
кел=ген=и=нин, соонда - 'после того, как он пришел'

Модель № 3. кел=ген соо=м=да Модель № 8б. кел=ген=им соо=н=да
кел=ген соо=н, =да кел=ген=ин соо=н=да
кел=ген соо=н=да кел=ген соо=н=да

Служебные имена мурнунда, бетинде, бертинде - образуют конструкции двух типов:

Модель № 1. кел=ир=им=нин, мурнунда - 'прежде чем я приду'
кел=ир=ин=нин, мурнунда - 'прежде чем ты придешь'
кел=ир=и=нин, мурнунда - 'прежде чем он придет'

Модель 8б. кел=ир=им мурнунда
кел=ир=ин мурнунда
кел=ир мурнунда

Служебное имя шаанда спрягается только по одной модели - через служебное имя:

Модель № 3. кел=бе=эн шаа=м=да - 'пока я не пришел'
кел=бе=эн шаа=н=да - 'пока ты не пришел'
кел=бе=эн шаа=н=да - 'пока он не пришел'

Повидимому, по этому же типу (№3) спрягается конструкция со служебным именем ейунде, хотя примеров, подтверждающих это положение, у нас мало.

Конструкция со служебным именем уеде - может спрягаться как по лично-финитному типу, так и по притяжательному типу:

Модель № 7. кел=ир уе=м=де - 'в то время, когда я приду'
кел=ир уе=н=де - 'в то время, когда ты придешь'
кел=ир уе=де - 'в то время, когда он придет'

Модель № 3. кел=ир уе=м=де
кел=ир уе=н=де
кел=ир уе=н=де (уе=зин=де), - т.е. в 3-м лице оформление служебного имени показателем -н - является факультативным.

Послелог билек – причастно-последложная конструкция зависимого предиката спрягается всегда одинаково, по модели № 4:

Модель № 4. кел=ир=им билек – 'как только я приду'
кел=ир=иң билек – 'как только ты придешь'
кел=ир=и билек – 'как только он придет'

Послелог олчаан, орта спрягаются только по одной модели №8а:

Модель № 8а. кел=ген=им олчаан – 'с тех пор, как я пришел'
кел=ген=иң олчаан – 'с тех пор, как ты пришел'
кел=ген олчаан – 'с тех пор, как он пришел'

О специфике подтипов 8а и 8б будет сказано ниже.

Перейдем к рассмотрению перечисленных выше типов (моделей) спряжения.

1. Притяжательный тип спряжения.

По названному типу (с оформлением причастия показателем 3-го лица –и) спрягаются, с одной стороны, конструкции со служебными именами мурнунда, бетинде, бертинде, соонда, шаанда, с другой стороны – с послелогом билек.

В зависимости от того, оформляется причастие показателем родительного падежа или не оформляется, выделяются две подгруппы притяжательных конструкций.

А. Если причастие принимает показатель родительного падежа, то оно обязательно принимает на себя и показатели грамматического лица (притяжательного типа). Служебное имя в составе таких конструкций всегда представлено в форме 3-го лица. Например:

– Ынча дэ=эн=им=ниң, соо=н=да, бистерже изит суг чакыпкан чуве дег, чадырның, бир чарынчы халыжа берген ою. (С.Т., с.44) – 'После того, как я так сказал, нас словно ошпарили (досл. – к нам словно горячую воду брызнули), в другой угол юрты отскочили мы'.

Авам чедип кел=ген=и=ниң, соо=н=да, мен ажылга барып ындаар апарган мен (Монгуш Д.А.) – 'После того, как приехала моя мать, я смогла ходить на работу'.

Мен силер чору=ур=уңар=ниң, мурну=н=да, ынаар чеде бээр мен. (Монгуш Д.А.) – 'Я приду туда раньше, чем вы уедете.'

Эти конструкции строятся по схеме изафета, которая предполагает два имени, определение и определяемое; первое из них оформляется показателем родительного падежа, а второе обязательно оформлено

притяжательным аффиксом в соответствии с грамматическим лицом 1-го имени.

Рассмотрим с этой точки зрения наши конструкции:

(Ынча дээн=им=ниң) соо=н=да,... – Выражение, взятое в скобки, соответствует первому члену изафетной конструкции, только этот член выражен не существительным, а предикативной единицей (ПЕ), сказуемое которой имеет форму 1-го лица – 'я сказал'. Эта ПЕ представляет не предмет, не лицо, а событие, после которого совершилось другое действие. Формально-грамматически вся эта конструкция выступает определением ¹² к существительному соң, 'конец'. Поэтому второй член изафета – служебное имя соонда – оформляется показателем 3-го лица.

Само служебное имя оформляется местным ('местно-временным') падежом, который выражает подчинение всего целого следующей далее предикативной единице. Сравним аналогичные примеры со служебным именем мурнунда:

Сен чанып кел=ир=и=ниң, мурнунда=ла, сээң оглун, төртүттүнер. (Монгуш Д.А.) – 'Еще до того, как ты вернешься, у тебя родится сын'.

Ачам кел=ир=и=ниң, мурнунда, мен дүштеки чамни билеткеп каар ужурлуг мен. (Монгуш Д.А.) – 'Прежде чем придет отец, я должна приготовить обед'.

Служебные слова мурнунда, соонда и др. являются здесь, конечно, не самостоятельными существительными, а одними из средств грамматической связи. Выражаемая этим способом связь понимается как временная.

Б. Если причастие не принимает показателей родительного падежа, а имеет форму неопределенного падежа, то возможны две модели спряжения: оно может осуществляться или через служебное имя, или через причастие. Рассмотрим эти модели:

а) Спряжение через служебное имя (№ 3).

Эта модель спряжения представлена в наших материалах конструкцией Ту=ган шаа//да:

Мен бодум оттуп келбэ=эн шаа=м=да, мени оттурба. (Монгуш Д.А.) – 'Не буди меня, пока я сам не проснусь'.

Чемненмэ=эн шаа=н=да мен ону салбадым. (Сегленмей) – 'Пока он не поел, я его не отпустил'.

Здесь представлено последовательное оформление служебного имени шаа//да показателями лица. Это служебное имя сочетается только с отрицательной формой причастия на -ГАН и имеет значение 'пока не'. Следует отметить, что ни в Грамматике тувинского языка, ни в тувинско-русском словаре шаанда, как служебное имя, не отмечено. Не встречено оно и в текстах художественной литературы, но получено от носителей литературного языка (Д.А.Монгуша, К.А.Бичелдея, С.Ф.Сегленмей и др.). В словаре имеется слово шаг 'время', что дает основание предполагать, что шаа//да - результат фонетических преобразований: шаг+(ым,ың)+да, где конечный согласный основы (г) выпадает, а из "оставшегося гласного корня и начального гласного аффикса принадлежности образуется долгий гласный звук, соответствующий по качеству гласному последнего слога корня (основы)¹³: шаа//да.

Данная конструкция синонимична так называемому "предельному" наклонению в тувинском языке. Сравним:

Ужелен дистинчип алгаш, кадыг харны дагжадыр, мурнувуста каш аалдар кезүд-гүже басып келдивис. (С.Т., с.22) - 'Так шли мы втроем по скрипящему снегу друг за другом, пока не увидели перед собой несколько аалов'.

б) Спряжение через причастно-глагольную форму. Модель спряжения о послелогом билек (№ 4).

Эртенги хун барын сыннар бажынга дээп кээ=р=и билек, күске алгырган:... (С.С., с.14) - 'Утром, как только солнце коснулось вершин западного хребта, мышь закричала:...'

Чазын хар шокарлаар=ы билек-ле, дедир ажырап чүве болгай (С.С., 119) - 'Как только заест весенний снег, будем обратно (скот) перегонять'.

Мен кели=р=им билек кожаларымыс кирип келди. (Бичелдей) - 'Как только я приехал, пришли соседи'.

Особо следует обратить внимание на оформление 3 л., т.к. именно эти формы характеризуют тип спряжения как притяжательный. Послелог билек в данных конструкциях никакого оформления не имеет. Это положение как раз является признанным критерием разграничения послелогов и служебных имен¹⁴. Служебные имена образуют сочетания изафетного типа, где причастный зависимый предикат оформляет-

ся показателем родительного падежа и притяжательным аффиксом, а служебное имя несет на себе неизменный притяжательный аффикс 3-го лица (-н). Послелог же либо примыкает к знаменательной форме, либо управляет ею. Послелог билек является примыкающим.

Примечание: При оценке служебного слова как служебного имени обычно учитывается и второй критерий - наличие соответствующей именной основы в языке. Например: мурну - 'перед' - мурнунда - 'перед тем, как'; соң - 'конец' - соонда - 'после того, как' и др.

Но этот второй критерий на тувинском материале не всегда четко работает. Так, например, служебное имя дугайында - 'о, об' - 'относят и к послелогам и к служебным именам'¹⁵. Заимствовано оно из монгольского языка (тухай 'случай, возможность'); такой именной основы в тувинском языке нет. Зато есть то, чего нет, например, в бурятском - падежное оформление - дугайын (в.п.), дугайында (м.п.). Иными словами, заимствованный послелог уже в самом тувинском языке приобретает морфологическую структуру, такую же, как у служебных имен мурнунда, соонда, принадлежность которых к разряду служебных имен не вызывает сомнений.

Примыкающие послелог (не служебные имена) не оформляются притяжательными аффиксами и, в принципе, сочетаются с причастным зависимым предикатом в нулевой падежной форме. Но в наших материалах встретилось 2 примера, в которых послелог ужун 'за, из-за, ради' (конструкция причинная, а не временная) обнаруживает признаки, сближающие его со служебными именами. В одном примере:

Кырганнын, сүмезин диндавайы бар=ган=ымыс=тын, ужун багай чүвөгө таварыштымыс. (Хомушку) - 'Из-за того, что мы поступили не так, как советовал тот старик, случилась беда'.

Мы видим, что причастие оформлено показателем родительного падежа¹⁶. Во втором примере:

Соокка алзыпкан ужу=н=да ооң езди изип эгелеэн. (Хомушку) - 'из-за того, что он простыл, у него начался жар'.

Послелог принимает показатель местного падежа, и финальная часть его основы - уж=ун=да - может переосмысливаться, интерпретироваться как показатель 3-го лица. Следует заметить, что послелог ужун в современном тувинском языке вообще употребляется редко. Возможно, что здесь происходит контаминация послелога ужун со служебным именем ужу=ун=да с близкой семантикой.

Таким образом, мы рассмотрели модели спряжения причастно-последложных конструкций, где оформление зависимого предиката идет по притяжательному типу.

Перейдем к рассмотрению конструкций, спрягаемых по лично-финитному типу.

П. Лично-финитный тип спряжения.

Этому типу, по нашим данным, соответствуют три модели спряжения - № 7, № 8а и № 8б. Это модели с последлогами олчаан и орта (№7), со служебным именем веде (№7) и со служебными именами бетинде, бертинде, мурнунда, соонда (№8б).

В модели № 8а спряжение причастно-последложной конструкции осуществляется через причастие при неизменном лично неоформленном последлоге. В 1-м и 2-м лице причастие получает личное оформление. Грамматическое значение 3-го лица выражается отсутствием аффикса. Например:

Бакташ-кан=ывыс олчаан ол маан- биле чугаалашпастаан. (Хомушку)
- 'С тех пор, как мы поссорились, он со мной не разговаривает'.

Уттушкаш, дыка алгырыпта=р-ым орта, кавайда дунмам оттуп, кавайын сирленеди шимчедип, ыйырайнып эгеледи. (С.С., с.31) - 'Как только (я), забыв, очень громко закричал, в люльке мой младший брат проснулся, громко начал кричать'.

Адыг кеступ кээр орта, боолашкан мен. (ТРС, с.328) - 'Я выстрелил в медведя, как только он появился'.

В модели № 8б спряжение тоже осуществляется через причастие, но эта модель в качестве аналитического компонента предполагает не последлог, а служебное имя, которое содержит в себе неизменный показатель 3-го лица. О грамматическом смысле этого показателя говорилось выше, в связи с анализом изафетной природы этих сочетаний. Реальное грамматическое лицо субъекта зависимого действия выражается личными показателями причастия. Например:

Сонгу кожууннар чорааш, чедип кел=ген=им соо=н=да, бир каш хонуктун, дургузунда мени кайнаар-даа чорутпаан. (С.Т., с.206) - 'В северных районах побывав, после того, как приехали-я, в течение нескольких недель я нигде не ездил'.

-Партизаннап чора=ан=ым соо=н=да, чайын келгеш, авам-биле калы кезек турдум. (С.Т., с.235) - 'После того, как партизанила я, (уже и)

лето пришло, и с матерью повидаться пришла-я'.

Партизаннар чоруп=кан соо=н=да, Сарыг-Сепке Мыкылай деп аттыг кижы тыпты берген. (С.Т., с.145) - 'После того, как партизаны ушли, в Сарыг-Сепе появился человек по имени Николай'.

В последнем примере, как и в предыдущем случае, 3-е лицо выражается отсутствием показателя. Наблюдается омонимия (неразличение) моделей № 3 и № 8б в случае с нулевым выражением 3-го лица. Четкая противопоставленность этих моделей возможна только при оформлении причастия показателями 1-го и 2-го лица.

В модели № 7 спряжение осуществляется через служебное имя, которое принимает показатели 1-го и 2-го лица, а в 3-м лице остается без личного оформления. Например:

Курстарга ееренип тур=ган ые=м=де мен общежитиеге чурттап турдум. (Мыжит) - 'В течение того времени, что я учился на курсах, я жил в общежитии'.

Уруглары күш кирип өзүп орап ые=де оларнын, ада-иелери кырып орап (Сат Ш.Ч.) - 'В то время, когда дети набираются сил, родители их стареют'.

Мы рассмотрели модели спряжения причастно-последложных конструкций лично-финитного типа.

Подводя итоги сказанному выше, остановимся на следующем:

Причастно-последложные конструкции в целом характеризуются значительным разнообразием форм (моделей) спряжения.

1. Последлоги участвуют в образовании причастно-последложных конструкций с лично-финитным типом спряжения. Исключение составляет последлог билек, где спряжение идет по притяжательному типу.

2. Служебные имена могут участвовать в образовании причастно-последложных конструкций с различным типом спряжения. Одно служебное имя может образовывать одну, две и (реже) три модели спряжения. Задача дальнейшего исследования заключается в исследовании функций каждой модели и их специфики.

3. Оформление причастного зависимого предиката аффиксом родительного падежа носит факультативный характер. В связи с этим возникает вопрос о роли родительного падежа в этих конструкциях, о том, что включает в себе этот показатель. Сосуществование конструкций с родительным падежом причастия и без него, возможно свя-

зано с какой-то дополнительной нагрузкой, которую вносит аффикс родительного падежа. Следует тщательно проверить гипотезу о том, что конструкции с родительным падежом выражают большую определенность.

Возникают в связи с этим и вопросы, связанные с синтаксическим пониманием отношений между зависимой конструкцией и главной частью.

Заслуживает внимания и дальнейшего изучения также вопрос об относительной сложности конструкций с родительным падежом причастия и без него, о большей или меньшей спаянности компонентов (и соответственно, целостности аналитической формы) в причастных конструкциях со служебными именами — в зависимости от типа предложения.

Необходимо более углубленное исследование этих проблем с привлечением материала других языков.

Список условных сокращений:

1. С.Т. — Салчак Тока, Араттың созу, т. IV, Кызыл, 1980
2. С.С. — Степан Сарыг-оол, Аңгыр-оолдун тоожузу, Кызыл, 1978
3. ТРС — Тувинско-русский словарь, М., 1968
4. В скобках после примера указываем фамилию информанта, от которого был получен пример.

Литература и примечания:

1. М.И. Черемисина, Е.К. Скрибник, Опыт формального описания причастно-последложных конструкций в бурятском языке. — В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях, Новосибирск, "Наука", 1980, с. 38.
2. А.Казем-Бек, Грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1839, с. 356; Грамматика алтайского языка, Казань, 1869, с. 102-104.
3. А.Казем-Бек, цитируемая работа; Н.П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка, М.-Л., 1940, с. 214; А.Г. Магомедов, Собственно последоги и последоги — изолированные от имен, наречий, глаголов в современном кумыкском языке, АКД; Н.А. Баскаков, Каракалпакский язык, ч. 2, М., 1952, с. 402.

4. Н.П. Дыренкова, Грамматика шорского языка, М.-Л., 1941, с. 236-243.

5. А.Н. Кононов, Последоги в современном узбекском литературном языке, Ташкент, 1951; Он же: Грамматика современного узбекского литературного языка, М.-Л., 1960, с. 283-286, 296-305; Он же: Грамматика турецкого языка, М.-Л., 1956, с. 187, 328.

6. Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах, Грамматика тувинского языка, М., 1961, с. 439.

7. Под полипредикативными конструкциями мы, вслед за М.И. Черемисиной, понимаем "такие конструкции, которые состоят из нескольких предикативных единиц, между которыми устанавливается определенная связь, смысловая и синтаксическая". См. М.И. Черемисина, Некоторые вопросы теории сложного предложения, Новосибирск, 1979, с. 12-13.

8. Понятия "зависимая предикация", "зависимый субъект" определены в цитируемой работе М.И. Черемисиной, с. 24-75.

9. Н.П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка, М.-Л., 1940, с. 197.

10. Термины "2-й изафет" и "3-й изафет" мы употребляем вслед за А.Н. Кононовым, как удобные обозначения соответствующих типов сочетаний, не вдаваясь сейчас в обсуждение проблемы изафета в целом. См. А.Н. Кононов, Грамматика турецкого языка, М.-Л., 1941, с. 17; Он же: Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, с. 236.

11. И.В. Арнольд, Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования, Л., "Просвещение", 1966, с. 192.

12. Трехчленная определительная конструкция, как особое синтаксическое построение, исследована в работе Е.А. Поцелуевского "Туркский трехчлен", М., 1967.

13. Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах, Грамматика тувинского языка, М., 1961, с. 37.

14. См., например, Е.И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка, ч. 2, кн. I, Новосибирск, "Наука", 1976, с. 168; Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах, цит. работа, с. 440; А.А. Коклянова, Последоги и служебные имена в узбекском языке. — В кн.: Труды Института языкования АН СССР, М., 1954, т. 3, с. 189. и др.

15. Грамматика тувинского языка, М., 1961, с. 445.

РОЛЬ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ДЕП, ДЭЭШ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Различные формы глагольной основы де-/ди- 'говорить' и отделившиеся от них служебные слова в тюркских языках сыграли важную роль в образовании моделей некоторых видов словосочетаний, сложноподчиненных предложений и конструкций с прямой речью. Так, например, деепричастие, образованное от глагола в турецком языке, как показал А.Н. Кононов, превратилось в союзное слово, и несет значительную синтаксическую нагрузку¹.

Служебные слова деп и дээш в тувинском языке исторически соответствуют к деепричастиям на -п и на -гаш от глагольной основы де-/ди- 'говорить', 'сказать': де-п 'говоря', ди-гаш 'сказав'.

Н.Ф. Катанов отметил, что служебные слова деп и дээш образуют придаточные причины². Исследователи современного тувинского языка установили широкие функции рассматриваемых слов в морфологических и синтаксических словосочетаниях, в сложноподчиненных предложениях, конструкциях с прямой речью³. Приведем некоторые примеры такого их функционирования:

Морфологические словосочетания: чоруур деп баар - 'собирать-ся уйти', оижир деп бодаар - 'думать писать'; чоруур дээш - 'надо идти', чорууйн дээш - 'мне надо идти'.

Синтаксические словосочетания: Кара -даш деп чер - 'местность Кара-Даш', "Алдын-Кыс" деп ш л глел - 'поэма "Алдын-Кыс"'. (Ср. алт. Кан-Кере деп куш - 'птица Кан-Кере'), ееренир дээш чоруур - 'ехать учиться', амдырал дээш демисежир - 'бороться за жизнь'.

Служебные слова деп и дээш большую роль играли также в возникновении и развитии некоторых видов сложноподчиненных предложений в тувинском языке.

СЛОВО ДЕП

1. Сочетание деп-чүве (букв. 'называемое нечто') служит средством преобразования простого предложения в придаточное подлежащее в составе сложноподчиненного предложения:

Кызыл ужуру тиилеп турар деп чүве менээ хун тудум-на билдинип орган... (С.Сарыг-оол) - 'Мне день за днем все прояснилось то, что дело красных побеждает'.

В этом предложении простое предложение Кызыл ужуру тиилеп турар 'дело красных побеждает' благодаря сочетанию деп чүве становится подлежащим главного предложения.

2. Сочетание деп чүве в формах дательного, винительного, исходного, направительного падежей (деп чүвеге, деп чүвени, деп чүведен, деп чүвеже) является средством выражения связи придаточного дополнительного предложения с главным предложением:

Мээң, куш-ажылчы амдыралым ол хүнден егелеэн деп чүвени угаап билген мен - 'Я осознал, что моя трудовая жизнь началась с того дня'.

Тиилелге бистин болур деп чүвеге бузуреп турган бис - 'Мы верили в то, что победа будет за нами'.

Ажыл аар-берге болур деп чүведен кортпааннар - (Они) не побоялись того, что работа будет тяжелая'.

Удавас хем дажыр деп чүвеже кичеэнгей салыр херек - 'Надо уделить внимание тому, что скоро прибудет река'.

3. Служебное слово деп выражает связь придаточного определительного предложения с главным предложением:

Кежээ клубка концерт болур деп чарлал азып каан - 'Вынесли объявление о том, что вечером в клубе будет концерт'.

Бир-ле хүн ажыг медээ келген: бистиң аваныс Тас-Баштыг елчү калган деп (С.Тока) - 'Однажды пришла горькая весть о том, что нашей мама Тас-Баштыг не стало'.

В первом примере придаточное предложение является определительным по отношению к члену чарлал 'объявление', во втором примере придаточное определительное инверсировано, занимает постпозицию по отношению к определяемому члену медээ 'весть'.

4. Служебное слово деп выступает одним из средств выражения связи придаточного предложения образа действия с главным предложением:

Колхозчулар час эртежик дүжөр деп бодап турган - 'Колхозники думали так, что весна наступит рано'.

В хакасском языке обнаруживается такая же функция:

Сеергенің чүрегіне кірібістім тіп сагынып, сөб тарт салган чоохтанызын Сагдай (Н.Доможаков) - 'Думая, что вошли в доверие Сеерге, Сагдай растянул речь'.

5. Причинное отношение придаточного предложения к главному предложению может быть выражено служебным словом деп:

Бызаа сугга дүшкен боор деп девидеп турдуус - 'Мы тревожились думая (полагая), что теленок может быть утонул в воде'.

6. Слово деп может выражать целевое отношение придаточного предложения к главному предложению:

Мегелерниң кайызын тиилээр эвес деп көрүп ор бис - 'Мы смотрели чтобы определить, кто из борцов победит'. Подобную же функцию выполняет слово тіп в хакасском, деп - в киргизском языках:

хак.: Хараскы хараа түс килбөзін тіп, пис адыбысты табырах чөргізіп олургабыс - 'Чтобы не застала нас темная ночь, мы быстро гнали коня'.

кирг.: Шаарга эрте жетейин деп, мен бүгүн жолго эрте чыктым - 'Сегодня я рано вышел на дорогу, чтобы раньше прийти в город'.

7. Служебное слово деп в конструкциях с прямой речью связывает слова автора с прямой речью:

- А ол улуг угаангы кайгамчык кижиниң ады кымыл, ачай? - деп шанданмайын айтыра кааптым (Э.Кечил-оол) - 'Как зовут этого замечательного, огромного ума человека, папа? - спросил я с нетерпением'.

Аналогичные случаи наблюдаются в других тюркских языках:

алт. "Адан-энене апарып бер" - деп, Кумдус эжине айдып турди ("Көгүтөй") - 'Неси своим родителям - сказал Кумдус своему товарищу'.

кирг. Жүргүлө, жардамдашууга барабыз! - деп, жар салды - 'Идите, пойдем на взаимопомощь!' - кликнул (он)'.

Конструкции с прямой речью в приведенных примерах сходны со сложноподчиненными предложениями с придаточными образа действия и дополнительными.

СЛОВО ДЭЭШ

1. Служебное слово дээш выражает причинное отношение придаточного предложения к главному предложению в сложноподчиненном предложении:

хар-чам улуг болур чадавас дээш, сиген-ширбишти ей-шаанда кезип ап турар апарган (С.Сирюн-оол) - 'Из-за того, что снег возможно будет большой, заготавливают сено своевременно'.

Мээн, адымны адаптар болду бе дээш ынай-ла олурдум - 'Я еле дышал, боясь, что назовут мое имя'.

2. Придаточное предложение цели связывается с главным предложением в сложноподчиненном предложении с помощью служебного слова дээш. При этом сказуемое придаточного предложения выражается глаголом в форме повелительного наклонения:

Биче-кыс дыңназын дээш, Кодур-оол орук дургаар кыңгырткайдыр ырлап чоруп орган (С.Тока) - 'Чтобы Биче-Кыс услышала, Кодур-оол всю дорогу звонко пел'.

Туркскому глаголу де-/ди- 'говорить' в монгольских языках соответствует глагол гэх 'говорить'. Как показывают исследования, глагол гэх и его формы сходны по своим функциям с глаголом де-/ди-

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. А.Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, М.-Л., 1956, с.540-544.
2. Н.Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903, с.930.
3. См.: М.Д.Биче-оол и др. Тыва дылдың еердилге ному. Синтаксис, Кызыл, 1958, с.79; Ш.Ч.Сат. О некоторых служебных словах... в тувинском языке. - "Ученые записки" Кызыльского пединститута, вып.2, Кызыл, 1961, с. 49-58; Его же: Амгы тыва литературлуг дыл. Синтаксис. Кызыл, 1966, с.94-96.
4. Грамматика хакасского языка. М., 1975, с.407.
5. Т.К. Ахматов и др. Киргизский язык, Фрунзе, 1976, с.201.
6. Алтай саатырлар, т. I, Горно-Алтайск, 1958, с.107.
7. Т.К. Ахматов, указ. соч., с.205.
8. См. А. Уланова. К проблеме функций глагола гэх в современном монгольском языке. - В кн.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 91.

О.В. Субликова

ПАДЕЖНЫЕ АФФИКСЫ КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В тюркских языках, как отмечал И.И. Мещанинов, "причастие является обычной и широко распространённой формой сказуемого придаточного предложения" ¹. Характерной особенностью причастия в функции сказуемого зависимого предложения является то, что оно принимает не аффиксы предикативности, а притяжательные и падежные аффиксы. Падежные аффиксы в сочетании с причастиями и некоторыми именами выражают грамматические отношения между компонентами сложноподчинённого предложения подобно тому, как "связываются" отдельные имена в простом предложении" ².

Падежный аффикс, оформляющий причастие-сказуемое зависимой части, относится ко всему придаточному предложению в целом. Ни по структуре, ни по семантике падежные аффиксы зависимой части не принадлежат. В ряде случаев падежный аффикс обусловлен структурой и семантикой главной части, управлением главного предиката и передаёт конкретный характер зависимости ³.

Причастное склонение в тюркских языках, как показала Е.И. Убратова, отличается от склонения существительных, во-первых, тем, что не имеет единой для всех причастий парадигмы склонения, во-вторых, особой семантикой падежей. В хакасском языке, как и в якутском и в других тюркских языках, падежные аффиксы причастий, выражающие подчинительные отношения, сохраняют все признаки аффикса и вполне подчиняются законам гармонии гласных ⁴. Е.И. Убратова, основываясь на том, что падежные формы причастий в безличном склонении отличаются от падежных форм имён существительных и что причастия принимают падежные аффиксы только в функции предиката зависимого предложения, использует термин "предикативное склонение причастий" ⁵.

В хакасском языке причастия, а также имена наличия пар 'есть, имеется' и отсутствия чох 'нет, не имеется', практически могут принимать аффиксы всех падежей. Однако, с нашей точки зрения, не все падежные формы причастий в хакасском языке выступают в роли сказуемого зависимой части сложноподчинённого предложения. Эту роль выполняют лишь формы, выражающие пространственные и временные отношения, т.е. прежде всего формы дательного, местного, исходного падежей. Кроме того, при некоторых причастиях в качестве средств выражения зависимости придаточного от главного употребляются форманты -нанар (-неңер, -даңар/-деңер) и -ча (-че, -ча, -че), которые в существующей литературе трактуются как аффиксы-последологи ⁶.

Так как сказуемое зависимого предложения в хакасском языке, как и в других тюркских языках, часто согласуется в лице со своим подлежащим, падежные аффиксы, выражающие синтаксическую зависимость от главного предложения, имеют форму лично-притяжательного склонения ⁷.

Рассмотрим подробнее те отношения, которые устанавливаются между зависимой и главной частями хакасского сложного предложения с помощью падежных аффиксов причастного сказуемого.

Местный падеж

Нельзя не согласиться с замечанием Е.И. Убратовой, что ни на одной падежной форме не видна так хорошо конструктивная роль падежного аффикса при сочетании зависимого и главного предложений, как на местном падеже ⁸. Зависимый предикат в местном падеже образуется от причастий на -ған, -чатхан, -ар, -ғалах, -чаң и от имён наличия пар 'есть, имеется' и отрицания чох 'нет, не имеется'.

Основное значение местного падежа при сказуемом-причастии настоящего, прошедшего и будущего времён зависимого предложения (-ғанда, -чатханда, -арда, -ғалахта, -чаңда) - выражение временного отношения, например:

Ол сигіс класс ла тоосхан чийт хыс, Николай Андреевич армия паарыбыханда, пісті угрет сыххан (К.Неро.) - 'Она (Марика Павловна), молодая девушка, закончившая только 8 классов, когда

Николай Андреевич ушёл в армию, начала нас учить'.

Ол чёрченде пiс кiчiт полбабс (разг.) - 'Когда он оывал, мы были маленькими'.

Очень часто в хакасском языке в зависимых предложениях со сказуемым-причастием в местном падеже употребляется союзное слово хачан 'когда', восходящее к местоимению-наречию. Оно употребляется в таком зависимом предложении, где сказуемым является причастие на -ран, -чатхан, например:

Хачан хойлар тыхта турьонсханта, Манидек, пас парып, пiр парбах араска чблене, тур салган (И.Кост.) - 'Когда овцы остановились в безветренном месте, Манидек подошла и встала, прислонившись к стволу одной ветвистой берёзы'.

Зависимые предложения со сказуемым-причастием, где связующим средством выступает аффикс местного падежа, выражающий временное отношение, весьма характерны для языка хакасского героического эпоса, например, в зачине:

Пус алтынаң суғ ағарда, пулут бiре кiн кбрене, халгахпынаң кбл пблере, хамыспынаң суғ аларда, ағын сугның хазы чирде ал-баттыр чон чуртаан (фольк.) - 'Когда из-под льда воду брали, когда сквозь облака солнце проглядывало, когда мутовкой озёра де-лились, когда ковшом воду черпали, на берегу быстро текущей реки жил народ-данник'.

Атар таңы атхалахта, арың кiнi сыхалахта, аал ханырты арами килген - 'Когда заря ещё не занялась, когда ясное солнце ещё не взошло, он (богатырь) уже по своему аалу шёл'.

Зависимый предикат в местном падеже может передавать условное значение, например:

Син парбаанда, кем парар - 'Если ты не пойдёшь, кто же пойдёт'

Син парарда, нимее ол парар - 'Если ты поедешь, зачем ему ещё ехать'.

Ол килченде син ноо парарзын (разг.) - 'Если он должен прийти, зачем тебе ходить'.

Слова пар и чох в местном падеже тоже могут выражать и временные, и условные значения, например:

Паза кiс алчаа чохта, ол тастыхтын ур кiр турган (Н.Д.) - 'Когда (он почувствовал, что) нет сил одолеть его, он долго смотрел со сторон'.

Адазы чохта, оол пастых, iчезi чохта, хис пастых (Мудр.сл.) - 'Когда нет отца, сын голова, когда нет матери, дочь хозяйка'.

Чаксы арыс парда, хайдар даа парбас па (разг.) - 'Если есть хороший друг, отправишься хоть куда'.

В хакасском языке, преимущественно в разговорной речи, при выражении связи зависимого и главного предложений аффикс местного падежа может прибавляться к существительному, уже имеющему аффикс местного падежа. Таким образом получается двойное оформление местным падежом. Это имя подобно причастиям выступает в функции сказуемого зависимого предложения и выражает временные отношения, например:

Пичем ибдеде, син кил пар (разг.) - 'Заходи, когда сестра дома'.

Ичем торьстада, пiс тунмамнаң хада иб iстiн арыглап салча-бнс - 'Пока мама на работе, мы с сестрой убираемся в доме'.

Это объясняется тем, что в хакасском языке в функции простого именного сказуемого могут выступать имена существительные в форме основного, дательного, местного и исходного падежей⁹:

Мин торьсычын - 'Я рабочий';

Пу сыйхтар - олганнарға 'Эти подарки - детям';

Ол ам Аббанда - 'Он сейчас в Абакане';

Ол аалдаң - 'Он из села'.

Из всех падежных форм сказуемого способностью удваиваться обладает только местный падеж¹⁰.

Дательный падеж

Дательный падеж причастия выражает соотносённость во времени события, выраженного зависимой частью, с событием, выраженным главной частью. В хакасском языке эта форма образуется только от причастия на -ралах. Форма дательного падежа этого причастного сказуемого выражает значение, соответствующее русскому 'когда (пока) ещё не...', например:

Изер пазы сынғалахха, улур чуртты хайди таладың (фольк.) - 'Пока ещё цело (не разбилось) седло (богатыря), как ты мог разрушить жилище (стойбище) (богатыря)';

Пiс тимнентгелекке, пiчiк килiбiскен (разг.) - 'Когда мы ещё не собрались, бумага (вызов) пришла'.

Причастия в дательном падеже могут также выражать значение, соответствующее русскому "тому, что..." Эта форма образуется от причастий на -ган, -чатхан, -ар, -галах и от имён наличия пар и отсутствия чох, например:

От торызы чаксы парчатханга, совхоз торынчылары тың брингенер (разг.) - 'Рабочие совхоза очень радовались хорошему ходу уборки';

Поезд парралагына тың брин паргам - 'Тому, что поезд ещё не ушёл, я очень обрадовался';

Харындазым килеріне прай нима тимнепчебіс - 'К приезду брата всё готовим'.

Сказуемое зависимого предложения в дательном падеже от причастия на -галах с вышесказанным значением употребляется в основном в разговорной речи.

Субъект зависимой части предложения с причастием на -чаң в дательном падеже обязательно оформляется родительным падежом:

Угренчілернің экскурсия парчаана (парчанна) Угренчілер азынадох тимненгеннер - 'К поездке учеников на экскурсию учителя готовились заранее'.

Конструкции, в составе которых субъект зависимой части оформляется родительным падежом, мы не рассматриваем как сложные предложения, а их зависимую часть - как придаточное. М.И.Боргозов называет такие синтаксические формы предметно-притяжательными сочетаниями II.

Дательный падеж выступает также средством связи в предложениях со сказуемыми зависимой части - именами пар и чох:

Хыс чоха, хыс поларға килгем, оол чоха, оол поларға килгем (фольк.) - 'Тому, у кого нет дочери, пришёл дочерью стать, тому, у кого нет сына, пришёл сыном стать'.

Исходный падеж

Зависимое предложение со сказуемым - причастием в исходном падеже, указывает на время или промежуток, в течение которого совершается действие, выраженное сказуемым главного предложения.

Аффикс исходного падежа может прибавляться к причастию непосредственно, а также к его притяжательной форме. Сказуемое в исходном падеже образуется только от причастий на -ган и -ар:

Постары парганна, ах малынға пұур тең аң кірөөндір (фольк.) - 'С тех пор, как уехали, на их белый (ханский) скот волки не на-

падали'.

Ибге килерібістен, суға сомарға паргабыс - 'Как только мы пришли домой, сразу пошли купаться'.

Күн таң пазына көленерінен, иргісбұрн тартылыбысхан (М.К.) - 'Как только солнце село за вершину горы, потянуло вечерней прохладой'.

Күн обед тузына чидерінен, пістің оолның чылгыз, олох чирзер чандап киліп, пазох кооп хазында тарап парган (С.Ч.) - 'Как только подошло время обеда, лошади нашего парня снова дошли до того места и разбрелись по берегу канавы'.

Сказуемое-причастие зависимого предложения в исходном падеже нередко употребляется с послелогами пеер, ала, сығара, а также с аффиксом-последогом -ар/-ер, например:

Пебам тайгадан айланганна пеер, ікі күн иртті (разг.) - 'С тех пор как отец вернулся из тайги, прошло два дня'.

Формы исходного падежа с послелогами пеер, ала, сығара указывают на момент времени, с которого начинает совершаться действие главного предложения. Форма исходного падежа зависимого сказуемого с аффиксом-последогом -ар/-ер выражают причину совершения действия, о котором идёт речь в главном предложении:

Хараагызын мал хадарып, көмес ле узааннаңар, пазы тынстал-чатхан (Н.Тукп.) - 'Из-за того, что всю ночь пас скот и мало спал, у него болела голова'.

Аффикс-последок -ча/-че, присоединяясь к субстантивированному причастию-сказуемому в притяжательной форме, также указывает на время совершения действия главного предложения:

Ибге читкенібісче, улуғ чил пол килгән (разг.) - 'Пока мы дошли до дома, поднялся большой ураган'.

Сіерер ибге читкенінерче, мин атха пар килербің (разг.) - 'Пока вы дойдете до дома, я схожу за лошадью'.

Аффикс -ча/-че, который в современном хакасском языке считается аффиксом-последогом, исторически, как и в якутском и в других тюркских языках, восходит к падежному аффиксу (об этом говорят материалы героического эпоса хакасов).

Итак, падежные аффиксы причастий-сказуемых в хакасском языке являются одним из активнейших средств выражения подчинения зависимого предложения в сложноподчинённом предложении. Но не все падежные формы в одинаковой мере участвуют в осуществлении связи

зависимого и главного предложений. Значительно чаще всех остальных и в художественной литературе, и в живом разговорном языке употребляется форма местного падежа причастия-сказуемого на -ран (-ранда).

Литература и примечания.

1) Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1953, с.185.

2) Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Часть II. Сложное предложение. Книга I. Новосибирск, 1976, с.7.

3) Скрибник Е.К. Падежные аффиксы причастий как показатели связи в полипредикативном предложении. В кн.: Инфинитивные формы глагола. Новосибирск, 1980, с.44-45.

4) Убрятова Е.И. Исследования..., с.135-142.

5) Убрятова Е.И. Исследования..., с.135-142.

6) Грамматика хакасского языка. М., 1975, с.267-268.

7) Убрятова Е.И. Исследования..., с.102.

8) Убрятова Е.И. Исследования..., с.122.

9) Грамматика хакасского языка, с.300.

10) Предикативные формы местного падежа могут принимать аффиксы других падежей, например, винительного или дательного, выступая в роли главного слова в составе развёрнутого члена предложения, например:

Пабам ибдезін пѳбөөм - 'Я не знал, что отец дома'.

Пабам ибдезине брѳн партам - 'Я обрадовался тому, что отец дома'.

11) Боргояков М.И. Переход некоторых синтаксических конструкций в придаточное предложение в современном хакасском языке. В кн.: Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1978.

Е.К.Скрибник

ПОДЛЕЖАЩИЕ КОНСТРУКЦИИ В БУРАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Подлежащими конструкциями мы будем называть один из видов присловных конструкций, к которым относятся неуправляемые определительные, управляемые дополнительные и подлежащие конструкции. Подлежащие конструкции формируются при глаголах и именах, которые являются сказуемым предложения в целом и требуют (или допускают) постановки предикативной единицы (ПЕ) в позицию подлежащего. Аналогично другим зависимым ПЕ в алтайских языках, ПЕ в позиции подлежащего строятся по схеме, отличной от схемы простого (независимого) предложения ¹, например:

(1) Урданай гимнази дүүргѳ-~~нан~~-ѳ-тнай элээр хара-гда-жа байна (Б-78-3, с.50) - 'Начальную гимназию окончили-что-вы (окончить-прич.прош.-им.п.-2 мн.притяж.) ясно видно (видеть-страд.-длит.вид-наст.вр.)'.

Здесь вершина подлежащей конструкции - глагол дүүргѳ- 'окончить', -нан - аффикс причастия прошедшего времени; ѳ - нулевой аффикс именительного ² падежа; -тнай - аффикс личного притяжения 2 мн. Местоимения ¹ - 2 лица в функции подлежащего факультативны; но подлежащее-зависимой части, если оно есть, обычно принимает форму родительного падежа (в данном случае было бы танай - от та 'вы').

Та же ПЕ в независимой позиции (оформленная как простое предложение) строится следующим образом:

(2) Урданай гимнази дүүрг-ѳѳ-т (Бадмаев) - 'Начальную гимназию закончили-вы' (-ѳѳ - показатель причастия настояще-про-

шедшего времени, употребляющееся как финитная форма прошедшего времени, -т - аффикс сказуемости (лично-предикативный) 2 мн.).

Принципы построения подлежащих конструкций в основном общие с другими зависимыми ПЕ бурятского языка:

1) подлежащее зависимой ПЕ как правило принимает форму родительного, а не именительного падежа;

2) сказуемое зависимой ПЕ (далее P^2) принимает зависимую, инфинитивную форму, которая указывает на факт и характер синтаксической зависимости всей предикативной единицы, которую оно возглавляет, от главной части;

3) по личному оформлению P^2 отличается от независимого сказуемого: к нему присоединяются не лично-предикативные, а притяжательные аффиксы.

На этом фоне можно заметить специфические особенности, отличающие подлежащие зависимые ПЕ.

Формальные особенности подлежащих конструкций

1. Падежное оформление. В подлежащей конструкции P^2 принимает причастную форму и нулевой аффикс именительного падежа. Наличие здесь нулевого аффикса выявляется на фоне системных отношений между управляемыми конструкциями. Как уже отмечалось³, в алтайских языках падеж управляемых причастных ПЕ зависит от семантико-грамматического типа управляющего предиката (глагола или слова другой части речи в предикативном употреблении). Так, информационные глаголы (глаголы восприятия, передачи, переработки информации) требуют винительного падежа причастного P^2 . Дательно-местный падеж принимает причастное сказуемое зависимой ПЕ при P^1 - глаголах и предикативных именах, обозначающих эмоциональную реакцию на событие (ср. "я рад тому, что..."). Исходным падежом управляет немногочисленный класс глаголов с семантикой отталкивания (типа "уклоняться", "бояться" и т.п.). Оценочные же предикаты (типа "важно", "трудно", "правильно, что...") связаны в первую очередь с подлежащими конструкциями. Следовательно, мы имеем право говорить, что оценочные предикаты управляют именительным падежом зависимой ПЕ, и выделять в составе P^2 нулевой аффикс. Покажем это на примере.

(3) а. ~~Пана-пан-аа хэлэ-пан-и-ни~~ байн (Б-78-2, с.47) - 'Думаешь-что-сам сказал-что-ты хорошо' (= 'Хорошо, что ты сказал то,

что думал').

б. ~~Пана-пан-аа хэлэ-пан-и-ни~~ би ойго-со-о (Бадмаев) - 'Думаешь-что-сам сказал-что-ты я понял-я' (-не - аффикс винительного падежа, -пан + не - -и-не).

в. ~~Пана-пан-аа хэлэ-пан-и-ни~~ би баяр-тай-о (Бадмаев) - 'Думаешь-что-сам сказал-что-ты я рад-я' (-дэ - аффикс дательно-местного падежа).

Соотносительность подлежащих конструкций с дополнительными (косвенно-падежными) проявляется ещё в следующем. Формы страдательного залога (-гд-) от информационных глаголов, допустительного залога (-уул-) от эмотивных глаголов и формы со значением состояния, производимые от эмотивных (и некоторых других) основ преимущественно показателями -тай/-гүй, требуют при себе подлежащих конструкций, например:

(4) Пана-пан-аа хэлэ-пан-и-ни		
намда мэдэ-гд-эхэ	намда мэдэ-тай	намае баяс-уул-ба
'мне (будет) из-вестно'	'мне известно'	'меня обрадовал'
	намда гайхал-тай	
	'мне удивительно'	

К вопросу о структуре и семантике главной части мы вернёмся ниже, сейчас же продолжим рассмотрение формального устройства самой подлежащей конструкции.

2. Причастное оформление. Сказуемое зависимой ПЕ, занимающей позицию подлежащего, принимает причастную форму. В этих конструкциях нам встретились следующие бурятские причастия: самые частотные - причастия прошедшего времени на -пан, будущего времени на -ха, причастие многократное на -даг; реже - причастие постоянное на -ааша и многократное на -гша (они часто субстантивируются). Примеры:

(5) Ой модон-ой галдаатай бай-пан-и-ни харамтай (Пнд., с.267) - 'Лес сгоревший есть-что-он жалко'.

(6) Үглөөдөр шини яба-ха-и-ни намда харамтай (Санданова) - 'Завтра ты уезжаешь-что-ты мне жалко'.

(7) ..Эдир-тай хөөрэд-еешэ-и-ни Пана-гда-ба (Б-78-4, с.113) - 'с-Эдиром разговаривал-что-я вспомнилось' ('вспомнился мой разговор с Эдиром').

(8) Тээд дайн эхилжэ, hana-gsha-Ø-mnai-shye бүтээгүй (Б-78-5, с.95) - 'Но война началась (букв. начавшись), (и) то, о чём мы думали (букв. думанное-наше-даже), не исполнилось'.

(9) Ядапан хүндэ Содном-Дорж-ын туналхаар бай-даг-Ø-нийн хэндэшэ мэдээжэ (Цэд., с.203) - 'Нуждающемуся человеку Содном-Дорж-ий помочь готов-что-он всем известно'.

Причастие настоящего-прошедшего времени на долгий широкий гласный (-аа, -ээ) в составе подлежащих (и других причастно-падежных) конструкций встречается только с отрицательным аффиксом -гүй. По-видимому, это причастие в отрицательных контекстах заменяет причастие прошедшего времени на -нан, которое с отрицательным аффиксом -гүй нам ни разу не встретилось. Примеры:

(10) Шам-тай тэрэ зүн уулз-аа-гүй-Ø-мни намда эхэ гомдол-той (Санданова) - 'С-тобой этим летом не встретила-что-я мне очень жалко (обидно)'.

(11) Энэ зундаа шам-таяа уулза-на-Ø-мни намда эхэ зохид (Бадмаев) - 'Этим летом с-тобой встретился-что-я мне очень приятно'.

Причастия на -ха и -даг с отрицательным аффиксом -гүй сочетаются свободно:

(12) Энэ зундаа шам-таяа уулза-ха-гүй-Ø-м намда ялалашэ гомдолтой байна (Бадмаев) - 'Этим летом с-тобой не встречусь-что-я мне очень обидно'.

Употребление отрицательного аффикса с причастием на -даг проиллюстрировано в примере (17).

3. Притяжательное оформление. В подлежащей конструкции причастный P^2 обязательно ⁴ оформляется аффиксами личного притяжания:

1 ед. -мни, -м	1 мн. -мнай, -най
2 ед. -шни, -ш	2 мн. -гний

3 лиц. об. чисел - (и)нь

Лично-притяжательные аффиксы P^2 выражают отнесённость его к собственному подлежащему (в форме родительного падежа), которое может опускаться, если это местоимение 1 и 2 лица; опущение подлежащего в 3 лице должно быть поддержано контекстом.

(13)...орожо ерэ-нан-Ø-гнай эхэ байн гэжэ (Цыб., с.43) - 'причём-что-вы очень хорошо ведёте'.

(14) Тэднэй хоорондо надынэ харагдамагүй оуранзан-ай (род. п.) бии боло-нон-Ø-ийнэ вли ойлгогдоно (Х., с.123) - 'Между ними

глазам невидимый магнит (=притяжение) существовать стал-что-он ясно понимается'.

Отличие подлежащих конструкций от других видов управляемых зависимых ПЕ состоит в том, что аффиксы субъектного притяжания (-аа с сингармоническими вариантами) в них невозможны. В полипредикативных конструкциях эти аффиксы, оформляя P^2 , обозначают отнесённость зависимого действия к подлежащему главной части (так называемая моносубъектная конструкция ⁵); мы же рассматриваем случай, когда позицию подлежащего занимает вся зависимая ПЕ. Субъект управляющего предиката (лицо, получающее или перерабатывающее информацию, лицо, в отношении которого производится оценка, носитель эмоционального состояния и пр.) выражается в составе главной части именем в дательном-местном падеже (косвенным дополнением); следовательно, аффикс субъектного притяжания к нему относиться не может. Рассмотрим для примера фразы с одной и той же зависимой ПЕ в разных позициях: дополнительной (при информационном глаголе в прямом залоге с собственным подлежащим) и подлежащей (при информационном глаголе в страдательном залоге):

(15) Нёдондо тэрээн-тэй уулза-нан-аа (би) hana-jarx-ёо-б (Бадмаев) - 'В прошлом году с-ним встречался-что-сам (я) вспомнил-я' (-жарх - суффикс, передающий интенсивность действия).

(16) Нёдондо тэрээн-тэй уулза-на-Ø-мни (намда) hana-gda-ba (Бадмаев) - 'В прошлом году с-ним встречался-что-я (мне) вспомнилось'.

В примере (15) P^2 оформлен аффиксом субъектного притяжания -аа (в переводе условно передано словом "сам"). Аффикс винительного падежа перед аффиксом субъектного притяжания выпадает ⁶ (то же явление представлено в примере (3)). Аффикс -аа здесь передаёт отнесённость P^2 к подлежащему главной части (местоимения 1 и 2 лица в роли подлежащего факультативны); т.о. в данном примере выражено относительное лицо зависимого предиката ⁷. В примере (16) глагол hana- 'думать, помнить' оформлен показателем страдательного залога -гд-, в соответствии с чем изменилась его модель управления: ПЕ, обозначающая перерабатываемую информацию, переходит в позицию подлежащего, а имя лица, перерабатывающего информацию, которое в примере (15) занимало позицию подлежащего, в

примере (16) оформляется дательным падежом и занимает позицию дополнения. От дополнения аффикс субъектного притяжания зависеть не может, следовательно, лицо R^2 в примере (16) должно выражаться абсолютно – лично-притяжательным показателем I ед.-мн (хотя исполнитель и главного, и зависимого действия в обоих примерах один и тот же).

Особенности использования притяжательных показателей, связанные со строением главной части.

Значимость притяжательных показателей в подлежащей конструкции в значительной мере определяется следующими факторами.

Поскольку позиция подлежащего занята зависимой ПЕ, субъект управляющего предиката выражается именем в форме дательного падежа (другие косвенные формы сейчас не учитываются). Однако появление такого "дательного субъектного" возможно не при всех предикатах. Имеются "бессубъектные" предикаты, которые не допускают вхождения дательного субъектного – в основном оценочные, например:

(17) ..ехебэрин тухай бодолсо-дог-гүй- $\emptyset$ -мнай хэршье (*манда) зүбтэй юм гэшаб (ГБЯ-2, с.139) – '...о пришлоде не заботимся-что-мы насколько (*нам) правильно (ли)?' (в русском языке предикат "правильно" также не употребляется с дательным субъекта).

Среди предикатов, допускающих вхождение дательного субъектного, различаются: 1) предикаты, у которых обязательно референтное совпадение собственного подлежащего зависимой ПЕ и имени в дательном-местном падеже; 2) предикаты, у которых такое совпадение не обязательно.

1) В конструкциях с предикатами, для которых обязательна ко-референтность между подлежащим зависимой ПЕ и именем в дательном субъектном, приобретает особую значимость лично-притяжательное оформление R^2 :

(18) Гэшүүр өөдө гара-ха- $\emptyset$ -нь тэрээн-дэ хүндэ (БРС, с.623) – 'То, что) по лестнице вверх идёт-он, ему тяжело' (= 'Ему тяжело подниматься по лестнице')

(19) Шэнэ хүнүүд-тэй уулза-ха- $\emptyset$ -мни (намда) бэрхэ-тэй (Бадмаев) – 'С новыми людьми встречаюсь-что-я (мне) трудно' (= 'Мне трудно встречаться с новыми людьми').

В имеющихся у нас примерах позиция подлежащего в зависимой ПЕ при таких предикатах не заполняется; аффиксы личного притя-

жания (показатели лица R^2) одновременно соотносятся и с именем в дательном субъектном. Местоимения I и 2 лица в этой позиции регулярно опускаются – информанты оценивают их как избыточные. Таким образом аффикс личного притяжания I и 2 лица при R^2 может стать единственным средством указания как на производителя действия зависимой части, так и на лицо, по отношению к которому производится оценка. Аффикс 3 л. – при отсутствии в главной части имени в дательном субъектном – придаёт конструкции в целом обобщённо-личное значение:

(20) Шэнэ газарта шэнэ хүнүүдтэй дада-ха- $\emptyset$ -нь өгөөл бэрхэтэй шэнги (Шойд., с.12) – 'В новом месте к новым людям привыкать очень трудно как будто'.

2) В конструкциях с предикатами, для которых не обязательно референтное совпадение подлежащего зависимой ПЕ и имени в дательном субъектном, роль притяжательных показателей несколько иная; они ориентированы только на подлежащее зависимой ПЕ:

(21) Теэд мүнөө Нима-нь элүүр мөндө гэртээ орожо ер-нан- $\emptyset$ -ини Янжама-да ямар өхө найн байгаа (Тум., с.91) – 'Но теперь Нима-её живым-здоровым вернулся-что-он, Янжаме насколько хорошо должно было быть'.

Аналогичные отношения показаны в примерах (13) и (14).

В случае референтного совпадения подлежащего зависимой ПЕ и имени в дательном субъектном при таких предикатах, это последнее не опускается так свободно, как в конструкциях с предикатами первого типа. Поскольку такая кореферентность уже не является обязательным свойством конструкции, она последовательно выражается совпадением личных характеристик соответствующих компонентов главной и зависимой частей:

(22) Мүнөөдэртөө гурбадахи-да-шье хүрэхэ боло-но- $\emptyset$ -м намда өхө (Б-78-4, с.110) – 'Сегодня до-третьей-хоть (бригады) добрался-что-я мне хорошо' (-нон, сингармонический вариант -нан, +м → ном).

Аналогичным образом построены примеры (10)-(12).

В подобных конструкциях аффикс 3 лица при отсутствии опорного имени в дательном субъектном также придаёт фразе обобщённо-личное значение.

(23) Больница-да хэбтэ-ха- $\emptyset$ -нь пун найн юм (Х., с.62) – 'В больнице лежать что хорошего'.

Конструкции этого типа формируют некоторые оценочные предикаты, предикаты со значением эмоционального состояния и формы страдательного залога от информационных глаголов.

Таким образом, роль притяжательных показателей при причастном сказуемом подлежащей конструкции в значительной мере определяется типом главного предиката и строением главной части.

Типы главных предикатов подлежащих конструкций.

Как уже говорилось, подлежащие конструкции формируются, с одной стороны, оценочными предикатами, с другой стороны – предикатами со значением эмоционального состояния и некоторыми залоговыми формами информационных и эмотивных глаголов. Рассмотрим их подробнее.

1. Оценочные предикаты.

В эту группу входят в основном предикативные прилагательные; часть их непроизводна, часть оформлена показателями –тай или –гүй (это словообразовательные суффиксы предикативных прилагательных со значением наличия или отсутствия признака: ср. ая 'приличие, такт', ая-тай 'приличный, пристойный; прилично', ая-гүй – неудобный, неприличный; неудобно'). Сюда же входят некоторые существительные со значением оценки – например, гай тодхор 'несчастье', нүгэл шөбөл 'грех', шалтаг 'причина' и т.п., а также фразеологизмы:

(24) Өө, энээнйш ала-ха-гүй-нэ нохойн наадан лэ (Ябж., с. II) – 'О, этого убить – собачья игра ведь (пустяковое дело)'.

По семантике оценочные предикаты можно разбить на более мелкие подгруппы: этическая оценка (зүб, зүбтэй 'правильно', буруу 'неправильно', таа-гүй 'неприлично', найхашаал-тай 'похвально' и т.п.), эмоциональная оценка (гэнэл-тэй 'опасно', жэг-тэй 'странно' и т.п.), интеллектуальная оценка (эли, эли тодо, эли-тэ 'ясно', мэдэжэ, мэдээ-тэй 'известно' и т.п.), общая качественная оценка (найн, ехэ, гоё 'хорошо, прекрасно', дээрэ 'лучше', муу 'плохо' и т.п.), оценка по значимости (үлүү 'напрасно, зря', шухала 'важно', ээл-тэй 'неважно' и т.п.) и по многим другим параметрам (эртэ 'рано', бэрхэ, бэрхэ-тэй, хэсүү 'трудно, тяжело', хүйтэн 'холодно' и т.п.). Примеры:

(25) Ябан хөөрэлд-өөшэ-гүй-мнай дээрэ баше гү? (Х., с. 47) – 'Поз-

же поговорить-нам не лучше ли?'.

(26) Хажуудань тулажа ерээгүйдөө, эндэ нуманай бие обёор-хо-гүй-нэ тон хэсүү (Шойд., с. 13) – 'К-нему вплотную не-подойдешь-по-ка, там что-то есть – заметить очень трудно'.

(27) ..хунда тунатай нуме хажархи-нан-гүй-минь зэлтэйхэн бай-ха (Х., с. 65) – '..очень полезное что-то сделал-что-он неважно будет'.

Любопытно, что в бурятском языке подлежащие конструкции формируются также словами со значением количественной оценки – үсөөн 'малочисленный; редко', олон 'много', тоо-той 'многочисленный, часто' (в отличие от русского языка, где они выступают в роли обстоятельства при сказуемом, т.е. являются зависимым членом, а не управляющим):

(28) Город нүүжэ ерөнһнээ хойшо түрэл тосхоноо ош-оошо-гүй-минь тоо-той юм (Мунг., с. 28) – 'В город жить переехал после-того-как, в родное селение ехжу-что-я не часто'.

(29) Амитанай ами таһал-хаяа буу таби-на-гүй-минь-шье үсөөн юм (Б-76-1, с. 27) – 'Животное жизни лишить-чтобы выстрел делал-что-я-даже редко'.

(30) ..бодо-хо-гүй-нэ олон болоо (Х., с. 34) – '..думает-что-он много стало' (= 'стал много думать').

Глаголы, образованные от оценочных предикатов, сохраняют способность присоединять подлежащие конструкции:

(31) ..дохол-хо-гүй-нэ бүришье ехэдэнэ (Б-76-4, с. 133) – '..хромание-его всё усиливается' (ехэ 'большой; очень').

(32) ..үхибүүдэй доромжолон наадал-ха-гүй-нэ үсөөрнэ (ГБЯ-2, с. 133-134) – '..ребята унижая дразнят-что-они реже-стало' (= 'ребята реже стали дразнить...').

2. Предикаты со значением эмоционального состояния.

Предикаты этой семантики образуются в основном с помощью суффиксов –тай/-гүй от основ существительных, обозначающих эмоции: гайхал-тай 'удивительно', гайхал-гүй 'неудивительно' (гайхал 'удивление, изумление'); ая-тай 'приятно', ая-гүй 'неприятно', гомдол-той 'обидно', атаа-тай 'завидно', харам-тай 'обидно', эш-хэбтэр 'стыдно' (нерегулярное образование: эшэ-хэ 'стыдиться') и т.п., например:

(33) Энээндэнэ гомдожо, ахир еедэгүй зан абари харуул-нан-гүй-

-инь еер-тэ-нь эшхэотэр байба (Х., с.65) - 'На это (букв. 'это-му') обидевшись, слабый характер показала-что-она самой-ей стыдно было'.

(34) Намай хүлээнгүй үнгэр-нэн-й-инь харамтай (Б-78-3, с.23) - 'Меня не дождавшись, скончался-что-он жалко'.

(35) ..үүдээе хаб-яб хаагаад гара-нан-й-инь аргагүй гомдол-той сайба (Тум., с.91) - '...дверью хлопнув, ушёл-что-он невоз-можно обидно было'.

Некоторые из предикатов со значением эмоционального состояния имеют параллельные глагольные образования, противопоставленные им по признаку действие: состояние и отличающиеся моделью управления. Субъект эмоции у них занимает позицию подлежащего; событие, вызвавшее эмоциональную реакцию, выражается зависимой ПЕ с причастным Р² в форме дательного-местного падежа:

(36) ..хүгшан хоёр хундага коньяк аягалаад, үбгөнөйнгөө архи уу-хаяа нана-нан-да-нь гайха-жа... (Б-76-1, с.61) - 'старушка, в две рюмки коньяк налив, старик вино пить собрался-тому-что-он удивившись...'

Соотношение именительного и дательного падежа зависимой ПЕ в конструкциях оценочной и эмотивной семантики

При описании подлежащих конструкций с предикатами оценочной и эмотивной семантики нельзя не отметить тот факт, что значительная часть этих предикатов имеет вариативное управление - может образовывать конструкции как с именительным (подлежащие), так и с дательным-местным падежом зависимой ПЕ:

(37) ..эсэгынгээ үнэн нүхэр Заята-тай ажаллаха яба-ха-да-нь Золто-до ямар гой гвэшэб! (Б-78-2, с.7) - '...с отца-своего верным другом Заятой работать (дат.-м.п.) (для) Золто (дат.-м.п.) как хорошо ведь!'

(38) Архи уу-ха-да аминда харша (ГБЯ-2, с.126) - 'Водку пить (дат.-м.п.) для здоровья вредно'.

Какого рода различия между этими двумя конструкциями - семантические, стилистические, диалектные и т.п. - мы пока сказать не можем, вопрос требует дополнительного исследования. Интересно, однако, что в пословицах и поговорках используется преимущественно дательный падеж причастной зависимой ПЕ:

(39) Хэлэ-хэ-дэ бэлэн, хэ-хэ-дэ бэрхэ (Шагд., с.95) - 'Говорить легко, (а) сделать трудно'.

Мнения наших информантов по этому поводу расходятся - так, М.Р.Санданова (литературный язык) следующие два предложения оценивала как тождественные по смыслу и одинаково употребимые:

(40) а. Танай нигэжэ хэлэ-хэ-й-тнай намда гайхал-тай 'Вы так говорите-что-вы мне удивительно'

б. Танай нигэжэ хэлэ-хэ-дэ-тнай...

А.Р.Бадмаев (цонгольский диалект) отдавал предпочтение конструкциям с дательным-местным падежом во всех случаях.

Больше того, значительная часть эмотивных предикатов состояния на -тай/-гүй встречена нами в текстах только с зависимой ПЕ в форме дательного-местного падежа (баяртай 'радостно', уй-тай 'скучно', хүүхүү-тэй 'весело', уйдхар-тай 'печально', хашар-тай 'неприятно' и т.п.)

Самые частотные такие предикаты (баяр-тай 'радостно', дур-тай 'любить' - от дуран 'любовь') даже имеют модель управления по глагольному типу - при них возможно собственное подлежащее в именительном падеже и лично-предикативное оформление (для всех остальных это невозможно):

(41) Эрхим хүндэтэ айлшан, танай морион ерэ-нэн-дэ ехэл баяр-тай-оди (Б-78-3, с.40) - 'Глубокоуважаемый гость, вы соизволили приехать-тому-что очень рады-мы'.

(42) Би энэнэй урагштай яба-ха-да саагуураа дуратай агша-б (Тум., с.13) - 'Я, он с удачей ходит-что, в глубине души люблю ведь-я' (= 'В глубине души мне нравится, что ему сопутствует удача').

Нужно проверить, не вызвана ли такая вариативность в оформлении управляемых ПЕ при эмотивных предикатах состояния влиянием конструкций с эмотивными глаголами, где, как уже говорилось, возможен только дательный-местный падеж зависимой ПЕ.

Подлежащие конструкции при залоговых формах эмотивных и информационных глаголов

Формы страдательного залога (-гд-, -л-) от информационных глаголов и допустительного залога (-уул-, -аа-) от эмотивных глаголов, как уже говорилось, требуют постановки управляемой зависимой ПЕ в позицию подлежащего. Отметим, что от эмотивных гла-

голов формы страдательного залога не образуются, поскольку эти глаголы не переходны. От информационных глаголов формы допустительного залога образуются, но при них используются не подлежащие конструкции, а дополнительные – с сохранением винительного падежа зависимой ПЕ.

1. Конструкции с информационными глаголами в страдательном залоге. Частично мы обращались к этому материалу выше, рассматривая закономерности личного оформления подлежащих конструкций. Было отмечено, что субъект информационного глагола при оформлении последнего показателями страдательного залога выражается формой имени в дательном-местном падеже. При отсутствии такого имени конструкция приобретает обобщенно-личное или неопределенно-личное значение.

Мы встретили в текстах примеры с формами страдательного залога от информационных глаголов следующих семантических подгрупп: восприятия информации (слухового и зрительного), разного рода переработки информации, например:

(43) Тэдэнэй хурхиралда-ха, ханяха хаха-жа- ϕ -нь, ургэһэн соогоо хараал шарээл таби-ха- ϕ -нь сонос-то-но (Б-76-4, с.25) – 'Они храпят, давятся кашлем, во сне ругательствами сыплют-что-они слушаются' (сонос-хо 'слушать, слышать').

(44)...үхибүүдэй эхэ-һээ-н эдихэ хоол өржэ, уйладжа һуу-ха- ϕ -нь нидэн-дэ-м хара-гда-хадал гэбэ (Ябж., с.12-13) – '...дети у матерей-своих еду прося, плача сидят-что-они глазам-моим как будто увиделись' (хара-ха 'видеть').

(45)...врачай һануулга хэ-һэн- ϕ -инь марта-гда-на-гүй (Х., с.110) – 'врач предупреждение сделал-что-он не забывается (марта-ха 'забыть').

См. также примеры (1), (7), (14), (16).

Интересно, что глаголы речи в форме страдательного залога в наших материалах не встретились. По свидетельству А.Р.Бадмаева глагол хэлэ-хэ 'говорить' с показателем пассива (хэлэ-гд- 'быть сказанным, говориться') может употребляться только с дополнительной конструкцией – т.е. зависимая ПЕ при пассивизации P^1 сохраняет форму винительного падежа P^2 (в отличие от информационных глаголов других семантических подгрупп, приведенных выше, где P^2 принимает форму именительного падежа). Пример:

(46) Ажалаа һайн болго-х-не суглаан дээрэ хэлэ-гда-ба (Бадмаев) – 'Работу лучше сделать-что на собрании говорилось'.

Информант отмечает "газетный" характер этого примера, подчеркивая, что в обычной речи причастно-падежная конструкция будет заменена на причастно-последложную с последлогом тухай 'о, об': ..һайн болго-хо тухай хэлэгдэбэ 'говорилось о том, чтобы улучшить...'

Имеются также примеры с подлежащими конструкциями при формах страдательного залога не только информационных глаголов, но и других (более редких) переходных глаголов, позицию дополнения при которых может занимать целая ПЕ, а не только слово или словосочетание, например:

(47) Шини эж-д-ээ гэртэхи ажалдань туһал-даг- ϕ -шини намда һайшаа-гда-на (Санданова) – 'Ты матери-своей в домашней работе помогаешь (постоянно)-что-ты мне нравишься' (букв.: 'одобрительно', залоговая форма от һайшаа-ха 'одобрять, считать хорошим').

2. Конструкции с эмотивными глаголами в допустительном залоге. Оформление эмотивного глагола аффиксами допустительного залога (-уул, -аа) может менять его управление двояким способом:

1) по схеме 'он радует меня (тем, что...)';

2) по схеме 'то, что он..., меня радует'.

К теме настоящей статьи относится только второй способ, когда в позицию подлежащего выводится зависимая ПЕ, называющая событие – "объект" эмоции, событие, к которому относится эмотивная реакция. Субъект эмоции, как и в русском языке, смещается в позицию прямого дополнения в винительном падеже (без оформления допустительным залогом такая позиция при эмотивном глаголе невозможна). Примеры:

(48)...орожо эрэ-һэн- ϕ -инь, нэгэ талаһаа, Дамбо-не-шьэ, гү-рүүлэгш-не-шьэ гайх-уул-аа, нүгөө талаһаа, баяс-уул-ба (Х., с.19) – '...приехал-что-он, с одной стороны, и Дамбу, и председателя удивило, с другой стороны, обрадовало'.

(49)...гэнтэ имэ бэлэхэнээр аһалда-һан- ϕ -инь Янжамин дура гут-аа-жа... (Х., с.71) – '...внезапно так легко привязался-что-он Янжамин неприянь вызвало' (дураа гута-ха 'питать антипатию').

Соотношение двух разных типов каузативных конструкций с эмотивными глаголами – отдельный сложный вопрос, и мы не имеем

возможности освещать его здесь.

Эмотивные глаголы без морфологического каузативного оформления, но с каузативным лексическим значением также строят подлежащие конструкции:

(50) Али Майдар-ай дураа гутажа эхид-~~нэн-й~~-инь дайраа гү?
(Х., с.91) - 'Может быть, Майдар неприятно чувствовать начал-
что-он (Жаргала) задело?'

Заключение

Подлежащие конструкции в формальном отношении характеризуются, во-первых, признаками, общими для всех управляемых зависимых ПЕ, во-вторых, отличительными признаками, противопоставляющими их другим управляемым ПЕ. В частности, здесь наблюдается своеобразие в использовании притяжательного оформления зависимой ПЕ, связанное со структурой главной части.

Подлежащие конструкции занимают очень важное место в системе управляемых причастно-падежных конструкций. Их отношения с другими конструкциями этой системы заслуживают самостоятельного изучения; данную статью можно рассматривать как подготовительный этап к такого рода работе.

Литература и примечания.

1) Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979, с.23.

2) В бурятском языковании употребляются параллельно термины "именительный", "неопределённый", "основной падеж" - с некоторыми содержательными различиями, которые для сферы полипредикативного предложения несущественны. Поэтому мы везде употребляем термин "именительный падеж", более привычный для других лингвистических традиций.

3) Черемисина М.И. Предикативное склонение как база зависимой предикации в алтайских языках (настоящий сборник).

4) В конструкциях с информационными глаголами опущение аффиксов притяжания может регулироваться закономерностями, общими для всех зависимых ПЕ: аффикс притяжания необязателен, если в составе зависимой ПЕ имеется собственное подлежащее (в родительном падеже), с которым этот аффикс соотносится: ...мал-ай меералда-ха-й соностоно (Тум., с.5) - '...скот мычит-что слышится

Однако у нас имеется два примера, оба с обобщённо-личным значением, опущение аффиксов притяжания в которых мы объяснить не можем:

Агнахааа урид сагаалса маргэнээр тудадат боло-хо-й шухалдана
(Б-76-1, с.29) - 'Охотиться перед-тем-как, в цель метко попадающим стать важно'.

Эрхимээр хургуулиа дүүргэд, город ерөжө, дэвдэ гү, али дунда хургуулиа оро-хо-й шухала (Б-78-2, с.6) - 'Начальную школу окончив, в город приехав, в высшую или среднюю школу поступить важно'.

По свидетельству А.Р.Бадмаева, в обоих случаях допустима постановка притяжательного аффикса 3 л. -нь с сохранением обобщённо-личного значения примера.

5) Черемисина М.И. Моносубъектная конструкция: понятие и типология. В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980, с.3-23.

6) Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.

7) Скрибник Е.К. Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации. Автореф. канд. дисс., М., 1980.

Список источников

Б. - журнал "Байгал"; через дефисы указываются год и номер издания, например, Б-76-1 - "Байгал", 1976, №1.

БРС - Бурятско-русский словарь под редакцией К.М.Черемисова. М., 1972.

ГБЯ-2 - Т.А.Бертагаев, Ц.Б.Цыдендамбаев. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.

Мунг. - Б.Мунгонов. Хара балхин. Улаан-Удэ, 1971.

Тум. - Ж.Тумунов. Нойрхоо нэриһэн тала. Улаан-Удэ, 1973.

Шагд. - Л.Д.Шагдаров. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улаан-Удэ, 1974.

Шойд. - Б.Шойдоков. Дархан соло. Улаан-Удэ, 1971.

Х. - Ц.-Д.Хамаев. Үүрээр ерөһөн үер. Улаан-Удэ, 1975.

Цыб. - Р.Цыб-жов. Уулзалга. Улаан-Удэ, 1973.

Цыд. - Ц.-Ж.Ц.Цыдыпов. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улаан-Удэ, 1972.

Ябж. - Б.Н.Ябжанов. Майтагсаан. Улаан-Удэ, 1971.

И. П. Сорокина

ЗАВИСИМЫЕ ПРЕДИКАТЫ С ПАДЕЖНЫМИ ФОРМАНТАМИ В ЭНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксис сложного предложения в самодийских языках не разработан. Единственная работа по синтаксису самодийских языков посвящена простому предложению. В этой работе имеется небольшой раздел, посвященный простым осложненным предложениям, т.е. предложениям с особыми синтаксическими конструкциями, которые "по своей структуре являются простыми, но по значению близки к сложным — при их помощи обозначаются связанные между собой действия, одно из которых является главным, а другое — подчиненным".¹

В зависимости от организующего их члена выделяются синтаксические конструкции трех типов: именные, причастные, деепричастные. Дальнейшая классификация конструкций внутри этих групп не проводилась.

Специальный анализ этих конструкций на материале энецкого языка показал, что в каждой из трех названных групп могут быть выделены конструкции, которые являются аналогами придаточных предложений и, таким образом, предложения с этими конструкциями можно рассматривать как полипредикативные сложно-подчиненные предложения. Этот вывод был сделан в результате морфологического анализа отглагольных имен, причастий и деепричастий энецкого языка, участвующих в качестве организующих членов в особых синтаксических конструкциях. Было обнаружено, что некоторые из них по своей морфологической структуре сложнее, чем другие — они имеют специальные показатели синтаксической связи, которые указывают на зависимое положение этих предикативных слов в предложении.

Показателями синтаксической связи между зависимой и главной частями полипредикативного комплекса являются падежные форманты и их эквиваленты. Формы, осложненные этими показателями

и конструкции, порождаемые ими, являются предметом настоящей статьи.

Прежде чем переходить к анализу полипредикативных конструкций интересующего нас типа, коснемся очень кратко морфологического устройства имени существительного.

В соответствии с традиционной точкой зрения имя существительное наряду с категорией падежа имеет и категорию притяжания. Падежи делятся на субъектно-объектные и локативные, которых в энецком языке четыре (дательный, местно-творительный, отложительный, продолжный). Категория притяжания, показатели которой в линейной структуре словоформы следуют непосредственно за падежными и замыкают словоформу справа, сформировались с нашей точки зрения на базе прямого и косвенного противопоставления. Показатели прямого притяжания оформляют субъектно-объектные падежи, показатели косвенного притяжания — локативные падежи. Показатели прямого притяжания материально совпадают с показателями одного из типов (а именно П-го субъектно-объектного) спряжения глагола:

камозу=й	мой дом	каза=й	я убил его одного
камозу=р	твой дом	каза=р	ты убил его одного
камозу=за	его дом	каза=за	он убил его одного

Показатели косвенного притяжания имеют иное материальное выражение:

камозу=хуз=у=нь	из моего дома
камозу=хуз=у=д	из твоего дома
камозу=хуз=у=да	из его дома

В притяжательной парадигме выделяется специальный набор показателей для единственного, двойственного и множественного чисел обладателя, которые мы здесь в целях экономии места не приводим.

Высказанная нами точка зрения на категорию притяжательности отличается от традиционной. В соответствии с последней показатели косвенного притяжания рассматриваются как падежные показатели /а именно как показатели родительного падежа/. Тем самым в приведенных выше примерах имеет место сочетание двух падежных аффиксов в одной словоформе: отложитель-

ного - показатель =хуз и показателей =нь, =д, =да, которые рассматриваются как притяжательные аффиксы родительного падежа.

Подобная трактовка этих форм вступает в некоторое противоречие с общепринятыми представлениями о грамматической категории. В соответствии с ними в одной словоформе не могут сочетаться два или более показателя одной и той же грамматической категории.

В результате анализа полипредикативных конструкций, в которых зависимыми предикатами выступают отглагольные имена, причастия и деепричастия, было обнаружено, что эти зависимые предикаты оформляются аффиксами косвенного притяжения. В формах зависимых предикатов эти аффиксы занимают позицию после падежных, замыкают словоформу справа, и тем самым морфологическая структура зависимых предикатов идентична структуре именных словоформ. Эта идентичность позволила сопоставить их друг с другом и обнаружить, что эта структурная оформленность связана с особенностями передаваемых этими зависимыми предикатами значений, что и позволило выделить их из общей массы предложений с особыми синтаксическими конструкциями.

Непосредственно предметом анализа послужили предложения с синтаксическими конструкциями, которые представляют собой полипредикативные структуры, состоящие из главной и зависимой части. Предикативным центром главной части является независимый предикат, выраженный финитным глаголом в одной из личных форм. Предикативным центром зависимой части является зависимый (неконечный) предикат, который может быть выражен отглагольным именем, причастием, деепричастием.

Отглагольное имя в роли зависимого предиката.

Термин "отглагольное имя" традиционный. Отглагольные имена могут образовываться от глагольных корней при помощи различных словообразовательных аффиксов. В роли зависимого предиката может выступать только одна из разновидностей отглагольных имен. Структура этого отглагольного имени такова: корень + показатель падежа + аффиксы косвенного притяжения. Иногда между корнем и падежным аффиксом появляется еще один гласный, морфологический статус которого пока неясен, поэто-

му мы рассматриваем эти отглагольные имена как формы, не имеющие специальных основообразующих показателей.

Отглагольные имена в роли зависимого предиката могут быть оформлены только одним падежом - отложительным. Аффиксы косвенного притяжения могут быть представлены полной парадигмой. Рассмотрим энецкое полипредикативное предложение с зависимым предикатом, оформленным отглагольным именем:

Аба но=хуз=у=да, бу пушку=д ми=и=за.

Куропаток наловил=после=того=как=он, он пушник=у отдал=их =многих=он.

После=того=как=он наловил куропаток, он их=отдал пушнику.

В данном примере морфологическая структура зависимого предиката но=хуз=у=да - после=того=как=он наловил - такова: но - основа глагола но=сь - наловить; =хуз - показатель отложительного падежа; =у - соединительный гласный, не несущий никакой грамматической нагрузки (в энецком языке стечение двух согласных довольно редкое явление); =да - показатель третьего лица, ед. числа косвенного притяжения.

Морфологическая структура главного предиката имеет следующий вид: ми - основа глагола ми=ть - отдать; =и - показатель множественного числа объекта субъектно-объектного типа спряжения (их многих); =за - показатель третьего лица ед. числа субъекта субъектно-объектного типа спряжения /он/; (букв. перевод главного предиката ми=и=за - отдал их многим он).

Рассмотрим еще ряд примеров с отглагольными именами:

Очь поса=хаз=у=да тэ баны=з'. (1)

Есть кончил=после=того=как=он, олень прилег.

После=того=как=кончил есть, олень прилег.

Чики энчи модэ=хаз=у=нь нода то=з'. (2)

Этого человека увидела после=того=как=я к нему подошла=я.

После=того=как=я=увидела этого человека, я к нему подошла

Модь кани=хаз=у=нь не "кодиби=зу=чь. (3)

Я ушел=после=того=как=я дети=заснули=они=прош.в.

После=того=как=я=ушел, дети заснули.

Арума=хуз=у=да модьна усу=хуз кани=ба. (4)

Вырос=после=того=как=он мы поселка=из уехали=мы.

После=того=как=он=вырос, мы уехали из поселка.

В приведенных примерах первые два предложения (1), (2) – моносубъектные конструкции, два последних (3), (4) – разнотелые конструкции. Нетрудно заметить, что личные показатели зависимых и главных предикатов во всех случаях материально различны. Отглагольное имя в роли зависимого предиката во всех приведенных выше примерах обозначает действие, предшествующее главному.

Причастие в роли зависимого предиката.

Причастие энецкого языка не являлось до сих пор предметом специального анализа. Причастие может быть образовано от любой глагольной основы (как производной, так и непроизводной²) при помощи различных аффиксов, которые внутри категории причастия по предварительным данным могут рассматриваться как показатели различной временной соотношенности. Не останавливаясь на классификации данных аффиксов, укажем, что в оформлении причастий в роли зависимых предикатов участвует только один из них, а именно – аффикс неопределенного времени причастий =за/=да. Непосредственно за этим аффиксом в структуре словоформы зависимого предиката следует падежный показатель. Так же, как и в предыдущем случае, причастие в роли зависимого предиката может быть оформлено только одним падежом, но уже не отложительным, а дательным. Замыкается данная словоформа теми же аффиксами косвенной принадлежности, что и в рассмотренных выше зависимых предикатах с отглагольными именами.

Рассмотрим энецкое полипредикативное предложение с зависимым предикатом, оформленным причастием неопределенного времени:

Модь коди=за=ху=нь бу тол кеод ади.

Я спала=пока=я она стола у сидела.

Пока=я=спала, она сидела около стола.

Морфологическая структура зависимого предиката коди=за=ху=нь – пока=я=спала – такова: коди – корень глагола

коди=сь – спать; =за – показатель причастия; =ху – показатель дательного падежа; =нь – показатель I-го лица ед. числа косвенного притяжания.

Рассмотрим еще ряд примеров:

Ади=да=ху=нь модь паги созо=з. (5)

Сидела=пока=я, я парку сшила.

Пока=я=сидела, я парку сшила.

Биз бар=хон дири=да=ху=да бу оду ме. (6)

Воды берегу=на жил=пока=он он лодку сделал.

Пока он на берегу реки жил, он лодку сделал.

Модь лабка=д дязу=да=ху=нь, бем то. (7)

Я магазин=в ходила=пока=я начальник пришел.

Пока=я=ходила в магазин, начальник пришел.

Тэ базти=за=ху=да, дёха=д кани=з. (8)

Олень лежал=пока=он реке=к пошла=я.

Пока=олень=лежал, я пошла к реке.

В данных примерах первые два (5), (6) – монотелые конструкции, два последних (7), (8) – разнотелые конструкции. Личные показатели зависимых и главных предикатов и в монотелых и в разнотелых конструкциях материально различны.

Причастие в роли зависимого предиката обозначает действие, которое протекает одновременно с главным.

Сопоставление конструкций с отглагольными именами и с причастиями в роли зависимых предикатов показало полную идентичность их морфологического устройства /корень + падеж + личный показатель/. Различие между ними заключается в передаваемых значениях. Если первая конструкция передает зависимое действие, которое закончилось к моменту совершения главного, то вторая – передает действие, которое не окончилось к моменту совершения главного, а протекает одновременно с ним. Тем самым эти полипредикативные комплексы в целом можно противопоставлять друг другу как формы настоящего и прошедшего времени.

Деепричастие в роли зависимого предиката.

Полипредикативные конструкции с деепричастиями являются

несколько отличными от рассмотренных выше как по морфологической структуре предикативного центра, так и по характеру передаваемых им значений.

Деепричастие энецкого языка имеет две формы – неопределенную и условную. Неопределенная форма /показатель =сб/ не представляет для нас в данном случае интереса, т.к. она полностью тяготеет к главному глаголу и не принимает никаких показателей, кроме собственно деепричастных (поэтому она здесь не рассматривается.) Что же касается условной формы /показатель =б/, то единственной ее функцией в языке является оформление зависимых предикатов. Она никогда не может быть конечным сказуемым, а в роли зависимого предиката, как показал материал, его употребление является наиболее продуктивным и частотным.

Морфологическая структура деепричастия в роли зависимого предиката такова: корень + показатель деепричастия + аффиксы косвенного притяжания.

Условное деепричастие может быть личным и безличным. Безличными деепричастиями оформляются специфические конструкции типа инструкций, призывов, которые в силу того, что энецкий язык бесписьменный, в устной речи употребляются довольно редко:

Сойзан мосра=б сойзан дире=да.

Хорошо работать=если хорошо жить=буд.вр.

Если хорошо работать, будешь хорошо жить.

Тэ² модэ=б буду сойзан ару=да.

Олени смотреть=если они хорошо расти=буд.вр.

Если смотреть за оленями, они будут хорошо расти.

В основном в речи в роли зависимого предиката употребляется личнооформленное условное деепричастие. Рассмотрим энецкое полипредикативное предложение с зависимым предикатом – деепричастием:

Дара=б=у=да, модь писижа=з.

Плачет=если=она я смеюсь=я.

Если она плачет, я смеюсь.

Морфологическая структура зависимого предиката такова:

дара= – корень глагола дара=сб – плакать; =б – показатель условной формы деепричастия; =у – соединительный гласный; =да – личный показатель 3-го лица ед.числа зависимого предиката.

Личное оформление главного предиката, как и в предыдущих случаях, материально не совпадает с лицом субъекта зависимого предиката: писижа=з – смеюсь я /I-е лицо ед.число субъектного типа спряжения/.

Рассмотрим еще ряд примеров:

Ару=б=у=та школу=д кан=та. (9)

Вырастет=когда=он школу=в пойдет=буд.вр.

Когда он вырастет, он пойдет в школу.

Ноичь кани=б=у=д дёха=д то=зо=д. (10)

Прямо пойдешь=если=ты реке=к придешь=буд.вр.=ты.

Если ты пойдешь прямо, ты придешь к реке.

Дена=ан пухзу=да пони=б=у=та модь сита му=да=з. (11)

Спокойно=по тело=свое держать=если=будешь=ты, я тебя возьму=буд.вр.

Если ты хорошо себя вести будешь, я тебя возьму.

Чики лубаха колта=б=у=д модь сит пе=д нобза=да=з. (12)

Это белье постираешь=если=ты я тебя улицу=на пуцу=буд.вр.=я.

Если ты это белье постираешь, я тебя на=улицу пуцу.

В данных примерах в первых двух предложениях (9), (10) в обеих частях полипредикативного комплекса один логический субъект – моносубъектные конструкции, в двух последних предложениях (11), (12) разные субъекты – разносубъектные конструкции. Личные показатели зависимых и главных предикатов во всех случаях материально различны.

Рассмотрим еще два предложения, которые с нашей точки зрения заслуживают внимания:

Модь сезур каза=б=у=й=нь коба=да пела=бу=сб.

Я песца убил=когда=пр.вр.=я шкуру=его растянул=я=прош.в.

Когда=я=убил песца, я шкуру растянул.

Модь то=б=у=й=нь бу коди=сб.

Я пришел=когда=прош.вр.=я он спал=прош.вр.

Когда=я=пришел, он спал.

В силу того, что условное деепричастие занимает особое место в выражении зависимого предиката, эта форма имеет свои субкатегории, а именно категорию времени самого зависимого предиката. В морфологической структуре деепричастия в двух последних предложениях прослеживается морфема =й, которая может быть трактована как показатель прошедшего времени самого зависимого предиката. На этом основании можно говорить, что в некоторых случаях ему противопоставляется в деепричастии нулевой показатель настоящего времени. Эти два показателя в самой форме зависимого предиката, а не в семантике зависимой части сигнализируют о том, что зависимое действие совершенно в прошлом или происходит в настоящем. Следует заметить, что появление этих временных показателей в зависимом предикате влечет за собой появление соответствующих временных показателей в главном предикате, т.е. налицо согласование времени:

Коди=б=у=й=да модь то=зу=чь.

Спал=когда=прош.вр.=он я пришел=я=прош.вр.

Когда он спал, я пришел.

Коди=б=у=б=нь сий из нэрта=б.

Сплю=когда=я меня не буди.

Если я сплю, меня не буди.

В первом предложении =й в зависимом предикате – показатель прошедшего времени, =чь в главном предикате – тоже показатель прошедшего времени. Во втором предложении =б – настоящее время зависимого предиката, которому соответствует =б настоящего времени главного предиката. Деепричастие энецкого языка до сих пор подробно не описано, поэтому вопрос о наличии времен зависимого предиката требует еще дополнительной доработки и анализа.

Будущее время в структуре зависимого предиката не имеет морфологического выражения, т.к. весь деепричастный полипредикативный комплекс в целом передает значение будущего времени. Обращает на себя внимание, что в структуре главного

предиката всегда присутствует морфологически выраженный показатель будущего времени =д/=т/=з /см.выше примеры (9), (10), (11), (12)./

Сопоставление деепричастной конструкции с двумя рассмотренными выше наглядно показывает, что эта последняя соотносится с ними как форма будущего времени с формами прошедшего и настоящего соответственно.

Рассмотрев три типа конструкций зависимого предиката можно констатировать структурную идентичность рассмотренных выше подклассов глагольных слов, выступающих в роли зависимого предиката, – отглагольного имени, причастия, деепричастия.

Важнейшим элементом морфологической структуры этих слов является показатель синтаксической зависимости, в роли которого для отглагольного имени и причастия выступает падежный аффикс, а для деепричастия – специфический показатель, не имеющий других функций. Они служат для связи двух частей полипредикативного комплекса – главной и зависимой – и являются функциональными аналогами союзных слов.

Предыдущий анализ показал также, что все эти аффиксы могут быть противопоставлены друг другу как члены парадигмы времени.

Именно это дает основание рассматривать эти аффиксы в одном ряду несмотря на их кажущуюся несводимость (аффиксов падежей и аффиксов деепричастия). Поэтому при морфологическом анализе есть все основания рассматривать эти аффиксы как элементы одного порядка.

Сказанное может быть суммировано в виде следующей таблицы:

Порядки	0	I	2	3
	Е Н Ъ	Словообразовательные аффиксы	Показатели синтаксической зависимости	Грамматическое лицо субъекта зависимого предиката
	К О Р	=за/=да	=хаз =ху =б	1л. =нь 2л. =д 3л. =да

Крайний правый порядок занят аффиксами лица субъекта зависимого предиката. Из предыдущего изложения ясно, что эти аффиксы полностью идентичны именным аффиксам, которые нами определены как показатели косвенного притяжания. Аффиксы косвенного притяжания противопоставлялись аффиксам субъектно-объектного притяжания, которые совпадают с личными формами финитного глагола /примеры см. выше/.

Не случаен тот факт, что аффиксы косвенного притяжания, сочетаясь с глагольными основами, оформляют именно зависимый, а не главный предикат и обозначают и в имени и в глаголе одно и то же, а именно – лицо (в классе имени это лицо обладателя, а в классе глагола это лицо субъекта зависимого предиката/.

В заключение следует подчеркнуть, что данная работа является первой попыткой анализа сложного предложения энецкого языка и не претендует на полноту охвата материала и окончательность формулировок.

Автор выражает благодарность А.П.Володину, прочитавшему рукопись и сделавшему ряд полезных замечаний.

Литература и примечания

1. Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973.

2. Сорокина И.П. Морфологическая структура глагола энецкого языка. Сов. финно-угровед., 1977, 3.

Н.Б.Вахтин

ЗАВИСИМЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ПОЗИЦИИ ДОПОЛНЕНИЯ В ЭСКИМОССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Особенности функционирования падежных форм в синтаксисе сложного предложения эскимосского языка и шире – сам синтаксис сложного предложения – это область эскимосской грамматики, описанная очень мало. Некоторые сведения по этому вопросу можно найти в морфологических работах по эскимосскому языку¹, поскольку исследователь, описывающий "полисинтетическую" эскимосскую морфологию, неизбежно выходит в смежные области; кроме того, сложному предложению посвящен один из разделов неопубликованной пока работы Г.А.Меновщикова "Структура предложения в эскимосском языке".

Данная работа базируется на полевом материале, собранном нами в экспедиционный сезон 1980 года на Чукотке. Задачей работы является предварительное описание одного из типов эскимосских сложных предложений, эквивалентного русскому сложноподчиненному предложению с придаточным дополнительным.²

2. Эскимосский язык имеет эргативную падежную систему: прямое дополнение при переходном глаголе оформляется тем же падежом, что и подлежащее при непереходном глаголе (абсолютным падежом), а подлежащее при переходном глаголе оформляется относительным падежом. Глаголы имеют два типа согласования с главными именными членами: либо только с подлежащим ("субъектные" глаголы), либо и с подлежащим, и с прямым дополнением ("субъектно-объектные" глаголы). Позиция дополнения в абсолютном падеже может в ряде случаев заполняться не именем, а зависимой предикативной единицей (ПЕ); эти и смежные случаи рассматриваются в данной статье.

3. Основным способом выражения зависимой предикации в эскимосском языке является так называемое "деепричастие", или ина-

че "глагол зависимого действия", "глагол зависимого наклонения". Термин деепричастие удобен своей краткостью, поэтому в данной работе используется именно он. Выражение сказуемого зависимого действия является практически единственной функцией деепричастия. Эскимосское деепричастие имеет следующую морфологическую структуру:

КОРЕНЬ + ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ СУФФИКС + ПОКАЗАТЕЛЬ ЛИЦА

Деепричастный суффикс - это морфема, указывающая на значение деепричастия, на отношение зависимой ПЕ и главной ПЕ. Эти отношения могут быть временные (одновременные или разновременные), условные, противительные и др. ³ Примеры деепричастий:

- (1) Аңни=ку=вык мынтыҕамтын
болеть=условн.=Зед. дома=будь=ты
"Если ты болен, сиди дома"
- (2) Иҕа=малу=ҕа хуани кийах=ды=ку=ҕа
учиться=деепр. времени=Зед здесь жить=буд.=интр.=Зед
"Пока я учусь, здесь буду жить"
- (3) Таҕи=найука=ма дҕа ақуму=ма=к мынтыҕа=ми
приходить=предполож.деепр.=Зед он сидеть=прош.=Зед
дом=местн.пад.
"Ожидая, что я приду, он сидел дома"
- (4) Аныста=фагила=вык дҕа ақумумақ мынтыҕами
уводить=условно-ограничит.деепр.=Зед.объекта /.../
"Пока не увели тебя, он сидел дома"
- (5) Аңйақ таҕла=ҕа=ҕми дҕа ақумумақ мынтыҕами
лодка возвращаться=противительн.деепр.=Зед /.../
"Лодка хотя и вернулась, он сидел дома"

4. Другой способ выражения зависимых ПЕ - это причастия или имена действия:

- (6) Мурууниҕ=йахқа=тын саҕиклутын камыхкаҕнаҕигаллутын
охотник=прич.долженств.=Зед /.../
"Ты долженствующий стать охотником постарайся добыть обувь" (или: "Так как ты должен стать охотником...")
- (7) Мыкылҕиҕақ пиниҕиҕа=ку=к қайуҕдақ нутан уми уксуми
игаҕ=йахқа=к
мальчик рад=интранз.Зед так как только в этом году учиться=прич.долженств.Зед
"Мальчик рад, так как уже в этом году пойдет учиться"

5. Случаи, когда две ПЕ в одном (сложносочиненном или сложноподчиненном) предложении обе имеют в качестве сказуемого финитные глаголы, в языке есть, но очень редки. Русские предложения типа Он вышел и увидел меня будут переведены не сочетанием двух финитных форм (8), хотя такое предложение не противоречит законам грамматического строя эскимосского языка и вполне понятно носителям, а сочетанием деепричастия с финитным глаголом (9):

- (8) Ануқ ынкам схаҕаҕа "Вышел он и увидел он меня"
- (9) Анлуни, схаҕаҕа "Выйдя, увидел он меня"

6. В нашем материале встретились следующие глаголы, имеющие при себе зависимые ПЕ - придаточные дополнительные (приводятся только глагольные основы без возможных словообразовательных суффиксов): аутката= "жалеть", айгуҕика= "не верить", алиҕа= "бояться", ига= "писать", лиҕи= "догадываться", лиси-мака= "знать", наҕаку= "слышать, узнавать", надука= "не помнить, не знать", ныҕаҕ= "вспоминать", пуйга= "забывать", пыңыҕ= "тревожиться", сумыхтаҕа= "думать", уңипа= "говорить, рассказывать".

7. Количественное соотношение типов оформления сказуемого зависимой ПЕ - придаточного дополнительного следующее: деепричастие (как и следовало ожидать) - 55%, причастие и имя действия прибол. 25%. Неожиданно высоким оказался процент выражения сказуемого зависимой ПЕ финитным глаголом (средство, традиционно считающееся в языке маргинальным) - 17,5%. 2,5% составляют единичные и неясные случаи.

8. Формальное выражение связи главной и зависимой ПЕ.

8.1. В предложениях, где зависимая ПЕ "свернута" в одно (причастное или отглагольное-именное) слово, сказуемое главной ПЕ, как правило, представляет собой субъектно-объектный глагол с согласовательными показателями субъекта соответствующего лица и объекта 3 лица (или реже других лиц):

- (I0) Лисимака=қа утыҕуниҕ=йахқа=к унами
знать=Зед-Зед возвращаться=прич.долженств.=Зед. завтра
"Я знаю, что он должен вернуться завтра"
- (II) Пуйгуңуаҕу=ма=қа таҕидыхқа=н
забывать=прош.=Зед.-Зед. приход=твой

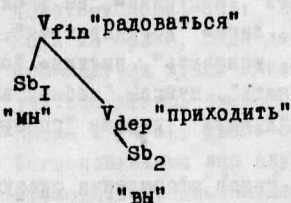
"Я забыл, что ты собирался прийти"

- (12) Куйакнихтака-хпут тагидху-си
радоваться-1мн-Зед приход-ваш
"Мы очень рады, что вы пришли"

- (13) Надук-сага-нка икалугу-т кавакниугу-т аххысталхуани
знать-отриц.-1ед-3мн рыба-мн спящий-мн на мелководье
"Я не знал, что рыбы ночуют на мелководье"

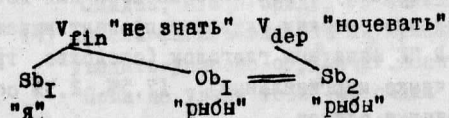
- (14) Лисимака-мкын утыгнугу-йахха-тын
знать-1ед-2ед возвращаться-прич.долженств.-2ед
"Я знаю, что ты вернешься"

В терминах зависимостей структура этих предложений имеет следующий вид (даем в качестве примера графы для предложений (12) и (13):

Здесь объектная валентность финитного глагола на абсолютный падеж заполнена непосредственно зависимым предикатом (именем действия); никаких других кандидатов на заполнение формально выраженной в

глаголе объектной валентности обнаружить не удается.

Здесь формальные связи главного и зависимого предикатов выражены через общий актанта: объектная валентность финитного глагола на Эл.мн.ч. заполнена

словом икалугу "рыбы", и это же слово является подлежащим при зависимом предикате, выраженном причастием.

Глагол-сказуемое главной ПЕ согласован, таким образом, либо с субъектом зависимой ПЕ (=объекту главной ПЕ), как в (13) и (14), либо с самим зависимым действием, выраженным в субстантивированной форме имени действия с притяжательным показателем, как в (11) и (12). Согласование во всех случаях происходит через объектный показатель.

В (10), где лицо/число причастия и субъекта зависимого действия совпадает (оба - Зед), определить, с чем согласован главный глагол, не удастся. Здесь возможны две трактовки:

а) "я знаю его долженствующего вернуться", или б) "я знаю его предстоящее возвращение". По аналогии с (14) скорее всего верна первая трактовка.

8.2. В предложениях, где сказуемое зависимой ПЕ выражено деепричастием или финитным глаголом, сказуемое главного предложения может быть как субъектно-объектным, так и субъективным.

8.2.1. В случае субъектно-объектного глагола связь главной и зависимой ПЕ осуществляется уже знакомым способом: объектный показатель репрезентирует валентность на абсолютный падеж, заполняемую зависимым предикатом:

- (15) Ныканугунакаху-ти-гу нани униси-гу насапра-н
вспомнить-импер.-2ед-Зед где оставить-2ед-Зед шапка-
=твоя

"Постарайся вспомнить, где ты оставил шапку"

- (16) Пуйгу-ма-жа схапака-хпут тана картина
забывать-прош.-1ед-Зед видеть-1мн-Зед эту картину
"Я забыл, что мы видели эту картину"

- (17) Кинарахам надукуфта-нани кийагутау-а
никто не знать-Зед-Зед где жить-Зед
"Никто не знает, где он живет"

8.2.2. В случаях, когда глагол-сказуемое главного предложения - субъективный, связь его с зависимой ПЕ осуществляется при помощи введения в последний суффикса =ни= - суффикса так называемых "пересказывательных" глаголов, или "глаголов передачи чужой речи"⁴:

- (18) Ата-м-нун ига-ма-жа кыпхаху-лы-к-ни-лу-тын город-ми
отец-мой-дат. писать-прош.-1ед работать-буд.-мол-
=дееприч.-2ед город-местн.

"Я написал отцу, что ты будешь работать в городе"

- (19) Нагаку-ма-жа кантагакун агулак-нак-ни-лу-тын
слышать-прош.-1ед скоро уезжать-намерен.-мол-деепр.-
=2ед.

"Я слышал, что ты скоро собираешься уезжать"

Подробнее о формах с суффиксом =ни= - см. ниже пункт 9.

8.2.3. Есть примеры, когда пересказывательный суффикс присоединяется к зависимому глаголу при главном глаголе - субъектно-объектном (20); и обратно, когда он не присоединяется к

зависимому глаголу при субъектном главном (21):

(20) Нагаку=ма=икын агулақ=нақ=ни=лу=тын
слышать=прош.=1ед-2ед уезжать=намерен.=мол=деепр.=2ед
(перевод тот же, что в (19))

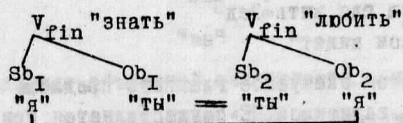
(21) На=на алину=ма=к ифкақ=найука=н
мать=его бояться=прош.=3ед падать=предполож.деепр.=
=3ед.

"Его мать боялась, как бы он не упал (= что он упадет)"

8.3. В некоторых случаях связь главной и зависимой ПЕ осуществляется не на формальном, а на смысловом уровне: все валентности главного и зависимого глаголов заполнены своими актантами, и формально они не связаны, ср. (22):

(22) Лисимака=м=кын пиникақа=хпн=жа
знать=1ед-2ед любить=2ед=1ед
"Я знаю, что ты меня любишь"

В этих случаях главный и зависимый глаголы связаны между собой, поскольку они имеют общий набор актантов:

В отличие от (13), дополнение главного и подлежащее зависимого глаголов здесь не могут

быть объединены в одно лексически выраженное местоимение, поскольку возникло бы неразрешимое противоречие с точки зрения падежного оформления: дополнение должно стоять в абсолютном падеже, а подлежащее – в относительном; объединение этих двух элементов по правилам эргативного строя невозможно. (Ср. аналогию в русском: *Петр_{вин} ударило током и упал – невозможно, так как невозможно соотнести Д_{вин} и П_{им}, в отличие от Петья получил удар током и упал – возможно соотнести два П_{им}).

9. Наиболее интересным, как нам кажется, является уже упомянутый выше тип формальной связи главной и зависимой ПЕ, когда зависимый предикат имеет в своей структуре суффикс =ни=. Глаголы с суффиксом =ни= могут употребляться и изолированно, в функции сказуемых простого предложения (ср.(23)); они имеют в языке только субъектно-объектные формы, причем только с 3л субъекта; объект речи (тот, о ком говорят) оформлен в них как прямой объект:

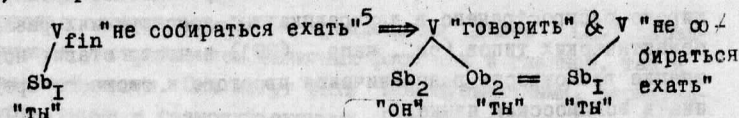
(23) Лған лык агулақ=на=ни=ни=қа=тын
Он_{сб} ты_{об} ехать=намерен.=отриц.=мол=транз.=3ед-2ед
"Он о тебе говорит, что ты не собираешься уезжать"

Суффикс =ни= имеет, следовательно, довольно любопытную функцию: он переключает валентность глагола с субъекта и объекта действия на субъект и объект речи:

(24) агулақ=на=ни=ку=тын
ехать=намерен.=отриц.=интранз.=2ед.Сб
"ты не собираешься уезжать"

(25) агулақ=на=ни=ни=қа=тын
ехать=намерен.=отриц.=мол=транз.=3ед.Сб-2ед.Об
"Он сообщает о тебе, что ты не собираешься ехать"

или, в терминах зависимостей –

Значение суффикса =ни=, таким образом, чисто предикатное, причем этот предикат имеет две валентности: на субъект речи и на объект речи, одновременно являющийся субъектом действия.

Поскольку, кроме "предиката" =ни=, в предложениях (26), (28) и др. уже есть предикаты со значением речи (глаголы-сказуемые главных ПЕ), то в этом смысле можно говорить о дублировании в суффиксе =ни= значения главного предиката.

(26) Уңипаси=ма=қа нулихқа кино=йағ=на=ни=ни=лу=жа
говорить=прош.=1ед-3ед кино=идти в=намерен.=отриц.=
=мол=деепр.=1ед

"Я сказал жене, что не собираюсь идти в кино"

В (26) в значении зависимой ПЕ уже присутствует ("продублировано") значение "сказал, что, ..", которое является основным лексическим значением главного глагола. При формальной зависимости подобных ПЕ (выраженность деепричастием, т.е. формой, не способной оформлять сказуемое независимого предложения), они оказываются семантически относительно независимыми: значение главного глагола в некотором смысле избыточно.

Подобное дублирование значения главного глагола в зависимой,

кроме относительно простого (27), может быть осложнено различными модальными суффиксами, например модальность долженствования (28), модальность намерения (19), (23), (26) и др.:

(27) Игивгаз авутката=ма=кут аниага=ма=ни=лу=тын
вчера жалеть=прош.=Имн уходить=прош.=мол=деепр.=Зед
первым

"Вчера мы жалели, что ты ушел раньше всех"

(28) Лисимака=да угика утих=саха=ни=лу=ку
знать=Зед-Зед муж возвращаться=долженств.=мол=деепр=
=Зед.

"Я знаю, что муж (обязательно) вернется"

10. Проблема дублирования значения главного глагола в зависимом выводит нас за рамки дополнительных придаточных. Это - проблема более широкого плана, поскольку подобное дублирование широко распространено в двупредикатных конструкциях различных семантических типов (см., напр., (29)) и часто ставит под сомнение возможность разграничения простого и сложного предложения в эскимосском языке:

(29) Дилама=Ø тагитн=скы=лу=ку сифлугаг
послал=Зед-Зед принести=кауз.=деепр.=Зед.Об ружье
"Он послал его принести ружье" (букв.: "он послал его,
говоря принести ружье").

Примечания:

¹ Г.А.Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов.
часть 2, М.-Л., 1967.

² Приношу свою искреннюю благодарность сотрудникам Новосибирского ИИЯ СО АН СССР, благодаря любезности которых я получил возможность воспользоваться при сборе материала составленными ими анкетами.

³ Подробно о деепричастии см. Г.А.Меновщиков, ук.соч., стр. 136-176.

⁴ См. Г.А.Меновщиков, ук.соч., стр. 120-122.

⁵ Для простоты этот сложный глагол рассматривается здесь как один предикат, хотя реально его структура сложнее.

Н.М.Гришина

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПОСЛЕДОВЫМ СЛОВОМ БАҢ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Кетские сложноподчиненные предложения (далее - СПП) характеризуются употреблением финитных форм как в главной, так и в зависимой части. Они могут быть моносубъектными, вариативно-субъектными и разносубъектными. При отсутствии формально выраженного подлежащего включение специальных показателей субъекта в глагольную словоформу обязательно. При этом может маркироваться не только лицо, но род, класс и число субъекта¹). Например:

ду:-ть ⁰ :л'	"он-мерзнет-(ть ⁰ :л' мерзлый)";
дъ:-ть ⁰ :л!	"она-мерзнет";
бим-ть ⁰ :л'	"это-мерзнет";
ба-хис-са:л	"я-ночую" (са:л "ночевать").
дъ-ц-гис-са:л	"мы-ночуем"

Кетские СПП в зависимости от формальных показателей связи, которые примыкают постпозитивно к предикату придаточного предложения, подразделяются на два типа: синтетический и аналитический. Синтетическими СПП называются такие полипредикативные конструкции (далее - ППК), зависимая часть которых подчиняется главной посредством падежных показателей. Например:

когда иксібес'-ка, коне с'и сиегк
(ка - показатель местно-временного падежа).

Под аналитическими СПП в кетском языке подразумеваются ППК, формальным показателем связи которых являются послеложные слова и послелогои²). Например:

һып ду-у обок кь⁰ уе, бу д-икс'ебес'
"сына он-найдет когда, он он-придет" (кь⁰ уе - послеложное слово).

В настоящей работе рассматриваются ППК, образуемые посредством послеложного слова баң. Как самостоятельное слово баң употребляется в кетском языке в значении "место, время"³⁾, т.е. для выражения общего понятия пространства. На необычайный полисемантизм и удивительную полифункциональность этого слова впервые обратил внимание в своих исследованиях К.Боуда³⁾. Употребляясь в качестве связующего средства частей ППК, баң может выражать также синтаксические отношения СПП времени и места.

В языках различных типов есть имена существительные, аналогичные кетскому слову баң, которые могут использоваться как в своем самостоятельном конкретном значении, так и для передачи синтаксических отношений локальности и темпоральности в СПП. Типологически близкое употребление слова "место" отмечается исследователями в корейском языке⁵⁾, в лезгинском, чеченском языках⁶⁾. обстоятельственные придаточные предложения со словом "джер" выделяются в карачаево-балкарском языке⁷⁾.

ППК с послеложным словом баң могут соответствовать СПП времени, места и в ряде случаев определительным и изъяснительным предложениям. Рассмотрим подробнее каждую из этих ППК.

Характерной чертой СПП времени с послеложным словом баң является их моносубъектность. При этом чаще всего в обеих частях ППК субъект выражается лишь специальным показателем в составе глагольного сказуемого. Случаи формально выраженного подлежащего крайне редки. Для зависимой части характерна препозиция.

Действие, обозначаемое зависимым предикатом (далее ЗП), является длительным и представляет собой процессуальный фон, на котором происходит действие, выражаемое основным предикатом (далее ОП). Длительность, незаконченность зависимого действия передается глагольными формами настоящего-будущего времени. Общественный временной план СПП определяется формой времени глагола ОП. Форма прошедшего времени глагола ОП не только относит действие всего предложения в сферу прошедшего времени, но и выражает законченность основного действия, что в ряде случаев может называться прекращением длительного действия, обозначенного ЗП. Например:

кус' д-угдовот баң, еп д-иҫунбет "чум я-окапываю когда, лопату я-сломал (= "когда я окапывал чум, лопату сломал");
ть⁰ ?н д-ус'кавере баң, ул'капка д-е: с'ковиндак "котел я-выставляю когда, воду вниз я-вылил";
кот'ке доң-отн баң, асінаң тоҫду у-ин "по дороге мы-идем когда, лодки видели".

Форма настояще-будущего времени ОП соответственно выражает одновременность, параллельность протекания действий ОП и ЗП. Например:

бил'баң ди-у ор'е баң, ат еңгай ди-туң "далеко я смотрю когда, я гнездо я-вижу".

СПП места, определительные и изъяснительные сходны не только структурно, но и в семантическом плане их значения довольно часто перекрещиваются. Все три рассматриваемые СПП относятся к типу, так называемых нерасчлененных предложений, обязательным признаком которых является отнесенность зависимой части к одному слову главной. Разграничение между ними проводится по двум параметрам: по признаку опорного слова и по характеру подчинительной связи. В зависимости от опорного слова различаются местоименно-соотносительные (далее-МСК), присубстантивно-определительные (далее-ОК) и изъяснительные конструкции (далее ИК).

По характеру подчинительной связи выделяется корреляционный тип для МСК и присловный тип для ОК и ИК⁸⁾.

СПП места являются МСК с корреляционным типом отношений между частями ППК. Под корреляцией понимается соотношение двух взаимно перекликающихся компонентов в частях СПП, которые на семантическом уровне находятся друг с другом в какой-либо определенной связи⁹⁾. Наличие корреляции определяется по присутствию коррелятивного компонента в составе главной части. В функции коррелята в рассматриваемых СПП места выступает указательное местоимение суң "там". Сочетание местоименно-соотносительного слова суң и послеложного слова баң в качестве связующего средства составляет структурную основу данного типа МСК в кетском языке.

Значение зависимой части при коррелятивном типе отношений определяется семантикой коррелятивного компонента главной части. Придаточное предложение с послеложным словом баң указывает

место совершения действия главного предложения. В имеющихся у нас материалах рассматриваемые ППК являются разносубъектными. Для зависимой части характерна препозиция. Например:

кым до-тоу от баң, кон' с'уң д-ес'ондаХ "бабушка она-спит где, бисер там я-положила";
бат д-оІдаХ баң, аХ с'уң д-оІаңт-ин "старик он-жил где, деревья там они-выросли";
ад тол'иң баң, суң а:у ул' ус'аң "я видел где, там ручей есть".

ОК и ИК относятся к типу присловных предложений. Уже сам термин "присловные" говорит о том, что различие между двумя этими видами предложений должно скрываться в характере опорного слова, распространяемого зависимой частью. На этом основании Белошапкова В.А. выделяет придаточные предложения, которые зависят от грамматических свойств опорного слова как части речи, сюда относятся ОК; и предложения, необходимость появления которых обуславливается семантикой опорного слова: ИК (10).

Все рассмотренные нами кетские придаточные определительные предложения с послеложным словом баң служат для характеристики члена главного предложения, выраженного, как правило, именем существительным в дательном-направительном падеже. Характерным для таких ОК является наличие собственного субъекта, отличного от субъекта ОП и позиция после главного предложения. Например:

бу т-каујаХ иңус-диңа, буре бей ду-ораХ баң "он он-вошел в -дом, его друг он-живет где" ("он вошел в дом, где живет его друг");
һиссий-диңа һы бин ди-јаХ, айти кой тай уе баң "в-лес еще не я-хожу, плохой медведь ходит где" ("в лес я еще не хожу, где плохой медведь ходит").

Сказуемое главной части, выраженное глаголами со значением сообщения либо восприятия, может распространяться в кетском языке ИК с послеложным словом баң. Обе части таких ППК имеют, как правило, разные субъекты. Зависимая часть всегда постпозитивна. Например:

бам д-аң-тоІоң, имейна кокт бо І бен да-јаңт-ин баң "старуха она-их-видела, сосняка середине грибы они-растут где" ("старуха видела, где в сосняке растут грибы");
ат бон-диңа тоІераХ, киба:т ду-уораХ баң "мне в-голову упало, медведь он-живет где" ("я вспомнил, где живет медведь").

Некоторые выводы:

1. В кетском языке различается четыре вида ППК с послеложным словом баң: темпоральные: локальные, определительные и изъяснительные.
2. Для темпоральных и локальных зависимых конструкций характерна препозиция, для ОК и ИК - постпозиция.
3. СПП времени, как правило, моносубъектны. Три другие вида ППК характеризуются разносубъектностью. Однако недостаточность имеющихся материалов по синтаксису кетского СПП не позволяет сделать окончательных выводов. Вопрос требует дальнейшего накопления и уточнения языкового материала.
4. Употребление времен во всех типах рассмотренных ППК подтверждает общую закономерность, свойственную кетскому языку: длительность, незаконченность действия к моменту речи (или к моменту действия главного предложения в СПП времени) выражается формами настоящего-будущего времени; законченность, завершенность действия - формами прошедшего времени.

Литература и примечания

1. Крейнович Е.А. Глагол кетского языка. Л., "Наука", 1968, с. 22-29; Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968, с.142-143
2. Шерер В.Е. Служебные имена кетского языка, выполняющие функции послелогов. . В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1978, с. 123-135.
3. Кетское слово баң имеет соответствие во всех родственных енисейских языках: кот.асс.паң, ар.пең, пумп.биң. Интересно отметить материальное и семантическое тождество этого слова в кетском и тюркских языках (тюрк. маң "место, время"). Ср. каз. маң "окрестность", кет. ииңмаң (ииңбаң) "место еды", тонмаң "каменная сторона".
4. Bouda K. Ein semantisch interessantes lehrreiches Wort von großem Bedeutungsumfang. Budapest. Separatum.
5. Гамстедт Г.И. Грамматика корейского языка. М., 1951, с.144

6. Гришина Н.М. Употребление слова "баң" в сложном предложении кетского языка. В кн.: Языки и топонимия. Томск. 1977 с. 106-107.
7. Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, с. 315-316.
8. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 220-232.
9. Смирнов Д.А. Общие типы отношений между компонентами сложного предложения. В кн.: Индийское языковедение, М., 1978, с. 151.
10. Белошапкова В.А. указ. работа, с. 226.

Н.Н. Сергеева

О СОЮЗАХ И СОЮЗНЫХ СЛОВАХ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ, ЗАНИМАЮЩЕЙ ПОЗИЦИЮ ПАДЕЖНОЙ ФОРМЫ

В составе полипредикативных конструкций изъяснительные предложения имеют выделительную особенность: изъясняющая часть выполняет по отношению к информационной лексеме¹ "ту же функцию, которую выполняют, во-первых, зависимые словоформы, требующие опорным словом в порядке сильной подчинительной связи, во-вторых, форма именительного падежа в позиции подлежащего"², значительно реже в позиции сказуемого³. Из сказанного не следует, что имя при информационной лексеме свободно замещается придаточной частью и наоборот: такая замена возможна, если имя "имеет не конкретное (предметное), а событийное значение"⁴, и поэтому фактически оказывается весьма ограниченной, ср. "знать о переживаниях сына" = "знать, что сын переживает" и "знать о сыне". Однако не это важно для характеристики изъяснительной конструкции как типа сложноподчиненного предложения. Важно то, что придаточная часть, реализуя валентность информационной лексемы, замещает синтаксическую позицию падежной формы имени, т.е. является ее синтаксическим эквивалентом. Тождественность функции придаточной части и падежной формы по отношению к информационной лексеме обнаруживается благодаря операции введения в главную часть сложноподчиненного изъяснительного предложения (в последующем изложении — СПИ) структурного факультативного указательного местоимения "то", которое принимает падежную форму, соответствующую валентным требованиям распространяемой лексемы, например: "говорить о том, что...", "знать о том (то), что...", "просить о том, чтобы...", "надеяться на то, что...", "верить

в то, что..." и т.д. Следовательно, именно семантика (значение информации) опорной лексики является конституирующим механизмом изъяснительной конструкции как типа сложного предложения. Более того, семантическим фактором, в частности, репрезентацией информации (как явления объективной действительности) в значении опорной лексики предопределяется тот или иной показатель связи между частями СШП⁵. Тем не менее исходным моментом принятых в настоящее время классификаций СШП является формальный фактор — характер средства связи между частями. Поэтому в рамках этих классификаций четко противопоставлены два типа СШП — с союзами (союзный) и с союзными словами (относительный)⁶. При этом как-то игнорируется то обстоятельство, что имеют место изъяснительные предложения, в которых (при одной и той же опорной лексеме) возможен как союз, так и союзное слово. Таковы предложения с опорными лексемами обладания информацией (знать, известно, помнить и т.п.), восприятия информации (видеть, слышать и т.п.), передачи информации (сообщать, информировать и т.п.). В этой связи встает вопрос о факторах, предопределяющих в структуре СШП, с одной стороны, союз, а с другой — союзное слово.

Наибольший интерес в плане выявления этих факторов представляют СШП с опорными лексемами констатирующей информации, которые делятся на два типа по признаку наличия/отсутствия в значении информационной лексики указания на процессность информации. Противопоставление процессности/непроцессности, отражаемой в семантике опорной лексики информации, оказывается чрезвычайно важным для противопоставления союза и союзного слова в структуре изъяснительного предложения.

1. Так, процессные глаголы информации либо не образуют изъяснительных предложений (беседовать, разговаривать), либо образуют СШП, в структуре которых союзы невозможны, а имеют место союзные слова (думать, мыслить, обдумывать, размышлять, слушать, смотреть и т.п.): "Пока Петя раздумывал, что делать с новой заботой, Оганезов налетел на Скачкова: "Почему не выпишет!" (Каверин. Кусок стекла), "Человек тридцать мальчиков и девочек сидели на бревнах около школы и запальчиво спорили, на каких лугах самые большие и разнообразные цветы" (Паустовский. Клад), "Рабочие советоваться, как быть те-

перь" (Саянов. Лена), "Он ломал хлеб и, бросая крупные куски голубям, смотрел, как жадно они расклеивают корку" (Горький. Жизнь Клима Самгина). В приведенных примерах опорные глаголы информации имеют значение нерезультативного процесса. Введение в главную часть местоименного слова "то" в принципе положения не меняет, хотя с некоторыми из приведенных глаголов можно поспорить, вводя в главную часть местоимение "то" в соответствующей падежной форме, предложения с союзом "что", например: "Мальчики горячо спорили о том, что спортсмен за минуту не сможет преодолеть это расстояние", "Он размышлял о том, что такой жизни скоро придет конец", "Он обдумывал то, что его друг впервые не встретил его". Заметим, однако, что, даже если построенные нами предложения с точки зрения носителя русского языка правильны, они выходят за рамки изъяснительного типа одночленных СШП вследствие структурной обязательности местоименного слова. В подобных случаях изъяснительная конструкция формируется на уровне словосочетания (спорить о том, размышлять о том...), придаточная же часть замещает изъясняющую словоформу, лишенную конкретного значения. При этом придаточная часть развернуто называет тему информации, тогда как содержание информации остается за пределами предложения. Сказанное подтверждается тем, что информационные лексемы, изъясняющиеся только на уровне словосочетания (беседовать о книге, разговаривать о весне) образуют СШП при введении местоименного слова: "беседовать о том, как надо работать в новых условиях" или: "разговаривать о том, что придется работать в новых условиях".

Несовместимость значения процессности опорной лексики и союза в структуре СШП становится особенно очевидной при рассмотрении предложений с опорными лексемами результативного процесса типа болтать-сболтнуть, говорить-сказать, придумывать-придумать, разглядывать-разглядеть, рассматривать-рассмотреть, соображать-сообразить, шептать-шепнуть, которые в форме несовершенного вида обозначают развернутый процесс, а в форме совершенного вида — свернутый процесс, т.е. действие как целостный факт. В форме несовершенного вида приведенные информационные лексемы, имея значение развернутого процесса, образуют СШП только с союзными словами, тогда как в форме совершенного вида, теряя значение развернутого процесса, они образуют СШП не только с союзными словами, но и с союзом

"что". Ср.: "После чая Аркадий Иванович устроил игру в фанты, но дети устали, наелись и плохо соображали, что (служебное слово) нужно делать" (А.Н.Толстой. Детство Никиты) и "...поздно сообразил, что(союз) поступил опрометчиво", "сообразил, что (сл.сл.) нужно делать", "О чем говорили на комсомольском собрании? - Говорили, как (сл.сл.) надо бить фашистов" (Василенко. Возвращаетесь живыми) и "Скажу еще, что (с.) я пишу о советских людях, работающих в мировом океане" ("Литературная газета" №47, 1976г.), "Сказать, куда (сл.с.) она ушла, никто не мог".

В составе глаголов результативного процесса глаголы речи обладают той особенностью, что в форме несовершенного вида способны присоединять придаточную часть с союзом "что", теряя при этом значение процессности: действие-говорения воспринимается как целостный факт, происходит нейтрализация видового противопоставления, когда "несовершенный вид может воспринимать ряд функций совершенного, не утрачивая вместе с тем своих собственных признаков" ⁷. Ср.: "Доктор говорит, что здесь моя болезнь может усиливаться" (Гончаров. Обыкновенная история) и "Доктор сказал, что здесь моя болезнь может усиливаться"... Теряя значение процессности, глаголы речи способны приобретать значение повторяемости действия.

П. С другой стороны, невозможны союзные слова и имеют место только союзы ("что" и его варианты "как", "будто") в СПШ, образуемых непроецессными лексемами, в значении которых информация репрезентируется как отсутствие какой бы то ни было длительности, т.е. как "нулевая длительность". К таким информационным лексемам относятся: 1) лексемы информации, получающей внешнее выражение - вразумлять, добавлять, доказывать, жаловаться, заявлять, извиняться, клясться, намекать, обещать, отвечать, отрицать, повторять, прибавлять, признавать, признаваться, провозглашать, проповедовать, убеждать, уведомлять, удостоверить, указывать, упрекать, хвалиться, хвастать(ся) и т.п., например: "Разум Васильева пробова(л) доказывать, что нет ничего бесплоднее самоистязания" (Бондарев. Выбор)., "И не смешно ли было жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила" (Лермонтов. Тамань); 2) лексемы информации, не получающей внешнего выражения: а) лексемы состояния - болеться,

беспокоиться, беспокойство, больно, верить, горько, грустить, грустно, досадовать, досада, досадно, жалеть, жалко, жалость, надежда, надеяться, ощущать, радоваться, и т.п., например: "Черчилль,- продолжал президент, - не хочет решительно действовать в отношении осуществления этого предложения о попечительстве, так как он боится, что этот принцип придется применить к английским колониям" (Бережков. С дипломатической миссией в Тегеран. 1943), "Я надеюсь, что спокойствие совести может заменить для меня земные блага" (А.Островский. Доходное место), "В такие минуты особенно ощущаешь, что ты перед ним мальчишка, щенок и не более" (Богомолов. В августе сорок четвертого), б) лексемы оценки - беда, безусловно, вероятно, возмутительно, великолепно, главное, жаль, естественно, замечательно, знаменательно, нелепо, очевидно, плохо, разумеется и т.п.: Очевидно, что все существо его было глубоко потрясено" (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы), "Как-то само собой разумеелось, что группа ее. не бросит, устроит" (Горбатов. Мое поколение), в) лексемы результата мыслительной деятельности - думать (в значении "полагать, считать"), допускать, заключать, предполагать, признавать, рассчитывать, решать, считать и т.п., например: "А вы не допускаете, что за двое суток ее (рацию - Н.С.) могут взять оттуда, ее могли переправить в другое место?" (Богомолов. В августе сорок четвертого), (Альбер): Думаю, сестра, что это будет зависеть от тебя" (Пушкин. Сценн из рыцарских времен). г) лексемы обнаружения - вытекать, замечать, значить, обнаруживать, обнаруживаться, означать, оказываться, отмечать, подчеркивать, получаться, признавать, признаваться, раскрывать, следовать, явствовать и т.п., например: (Наталья: Рашель, если обвинение не доказано, это еще не значит, что обвиняемый не виноват" (Горький. Васса Железнова). "Шалавину нравилось всем своим поведением подчеркивать, что он никак не может отвыкнуть от поступков и слов, якобы ставших его второй натурой" (Соболев. Перстни), д) лексемы бытия - бывать, случаться: "Пока она училась на курсах, не раз бывало, что то один, то другой из курсантов больше не являлся на занятия" (Фадеев. Молодая гвардия).

Союзное слово (что) становится возможным с некоторыми из приведенных лексем в том случае, если в главной части имеется указатель-

ное местоимение "то". Союзное слово существенно меняет семантику придаточной части: придаточная часть не раскрывает содержания информации (как в предложении с союзом "что"), а замещая местоимение, указывает на объект того действия, которое в ней (в придаточной части) названо. Ср.: "...доказывал, что завтра будет прекрасная погода" и "...доказывал то, что нельзя доказать", т.е. "доказывал недоказуемое", "Было чудовищно и дико согласиться с тем, о чем он подумал в этот миг" (Бондарев. Выбор), т.е. с предметом мысли.

В предложениях с эмотивными глаголами (радоваться, печалиться, поражаться и др.) и местоимением "то" могут иметь место союзные слова "какой" (ая, ие, ое)", "как", благодаря которым придаточная часть обозначает высокую степень названного в ней действия или признака, например: "Васильев поразился тому, как с беспощадным высокомерием подменяет смерть живые черты" (Бондарев. Выбор) или "... поразился тому, какая она красивая".

Ряд лексем нулевой длительности (жаль, полагать, заключать, считать и др.) не допускают введения в главную часть местоимения "то", что свидетельствует о специфике придаточной части как распространителя информационной лексемы.⁸

Ш. И, наконец, рассмотрим СШПи, в структуре которых возможен как союз "что" (и его варианты), так и союзные слова. Такого типа СШПи образуются лексемами, в значении которых информация репрезентирована как подвижная неограниченная длительность. Лексемы неподвижной неограниченной длительности по способу оперирования информацией делятся на 1) лексемы обладания информацией - знать, известно, подозревать, помнить, понятно, предвидеть, предусматривать, провидеть, предчувствовать, ясно и т.п. Ср.: "Базаров очень хорошо знает, что (с) в некоторых случаях всякая попытка договориться до какого-нибудь удовлетворительного результата совершенно бесплодна". (Писарев. Реалисты) и "По ее лицу ходили смутные тени, и он помолчал, зная, о чем (сл.сл.) она думает. (Бондарев. Выбор).", "И смутно понял я тогда, что (с) мне на родину следа не проложить уж никогда. (Лермонтов. Мцыри.) и "Теперь было понятно, почему (сл.сл.) немцы оттянули боевое охранение" (Симонов. Живые и мертвые.); 2) лексемы получения (утраты) информа-

ции - вспоминать, выведывать, выяснять, догадываться, дознаваться, допытываться, забывать, запоминать, запоминаться, определять, познавать и т.п.. Ср.: "Кто-то вспоминает, как (что) он был недавно в одном греческом музее и там нашел подтверждение высказанной концепции" (Литературная газета, 5.02.1975) и "Почти не напрягая память, он вспомнил, чей (сл.сл.) это голос" (Бондарев. Выбор); 3) лексемы восприятия информации - видеть, видно, воображать, замечать, заметно, подмечать, представлять, примечать, слышать, уловить, услышать, фиксировать, и т.п. Ср.: "Вижу, голубчик, что (с) вы против эдакой превентивной стратегии" (Бондарев. Выбор) и "(Иоанн:) Старик, я вижу, что (сл.сл.) сказать ты хочешь" (А.К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного); 4) лексемы доведения информации до сведения кого-либо - докладывать, извещать, напоминать, объявлять, писать, поведывать, предсказывать, сообщать, и т.п. Ср.: "(Левинсону) сообщили, что (с) вскоре должен пройти эшелон с оружием и обмундированием" (Фадеев. Разгром.) и "Наконец сообщили, куда (сл.сл.) пойдет отряд".

СШПи, образуемые одной и той же лексемой неподвижной неограниченной длительности, различаются по семантике в зависимости от того, союз "что" или союзное слово связывают части предложения. Так, семантикой предложения с союзом "что" является обладание информацией или получение, передача, восприятие информации о конкретном факте; семантикой же предложения с союзными словами (кроме -"какой, ая, ое, ие", "как"), является указание на имеющуюся, получаемую информацию того или иного объема. Ср.: "Сообщили, что войска двинулись" и "Сообщили, куда двинулись войска". Информация, на которую указывается в придаточной части СШПи с союзным словом, обычно конкретизируется - в этом предложении, однако за пределами придаточной части - или в более широком контексте (в предыдущих или последующих предложениях). Например: "Да, да, я наконец-то понял, что меня раздражает: я подсознательно ищу в нем прежнего Илью" (Бондарев. Выбор.). Вне текста СШПи с союзными словами являются информативно недостаточными, так как содержание информации раскрывается за пределами СШПи. Местоимение "то" в составе рассматриваемых предложений как о союзах, так и с союзными словами структурно факультативно, и его употребление имеет окказиональный характер (ср.: "Теперь понятно, почему немцы оттянули бое-

вое охранение" и "Теперь понятно то, почему немцы оттянули боевое охранение"; "Наконец-то я понял, что меня раздражает" и "Наконец-то я понял то, что меня раздражает".).

Итак, анализ типов СШП позволил установить следующие закономерности взаимодействия семантики опорной информационной лексемы и связочных средств в структуре СШП: 1) для наличия в структуре СШП союза ("что" и его вариантов) важно отсутствие у опорной информационной лексемы значения неограниченной результатом процессности.

2. Для наличия в структуре СШП союзного слова важно наличие у опорной информационной лексемы значения длительности — неподвижной или процессной (в том числе и свернутой, результативной процессности).

Установление этих закономерностей позволяет объяснить возможность образования одной и той же информационной лексемы союзного и относительного типов СШП. Так, опорные лексемы неподвижной неограниченной длительности (знать, помнить и др.), с одной стороны, способны образовывать союзный тип изъяснительных предложений, так как они не имеют значения процессности, а с другой стороны, относительный тип, так как имеют значение длительности (неподвижной и неограниченной).

Литература и примечания

1. Сергеева Н.Н. О понятии и типологии изъяснительной конструкции. — В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях, "Наука", Новосибирск, 1980, с. 235–236.

2. Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970, с. 701.

3. Русская грамматика, т. II, синтаксис, М., 1980, с. 484.

4. Там же, с. 482.

5. Сергеева Н.Н. Указ. соч.

6. Грамматика современного русского литературного языка, с. 703. Крайних В.И. Сложноподчиненные изъяснительные предложения в современном русском языке, АКД, М., 1971; Русская грамматика, с. 471, 508.

7. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол, "Просвещение", Л., 1967, с. 85.

8. Русская грамматика, с. 484.

Содержание

стр.

Е. И. У б р я т о в а . Предикативное склонение в якутском языке.....	3
М. И. Ч е р е м и с и н а . Предикативное склонение как база зависимой предикации в алтайских языках.....	12
Л. М. Б р о д с к а я . Значение склоняемых предикативных единиц в эвенкийском языке.....	39
В. М. А л п а т о в . Замечания о японской падежной системе.....	66
Г. Ц. П ю р б е е в . Специфика падежного оформления субъекта в инфинитных конструкциях монгольских языков.....	80
Х. М. Е с е н о в . Сложноподчиненные предложения с падежно-последовательными формами причастий в казахском языке.....	89
Л. А. Ш а м и н а . Причастно-последовательные конструкции зависимой части сложноподчиненных предложений времени.....	98
Ш. Ч. С а т . Роль служебных слов ДП, ДЭШ в сложноподчиненном предложении тувинского языка.....	112
О. В. С у б р а к о в а . Падежные аффиксы как средство связи частей сложноподчиненного предложения в хакасском языке.....	116
Е. К. С к р и б н и к . Подлежащие конструкции в бурятском языке.....	123
И. П. С о р о к и н а . Зависимые предикаты с падежными формантами в энецком языке.....	138
Н. Б. В а х т и н . Зависимые предикативные единицы в позиции дополнения в эскимосском языке.....	149
Н. М. Т р и ш и н а . Сложноподчиненные предложения с последовательным словом БАН в кетском языке.....	157
Н. Н. С е р г е е в а . О союзах и союзных словах в полипредикативных конструкциях с придаточной частью, занимающей позицию падежной формы.....	163

ПАДЕЖИ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ
В СТРОЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СИБИРИ
(Сборник научных трудов)

Ответственный редактор
Технический редактор

М.И.Черемисина
Л.А.Шамина

МН 06435 Подписано к печати 21.08.81 Зак. № 2585 Тираж 500
Формат бумаги 60x84, 1/16, 10 уч. изд. л. Цена 50 коп.
г. Новосибирск Типография ГИИТБ СО АН СССР